

Санкт-Петербургский государственный университет

ГОНЧАРКО Оксана Юрьевна

Выпускная квалификационная работа

**«Логические сочинения Феодора Продрома: вопросы жанра, стилистики и
рецепции античной традиции»**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5794. «Византийская и новогреческая
филология»

Научный руководитель:
доцент, кафедра общего языкознания,
Черноглазов Дмитрий Александрович

Рецензент:
кандидат философских наук, научный
сотрудник, Русская христианская
гуманитарная академия
Тоноян Лариса Грачиковна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение.

- 0.1. Задачи, цели и материал.....3
- 0.2. Сведения о логических работах Феодора Продрома. 6
- 0.3. Анализ современного состояния исследований. Обзор литературы..... 12

Глава 1. Диалог «Ксенедем, или Гласы» в византийской традиции платоновского диалога.

- 1.1 Развитие платоновского диалога как жанра в Византии IV – XII вв.....16
- 1.2 Жанровые и стилистические особенности диалога «Ксенедем, или Гласы». 24
- 1.3. Логическое содержание диалога «Ксенедем, или Гласы» 29

Глава 2. Трактат «О великом и малом» в контексте византийских комментариев к «Категориям» Аристотеля

- 2.1 Жанровые особенности логических работ в Византии 52
- 2.2 Стилистические и жанровые особенности трактата «О великом и малом» Феодора Продрома 58
- 2.3 Логическое содержание трактата «О великом и малом» 67

Глава 3. «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» в истории позднеантичных и византийских комментариев ко «Второй Аналитике»

- 3.1 Позднеантичная и византийская традиция комментариев ко «Второй Аналитике» Аристотеля 88
- 3.2 Стилистические особенности продромовского комментария 94
- 3.3 Логическое содержание продромовского комментария 98

Заключение 101

Библиография 107

Приложение 1. Список опубликованных работ 116

Введение

0.1 Задачи, цели и материал

Данная работа посвящена исследованию логических трудов византийского автора XII века Феодора Продрома: диалогу «Ксенедем, или Гласы», созданному в жанре платоновского диалога; небольшому трактату «О великом и малом», адресованному учителю Феодора Продрома Михаилу Италику и написанному в форме письма; а также пространному «Комментариию ко второй книге «Второй Аналитики» Аристотеля», составленному в традициях неоплатонических комментариев ко «Второй Аналитике» Аристотеля. Цель исследования – выявление философских, логических, жанровых и стилистических особенностей указанных произведений.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- формулировка и аргументация гипотезы о том, что логические произведения Феодора Продрома являются самостоятельными авторскими произведениями как с литературной, так и с историко-логической точки зрения, несмотря на то, что некоторые их фрагменты и стилистические приемы являются подражанием античным образцам или компилированием и парафразом античных и ранневизантийских текстов;
- исследование жанровой специфики логических работ Феодора Продрома;
- сопоставление избранных фрагментов с античными и ранневизантийскими прототипами и компаративный анализ на различных уровнях: историко-литературоведческом, лексическом, жанровом, стилистическом и историко-логическом;
- описание отличительных индивидуальных черт продромовских произведений;
- определение особенностей историко-логического контекста создания логических трудов Феодора Продрома;

– логический разбор основного содержания данных работ.

Исследование, посвященное систематическому изучению именно логических трудов Феодора Продрома проводится впервые. Новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе к решению поставленных выше задач и предполагает не только филологический, историко-литературный, но и историко-логический и философский анализ логических работ Феодора Продрома с целью определения роли и масштабов влияния Феодора Продрома на историю логики в Византии. Историко-логический анализ указанных произведений проводится впервые, благодаря чему они могут быть включены в общую (еще никем не написанную) полную историю логики в средние века, которая бы учитывала в том числе византийских, а не только западноевропейских авторов.

Работа состоит из введения, вступления, трёх глав, заключения и одного приложения. Введение представляет предмет исследования, цели и задачи исследования, содержит анализ современного состояния исследований в данной области, а также обзор источников и литературы. В первой главе рассматриваются жанровые, стилистические, языковые и содержательные особенности диалога «Ксенедем, или Гласы» в историко-литературоведческом и историко-логическом аспектах: в контексте византийской истории жанра платоновского диалога, в контексте комментариев к «Введению» Порфирия; а также в контексте влияния неоплатонической философии. Вторая глава посвящена исследованию жанровых особенностей, языка, стиля и логического содержания трактата «О великом и малом»: рассматриваются вопросы его жанровых характеристик в контексте общей классификации жанров логических работ в Византии, стилистические приемы, используемые в этом произведении, полемическая аргументация Продрома против Аристотеля и Порфирия, особенности построения текста, выявляются аллюзии, скрытые цитаты, проводится детальный разбор содержания. В третьей главе приведены некоторые фрагменты «Комментария ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля»,

осуществлен стилистический, жанровый и содержательный анализ текста, а также сравнительный анализ – в связи с другими византийскими комментариями ко «Второй Аналитике». В заключении отражены результаты проведенного исследования. Приложение содержит список опубликованных мною научных статей по теме данного исследования за все время его проведения с 2013 г. по 2021 г.

0.2 Сведения о логических работах Феодора Продрома

Феодор Продром (Θεόδωρος Πρόδρομος, 1100 – 1165/70), будучи придворным поэтом, оратором и ученым, являясь одной из центральных фигур в византийской интеллектуальной среде XII в., помимо известных широкому кругу читателей литературных произведений и грамматических упражнений написал также три работы по логике, изучению которых практически не нашлось места ни в истории исследований византийской литературы, ни в истории изучения логики в средние века.

Логические идеи Феодора Продрома отражены в трех его сочинениях:

1. Диалог «Ксенедем, или Гласы» (Ξενέδημος, ἢ Φωναί) является примером распространенных в Византии подражаний жанру платоновского диалога, совмещающих драматические и философские зарисовки. Этот маленький диалог является уникальным с точки зрения истории логики экспериментом, поскольку в нем платоновская диалектика применяется к решению логических вопросов теории определения Порфирия.
2. Трактат «О великом и малом» (Περὶ τοῦ μεγάλου καὶ τοῦ μικροῦ), написанный в жанре письма, содержит рассуждения об отнесении понятий великого и малого к категории отношения. Формально письмо адресовано Михаилу Италику. Однако, обращаясь с вопросами то к нему, то к Аристотелю, автор на самом деле полемизирует с Порфирием, дословно воспроизводя некоторые фрагменты его «Комментария к „Категориям“».
3. «Комментарий ко второй книге „Второй Аналитики“ Аристотеля» (Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου παράφρασις εἰς τὸ ὑστερον τῶν ὑστέρων Ἀναλυτικῶν τοῦ Ἀριστοτέλους) до сих пор не издан, его подробное содержание и одна из версий греческого текста доступны в диссертации Михаила Какурса [Cacours 1992]. В этом тексте Продром рассуждает об отношении теории определения и теории доказательства.

Основное содержание диалога «Ксенедем, или Гласы» – это критика

пяти признаков понятия, или «гласов» (φωναί), сформулированных Порфирием в его «Введении» к «Категориям» Аристотеля. Однако, эта критика облекается не в традиционную для истории логических комментариев форму трактата, а в необычную для выражения логических идей форму платоновского диалога, впрочем, характерную для византийской литературы и довольно распространенную. Как греческие, так и латинские примеры средневековых трактатов по логике составлялись, как правило, методом вырезания, компилирования, а зачастую и просто копирования текстов Аристотеля и Порфирия, либо более поздних комментаторов. Например, существовал такой жанр как эпитомы (Ἐπιτομαί), которые являлись греческим аналогом латинских *Summulae* и не предполагали разбора тем, которые были бы не известны Аристотелю. Однако, их отличало от латинских аналогов то, что они походили более на комментированный парафраз, чем на самостоятельный авторский текст. При этом они были довольно сложно структурированы и предполагали такие разделы как теория, практика, вопросы терминологии и примеры. Такие парафразы в основном использовались для предварительного ознакомления, после которого предполагалось чтение уже самого аристотелевского текста.

Голландский историк логики Стен Эббесен «критикует» византийских авторов, которые создавали логические тексты, прежде всего в связи с тем, что в Византии логика так и не стала предметом изучения для профессионально занимающихся логикой авторов (а именно круга авторов, для которых логика была бы профессией), а вместо этого логикой и философией в Византии зачастую занимались авторы-эрудиты, для которых логика была вторичным предметом интереса (теологи, риторы, политики, историки и даже, как в случае с Продромом, поэты). В связи с этим они использовали логику лишь как инструмент и воспринимали ее скорее как «ликбез», а не как отдельный предмет изучения. Второй «упрек» Стена Эббесена в адрес византийских логиков можно было бы сформулировать следующим образом: с точки зрения истории средневековой логики методологически было бы корректнее

логические византийские работы сравнивать не с теми текстами по логике, которые создавались в университетской среде на Западе, а скорее с латинскими «учебниками» по логике для церковно-приходских школ [Ebesen 1996: 78]. Однако, совершенно уникальным и беспрецедентным для истории логики жанром, который был использован для изложения комментариев к «Введению» Порфирия в Византии, был «платоновский» диалог. Только Феодору Продрому, насколько известно на настоящий момент, пришлось в голову изложить свою критику некоторых логических идей Порфирия в формате платоновского жанра – такой форме изложения логических идей не было аналогов более ни в западной латинской традиции, ни в византийской греческой.¹ В связи с этим диалог «Ксенедем, или Гласы» является интересным и уникальным примером применения платоновской формы изложения к комментированию логики Порфирия и Аристотеля. На данный момент критическое издание этого диалога подготовлено и издано с моим участием в 2017 г. [Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017] в связи с тем, что первое его издание [Cramer 1836] обладало рядом недостатков, о которых будет упомянуто ниже в соответствующем параграфе первой главы. С. Эббесен также признает, что несмотря на общий исток, греческие византийские и латинские западноевропейские средневековые тексты по логике, возможно, преследовали разные цели, несмотря на то, что зачастую использовали похожие средства [Ebesen 1996: 67].

Письмо-трактат «О великом и малом», которому посвящена вторая глава данной диссертации, адресован Михаилу Италику и посвящен вопросу отнесения понятий «великого» и «малого», а также «многого» и «немногого» к какой-либо из десяти категорий Аристотеля. Однако, аристотелевское решение не устраивает Феодора Продрома, и он выстраивает оригинальную последовательность аргументов против аристотелевского решения, изящно прибегая к тексту самого Аристотеля.

---

¹ В рамках западноевропейской логической традиции в средние века логические идеи не излагались в художественных литературных жанрах. Единственный известный пример такого изложения это поэма Радулфа Нигера (Radulphus Niger), написанная гекзаметром, от которой, к сожалению, сохранились только две строфы.

Во второй главе данный текст Продрома характеризуется с точки зрения его структуры, стиля и философского содержания, а также оцениваются обоснования и опровержения Феодором Продромом разных подходов к отнесению понятий «великого» и «малого» к той или иной категории. В отличие от аристотелева отнесения этих понятий одновременно к нескольким категориям (отношения и количества) решение Продрома подкрепляется несколькими аргументами в пользу отнесения понятий «великого» и «малого», «многого» и «немного» исключительно к категории количества (τὸ ποσόν), а также к одному из видов противоположаний (τὰ ἀντικείμενα), а именно противоположностям (ἐναντία). В тексте трактата Продром приводит как логические (от правил деления понятий) так и лингвистические (от сложившегося словоупотребления) аргументы. Отдельного интереса достоин его вывод о том, почему понятия «великое» и «малое» невозможно отнести к категории отношения. Поскольку его аргументация не совпадает с решениями Аристотеля и Порфирия, то вполне возможно поставить вопрос об оригинальности продромовского решения или оригинальности той логической традиции, сформировавшейся в рамках неоплатонических византийских школ, которая привела к нему.

Во второй главе данной диссертации, опираясь на анализ этого текста Продрома, сформулирована гипотеза, что к XII в. происходит сдвиг в осознании разных возможностей отнесения понятий к категориям: от аристотелевского и порфириево не строгого отнесения — до продромовского строгого (взаимоисключающего). Аргументация Феодора Продрома довольно оригинальна и интересна (по крайней мере по отношению к Александрийской неоплатонической традиции комментирования «Органона» Аристотеля, включающей работы Симпликия и Аммония Александрийского), в которой нет еще перехода к более строгому варианту отнесения этих понятий только к одной из категорий (либо к категории количества, либо к категории отношения), что уже в большей степени напоминает современную трактовку правил логического деления понятий в формальной логике. Довольно

интересным является в том числе вопрос, в какой момент был осуществлен этот сдвиг к «продромовскому» решению, ответ на который необходимо искать в византийской традиции комментария к Аристотелю и Порфирию, начиная с VI в. и заканчивая XII в.

«Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» создается в рамках традиции комментирования, восходящей к позднеантичным и византийским комментариям к «Органону». В третьей главе предпринята попытка систематически рассмотреть позднеантичную и византийскую традицию комментирования «Второй Аналитики» Аристотеля от первых комментаторов до XII века в качестве контекста для составленного Феодором Продромом комментария. Данная работа является третьей и последней работой по логике из созданных Продромом в разных жанрах: и в данном случае им выбран традиционный для этого текста жанр логического комментария. «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» является объемным трактатом, который посвящен разбору основных вопросов аристотелевской теории доказательства и теории определения. Позднеантичным и византийским греческим контекстом для подробного рода комментирования «Второй Аналитики» Аристотеля, помимо данного продромовского комментария, являются следующие тексты:

- 1.Фемистий (ок. 318 – ок. 388): Парафраз «Второй Аналитики» (*Themistii Analyticorum Posteriorum paraphrases*) [Wallies 1900].
2. Иоанн Филопон (ок. 490 – ок. 570): «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики”» (*Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora commentaria cum Anonymo in librum II*) [Wallies 1909; McKirahan 2008; Goldin 2008].
3. Анонимный комментатор: *Anonymi in analyticorum posteriorum librum alterum commentarium* [Wallies 1909].
4. Евстратий Никейский (1050/1060 –ок. 1120): «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики”» (*Eustratii in Analyticorum Posteriorum Librum Secundum Commentarium*) [Hayduck 1907].

В третьей главе представлено краткое содержание первых двух глав

каждого из комментариев в целях сравнения с содержательными моментами первых двух глав продромовского текста, произведено сравнение с содержанием аристотелевского текста, а также рассмотрено, каким образом развивалась традиция подобного рода комментирования, как она определила структуру и содержание текста Феодора Продрома. В главе предложен сравнительный его анализ с комментариями более ранних авторов этого жанра с точки зрения стилевых, жанровых и содержательных аспектов текста; осуществлена попытка оценить меру самостоятельности данного продромовского текста и его зависимости от предшествующей ему традиции комментирования. Охарактеризовать обширный комментарий Продрома ко «Второй аналитике», до настоящего момента почти неизученный, – важная задача, стоящая перед современными исследователями: с одной стороны, это позволит составить представление о логических взглядах одного из интереснейших византийских писателей XII в., а, с другой стороны, поможет углубить наши знания о византийской логической традиции эпохи Комнинов.

0.3 Анализ современного состояния исследований. Обзор литературы

Анализ современного состояния исследований в данной области

С точки зрения истории литературы

История византийской литературы – в высшей степени актуальное направление в современной византистике, которое активно разрабатывается западноевропейскими учеными (М. Маллетт, А. Калделлис, Ф. Колову, М. Грюнбарт, С. Папаиоанну, С.А. Иванов, Д.А. Черноглазов и др.). Наиболее важные задачи византийского литературоведения в настоящее время – публикация памятников в критических изданиях; характеристика творчества отдельных авторов, предполагающая выявление специфических черт их литературного стиля (и Феодор Продром с его обширным и разнообразным наследием является в данном отношении одним из приоритетов); и, наконец, – написание полноценной истории византийской литературы (существующие труды К. Крумбахера, Г. Хунгера и Х.-Г. Бека, наиболее полные на данный момент, являются скорее справочными изданиями, а фундаментальный труд А.П. Каждана, к сожалению, оканчивается X веком).

С точки зрения истории философии

История философии в Византии – также является практически terra incognita (тоже по причине неизданности большинства текстов), и несмотря на то, что ею занимается большее количество исследователей, чем историей византийской логики (Н.Г. Харалабопулос, Л.Г. Бенакис, Б.Н. Татакис, М. Фреде, К. Иеродиакону, И. Вандулакис, В.М. Лурье, Д.С. Бирюков, Д.С. Курдыбайло, М. Варламова, Э. Канаева, Д. Макаров, С. Марков, И. Христов, Е.А. Маковецкий и проч.), в основном историки философии в Византии изучают ее практически исключительно в контексте исследования богословской проблематики. Тем не менее, философские построения византийцев часто выходят за пределы богословского дискурса и являются во

многим достаточно независимыми от богословия и достойными отдельного исследования, в том числе логические.

С точки зрения истории логики

История логики в Византии – тема малоизученная как в российском, так и в мировом научном сообществе. Основные направления в изучении истории логики в Византии на данный момент связаны лишь с поиском, описанием, подготовкой к изданию и комментированным прочтением источников, которые постепенно предполагается осмыслить с точки зрения различных предметных областей логики (теории определения, теории доказательства, эротетической логики, логической педагогики, модальной логики и др. неклассических логик). В научном мировом сообществе историей логики в Византии вне контекстов богословия и других логических приложений занимается лишь небольшая группа ученых: С. Эббесен, К. Иеродиакону, С. Герогиоргакис, М. Какурос, К. Эрисманн, Л.Г. Тоноян, В.В. Воробьев, а также некоторые издатели византийских текстов по логике Л.В. Спиридонова и А.В. Курбанов.

История логики в Византии – обширная и малоизученная тема в силу необходимости междисциплинарного подхода к исследованию данной проблематики: необходимо учитывать контексты истории логики, истории византийской литературы, богословия и философии, а также истории греческого языка. В связи с этим, большинство византийских текстов по логике до сих пор не переведены, а некоторые вообще не изданы. Задача оценить степень преемственности и оригинальности логических идей в рамках византийского направления средневековой логики была поставлена в конце XX в. историком логики Стеном Эббесеном (Sten Ebbesen) и до сих пор не решена в мировой науке.

В последние годы было опубликовано как минимум три монографии, касающиеся в том числе и вопросов истории логики в Византии: самого Стена Эббесена, который издал в 1996 г. цикл общих статей о византийской логике и философии [Ebbesen 1996]; Катерины Иеродиакону (Katerina Ierodiakonou),

которая в 2002 г. опубликовала сборник работ, касающихся практически всех периодов развития истории логики в Византии [Ierodiakonou 2002]; и Кристофа Эрисманна, который в 2017 г. написал первую в истории логики и византийской филологии главу о истории византийского логического комментария [Erismann 2017: 362–380].

В данном исследовании предлагается восполнить некоторые пробелы, связанные как с историей изучения византийской литературы (указанные произведения Феодора протрома до сих пор пока не исследованы как часть его литературного наследия), так и с историей исследований логики в Византии (данные тексты до сих пор не изучены с точки зрения рассмотрения их влияния на развитие логики в средние века, не включены ни в один историко-логический перечень текстов по логике, а их содержание историкам логики не известно и практически никем не обсуждалось (кроме единичных исследовательских работ М.Какуроса, посвященных в основном «Комментарию», а также единичных упоминаний этих текстов у С.Эббесена).

Обзор источников и литературы

Диалог «Ксенедем, или Гласы» сохранился по крайней мере в 5 списках (Cod. Barocc. 165; Cod. Barocc. 187; Cod. Paris. Suppl. 655; Cod. Vat. Gr. 305; Torino, Fonds principal. С. II. 07). Его первое издание [Cramer 1836] было основано лишь на двух поздних рукописях Оксфордской библиотеки, одна из которых напрямую восходит к другой. Его первое полное критическое издание было подготовлено и опубликовано в 2017 г. в [Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017] при моем участии. Его перевод на русский язык был выполнен Д.А.Черноглазовым и опубликован в 2020 г. в журнале «Платоновские исследования» [Черноглазов, Гончарко 2020]. «Ксенедем» уже давно был известен научному сообществу – его кратко характеризует в своей монографии о Феодоре Протроме С.Д. Пападимитриу [Пападимитриу 1905: 109–113], о нем упоминается в обобщающих трудах С. Эббесена [Ebbesen 1996: 81–82], В.Н. Татакиса [Τατάκης 1977: 209], Г. Хунгера [Hunger 1978: 25, 35], А. Калделлиса [Kaldellis 2007 : 252], однако анализу этого любопытного

текста посвящена всего одна исследовательская статья Н.Г. Харалабопулоса [Χαραλαμπίδουλος 2005: 189–214] и несколько наших статей² [Черноглазов, Гончарко 2015, 2016, 2018; Гончарко, Слинин, Черноглазов 2016, 2018]. Трактат «О великом и малом» с историко-литературоведческой и историко-логической точек зрения исследован еще меньше: он был издан только по трем рукописям (Paris. gr. 1928, Paris. gr. 1932, Paris. gr. 2350) в XIX веке в [Tannery 1887], а в кратком введении в издание представлены в основном характеристики рукописной традиции [Tannery 1887: 104–110] без обращения к содержанию самого текста. Трактат упоминается только лишь в обобщающих и справочных трудах [Hörandner 1974: 209; Hunger 1978: 35]. Нам не удалось в научной литературе выявить ни одной работы, посвященной целиком этому небольшому трактату. В связи с этим на настоящий момент есть только две научных статьи, написанные нами и посвященные этому произведению [Черноглазов, Гончарко 2018; Гончарко, Слинин, Черноглазов 2018]. «Комментарии ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» в основном посвящены работы только одного исследователя – Михаила Какурова [Cacouros 1992; 1993; 1994–1995; 1996; 1998], в том числе и подготовка критического издания текста.

---

² См. Приложение 1.

Глава 1. Диалог «Ксенедем, или Гласы» в византийской традиции платоновского диалога

1.1 Развитие платоновского диалога как жанра в Византии IV – XII вв.

В истории логики (особенно в рамках ее античного и средневекового этапа) жанр диалога как жанр изложения логического материала не пользовался популярностью. И этому есть вполне объяснимая причина: классическим жанром исследования по логике был, как правило, монологический трактат, в силу необходимой природы логического знания, его общезначимости и даже антидиалектичности. Однако, как Античность, так и Средневековье знали примеры и диалоговых форм иложения логических идей:

1) диалог как метод определения понятий и формирования знания использовался Платоном, а педагогический и майевтический потенциал платоновских диалогов не требует отдельных комментариев и широко изучен как в историко-философской, в историко-педагогической, так и в историко-логической литературе;

2) среди несохранившихся текстов Аристотеля по логике, перечисленных в немецкой энциклопедии [Pauilly 1894], упоминается в том числе и диалог Аристотеля «О категориях», замысел которого предположительно заключался в том числе и в том, чтобы осуществить предварительную учебную подготовку к чтению непосредственно уже «научного» аристотелевского трактата «Категории»; интересной исследовательской задачей было бы реконструировать аристотелевские педагогические приемы, предваряющие изучение логики как науки;

3) помимо широко известного и изученного историками логики трактата Порфирия «Введение к “Категориям” Аристотеля» у Порфирия также среди написанных им логических текстов присутствует «Комментарий к “Категориям” Аристотеля, составленный в виде вопросов и ответов» (Εἰς τὰς Ἀριστοτέλους Κατηγόριαι κατὰ πεῦσιν καὶ ἀπόκρισιν) [Busse 1887: 1–22], где в

качестве «участников» и «действующих лиц» диалога выступают Вопрос (Ἐρώτησις) и Ответ (Ἀπόκρισις);

4) среди средневековых диалоговых экспериментов преподавания логики, особенного внимания заслуживает диалог «Ксенедем или гласы» (Ξενέδημος ἢ Φωναί) Феодора Продрома, который посвящен разбору определений пяти предикабилей Порфирия, рассмотреть которые Феодор Продром решил в виде «сведения к абсурду» или «приведения к апориям», найти выход из которых предлагается ученику; можно утверждать, что пять частей диалога представляют собой пять логических головоломок, основанных на тексте Порфирия, разрешение которых способствует осмысленному, активному и творческому освоению текста «Введения» Порфирия;

5) и, наконец, отдельного внимания и рассмотрения заслуживает такой средневековый диалоговый логический жанр как диспут (disputatio), формально-логический способ ведения спора в схоластической системе образования средневековой Европы, проводимый одновременно как в образовательных целях, так и с целью установления богословской или научной истины.

В данном же параграфе осуществляется попытка коротко представить и охарактеризовать основные образцы византийских литературных произведений, созданных в подражание жанру платоновского диалога с IV по XII вв., для того, чтобы определить византийский контекст развития этого жанра, в рамках которого был написан и продромовский диалог «Ксенедем, или Гласы». Каждый диалог коротко характеризуется в данном параграфе как с точки зрения фабулы и содержания, так и с точки зрения его принадлежности жанру именно платоновского диалога.

Платоновский диалог – жанровая форма, которую византийская традиция воспринимает у античной литературы. Диалоги в стиле Платона сочиняются на протяжении всего византийского тысячелетия. Перечислим и кратко охарактеризуем наиболее важные образцы исследуемого жанра,

созданные в Византии с IV по XII вв.:

1. Диалог «О свободе воли» Мефодия Олимпийского кратко охарактеризован Д.А.Черноглазовым в [Гончарко, Черноглазов 2017: 154–156] как диалог о природе зла, происхождении материи и свободе воли, в котором участвуют три собеседника: православный христианин и два приверженца учения валентиниан. «В начале диалога автор следует сократическому методу, но впоследствии отходит от него: истина не определяется путем вопросов и ответов, а излагается оппонентам, удел которых – не участвовать в дискуссии, а внимать и учиться» [Гончарко, Черноглазов 2017: 155].
2. В диалоге «Пир десяти дев, или О целомудрии» присутствует даже рамочный диалог: «Текст Мефодия изобилует явными и скрытыми цитатами из платоновского диалога “Пир” и во многом повторяет его структуру. В заключительной части рамочного диалога, собеседники начинают спорить и используют диалектический метод. Этот короткий эпилог не чужд сократовской иронии и майевтики» [Гончарко, Черноглазов 2017: 155].
3. В диалоге «О душе и воскресении» Григория Нисского Григорий и его сестра Макрина ведут беседу о смерти, о человеческой душе и других вопросах. Григорий – играя роль *advocatus diaboli* – принимает сторону оппонентов христианского вероучения, приводит их доводы и задает сестре вопросы. «О душе», и по форме, и по содержанию, во многом восходит к диалогу Платона «Федон» [Маковецкий 2010].
4. В диалоге Порфирия «Комментарий к “Категориям” Аристотеля, составленный в виде вопросов и ответов» в качестве «участников» и «действующих лиц» выступают Вопрос (Ἐρώτησις) и Ответ (Ἀλόκρισις). Будучи отражением реальной полемики между Порфирием и Плотинем относительно статуса «Категорий» Аристотеля, этот диалог воспроизводит некоторые элементы платоновского жанра [Гончарко 2016f].
5. Элементы платоновского диалога содержатся и в диалоге «Феофраст» Энея Газского, который написан на рубеже V–VI вв. и носит апологетический характер. Согласно интерпретации Д.А.Черноглазова, «в нем опровергается

учение о предсуществовании и переселении душ и утверждаются христианские догматы о бессмертии души и воскресении» [Гончарко, Черноглазов 2017: 155].

6. Диалог «Аммоний» Захария Схоластика также находится на грани двух различных литературных жанров – диалога платоновской традиции и полемического диспута: в данном диалоге постепенно «тон дружелюбной беседы, характерный для платоновской традиции, уступает место агрессивной полемике с оппонентами» [Гончарко, Черноглазов 2017: 155].

С окончанием ранневизантийской эпохи традиция платоновского диалога прерывается – по крайней мере, ни один платоновский диалог периода темных веков до нас не дошел. Принято считать, что возрождение этого жанра наступит лишь в поздневизантийскую эпоху, в XIV в. В действительности, оно происходит намного раньше – уже в IX в., в эпоху «Монашеского возрождения» [Гончарко 2015, 2015a].

7. Центральная сцена «Жития патриарха Никифора», написанного Игнатием Диаконом, – диспут между святым патриархом и императором-иконоборцем Львом V Армянином, построенный автором как платоновский диалог. Новаторство Игнатия состоит в том, что элементы платоновского жанра включены в житие святого: Никифор, выступая в роли Сократа, задает вопросы своему оппоненту-еретику и разоблачает иконоборческую ересь; ставя оппонента в тупик и оставляя в недоумении.

К жанру платоновского диалога многократно обращаются писатели XI – XII вв.:

8. Диалог Евстратия Никейского посвящен актуальной для того времени богословской проблеме: «как следует почитать икону – $\lambda\alpha\tau\rho\epsilon\upsilon\tau\iota\kappa\tilde{\omega}\varsigma$ ‘через поклонение’ или $\sigma\chi\epsilon\tau\iota\kappa\tilde{\omega}\varsigma$ ‘относительно’» [Гончарко, Черноглазов 2017: 156]. В диалоге два участника: $\Phi\iota\lambda\alpha\lambda\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$ ‘Любящий истину’ и $\Phi\iota\lambda\omicron\sigma\upsilon\nu\eta\theta\eta\varsigma$ ‘Любящий обычай’. Диалог написан также в подражание платоновской традиции.

9. В диалоге «Феофил и Иерокл» Евстафия Солунского речь идет об этикетных

нормах обращения, «именах и происхождении слов: Теофил (Θεόφιλος) встречается своего друга Иерокла (Ἱεροκλῆς) и задает ему вопрос, могут ли слова сами по себе быть счастливыми или несчастными» [Гончарко, Черноглазов 2017: 156]. «В результате оживленной филологической дискуссии друзья приходят к единому мнению. Диалог изобилует реминисценциями из Платона (равно как и других античных авторов), которые еще предстоит раскрыть и проанализировать» [Гончарко, Черноглазов 2017: 156].

10. И наконец, диалог «Ксенедем, или Гласы» Феодора Продрома посвящен критике пяти признаков понятия, «предикабилий» или «гласов», сформулированных Порфирием в его «Введении» к Аристотелю. Эта критика облекается автором в литературную форму платоновского диалога, в ходе которого собеседники обсуждают определения Порфирия, а затем, задавая вопросы, один из собеседников сократовским диалектическим методом приводит другого к осознанию, что определения несовершенны [Черноглазов, Гончарко 2015].

В качестве наиболее близкого с точки зрения темы и содержания к продромовскому «Ксенедему» можно отдельно отметить диалог Порфирия «Комментарий к “Категориям” Аристотеля», написанный в вопрос-ответной форме, имеющий черты платоновского диалога (хотя и в меньшей степени, чем продромовский диалог), но при этом посвященный логической проблематике. Остановимся в связи с этим на нем подробнее, рассмотрев его жанровые характеристики и темы, которым он посвящен.

Предыстория этого текста такова: еще Плотин в «О родах» (Περὶ τῶν γενῶν τοῦ ὄντος) (Enn. 6.1–3) полемизировал с Аристотелем относительно его системы категорий, систематически излагая ряд аргументов против аристотелевского текста; однако уже его ученик Порфирий пишет «Введение к “Категориям”», относя корпус логических текстов Аристотеля к традиции неоплатонизма [Strange 1987: 1] и при этом, посвящая эту работу, возможно, одному из своих учеников, по сути, полемизирует со своим учителем, отвечая ему по пункту на его возражения Аристотелю [Strange 1987: 2]. Эту версию

предыстории диалога предлагает нам целый ряд позднеантичных авторов (см. напр., Симпликия, Дексиппа и проч.). Однако, с точки зрения, Стивена Стренджа, данный подход несколько преуменьшает роль и значение Порфирия в истории логики и метафизики, а также в рассмотрении фундаментального вопроса неоплатонизма: вопроса соотношения философии Платона и Аристотеля. При этом данный подход предполагает полемику между Порфирием и Плотинем, чьи взгляды по отношению к «Категориям» не настолько противоположны друг другу, как это представляется позднеантичным авторам, и более того, можно говорить даже о преемственности в этом отношении между Плотинем и Порфирием [Strange 1987: 2–3]. При этом, будучи отражением реального диалога, «Комментарий к “Категориям” Аристотеля» написан также в диалоговой форме. Попытаемся ответить на вопрос о том, является ли этот диалог платоновским в смысле жанровых его характеристик, а также содержательных его моментов.

В качестве первого вопроса рассмотрим формально-жанровые аспекты текста. На первый взгляд, диалог не совсем похож на привычные нам диалоги Платона. Вместо действующих лиц, которыми у Платона как правило являются собеседники Сократа, в диалоге Порфирия только два «участника» – Вопрос и Ответ. Или, если быть точнее, участницы – ἡ Ἐρώτησις и ἡ Ἀλόκρισις. Что дает нам основание полагать, что это именно «действующие лица» диалога, а не формальные ответы на вопросы? Во-первых, от имени Вопроса не всегда задается вопрос. Этот «участник диалога» не только формулирует вопросы, но и утверждения. Также как и Ответ может задавать вопросы. Во-вторых, прослеживается некоторая содержательная последовательность во «взглядах» Ответа и Вопроса, что вполне позволяет объявить их персонажами, сохраняющими единство на протяжении всего разворачивания текста, а не набором вопросов или набором ответов. В-третьих, Вопрос и Ответ обращаются друг к другу во втором лице единственного числа как настоящие собеседники.

В качестве второго вопроса необходимо рассмотреть вопрос о наличии

в тексте также и содержательных «платоновских» моментов. Вполне возможно, что Порфирий, будучи представителем традиции неоплатонизма, и хотел бы предположить, что Аристотель допускает в какой-то мере бытие вторых сущностей, однако в ответе на данный вопрос он скорее солидаризируется с перепатетическим пониманием «Категорий» в качестве учения о понятиях как лингвистических явлениях – сказуемых. Так интерпретируется и само понятие «категория» – то, что сказывается.

Порфирий интерпретирует «Категории» прежде всего как текст по логике, который можно читать даже начинающим (без предварительной подготовки, а также без углубления в метафизические вопросы), в связи с чем противоречия между Аристотелем и Платоном по вопросу онтологического преимущества первых или вторых сущностей переносятся им из плоскости онтологии в плоскость языка: таким образом, Порфирию удалось «справиться» с вполне очевидным антиплатонизмом «Категорий» [Strange 1987: 9]. Согласно версии Порфирия, Аристотель вовсе не считает, что единичная конкретная сущность, взятая сама по себе, первичнее универсалии (т.е. платоновской формы или идеи), однако она в качестве представителя собственного вида или рода первичнее, чем то, что о ней сказывается (т.е. рода и вида как сказуемых (*κατηγορούμενα*) или, если пользоваться латинской терминологией, рода и вида как предикатов или предикабилей) (*Porphyrrii in Arist. Cat. 90.12–91.29*) [Strange 1987: 10]. Другими словами, мы не можем мыслить (сказывать) роды и виды как сказуемые в качестве существующих вне связи с множеством единичных конкретных сущностей, которые они обозначают (*Porphyrrii in Arist. Cat. 91.8–9; 5, p.10*). Другими словами, универсалии универсалиям рознь: есть «абстрактные» универсалии (*κατηγορούμενα* и *predicamenta*, существующие как сказуемые и поэтому вторичные по отношению к первым сущностям), а есть «реальные» универсалии (платоновские формы и идеи) [Lloyd 1981: 10]. Сбивает в данном отношении само слово вид (*εἶδος*), используемое и Платоном, и Аристотелем, но совершенно в разных смыслах: в смысле идеи у одного и в смысле вида как

разновидности рода у другого (εἶδος – не только вид в аристотелевском смысле, но и образ, внешность, внешний облик, форма). Такой же подход можно встретить и у Александра Афодисийского, который, как и Порфирий, пытался «поймать» Аристотеля на непоследовательности: например, во «Второй Аналитике» есть пассаж о том, что универсалии первичнее вещей согласно порядку природы (Arist., *An. Post.* 71b29–72a5). Неоплатоники, комментирующие это несоответствие, используют его каждый в своих целях [Strange 1987: 11]. Феодор Продром в XII веке даже пытается на этой почве сделать логику предметом диалектического рассмотрения: «разыгрывая» свой комментарий к «Введению» Порфирия и «Категориям» Аристотеля в жанре платоновского диалога: он приходит к выводу о том, что все определения всех пяти предикабилей оставляют желать лучшего в связи с апориями, которые они порождают. Другими словами, даже самые исходные понятия логики имеют диалектическую природу, что стирает границы между аналитическим (аристотелевским) и диалектическим (платоновским) подходом к мышлению и делает невозможным утверждение о том, что логическое знание в его отличии от диалектического прежде всего непротиворечиво и последовательно. С этой ситуацией проблематичности оснований логического знания на более высоком уровне развития логического аппарата в XIX и XX вв. работают практически все разделы неклассических логик (модальные, релевантные, паранепротиворечивые и др. типы логических систем). Можно утверждать, что позднеантичные и средневековые греческие комментаторы «Категорий» и «Введения» также вполне осознавали этот момент. При этом, в большинстве случаев это происходило именно в рамках неоплатонической традиции комментирования Аристотеля.

Перейдем теперь к характеристике жанровых и стилистических особенностей непосредственно продромовского диалога о пяти предикабилиях Порфирия.

1.2 Жанровые и стилистические особенности диалога «Ксенедем, или Гласы»

Феодор Продром, будучи одной из центральных фигур в византийской литературе XII века, оставил после себя довольно обширное литературное наследие, которое включает в себя произведения, самые разнообразные по стилю и жанру – от пародийной драмы о войне кошек и мышей или любовного стихотворного романа до комментариев к канонам Иоанна Дамаскина и философских трактатов. Как уже было отмечено выше, литературное творчество Феодора Продрома довольно хорошо изучено, однако некоторые его сочинения, в том числе логические, до сих пор остаются неисследованными. Прежде всего среди них можно выделить диалог «Ксенедем, или Гласы» (Ξενέδημος ἢ Φωναί) – наш непосредственный предмет интереса. Между тем, этот любопытный текст заслуживает всестороннего изучения. В данном параграфе попробую кратко перечислить его жанровые и стилистические особенности.

Основное содержание «Ксенедема» – это критика пяти признаков понятия, или «гласов», сформулированных Порфирием в его «Введении» к Аристотелю. Однако эта критика облекается не в традиционную форму трактата или письма, а в обычную для византийской литературы, но необычную для логического комментария форму платоновского диалога.

Краткое изложение фабулы диалога сводится к следующему:

Афинянин Мусей приходит к Ксенедему и просит его рассказать о прославленном философе Теокле из Византия, его учителе и родственнике. Ксенедем восхваляет мудрость и красноречие Теокла, но Мусею не достаточно этого отвлеченного панегирика – ему нужен более конкретный рассказ о философских взглядах Теокла, и тогда Ксенедем делится с ним воспоминанием из своего детства: однажды, когда юный Ксенедем шел в школу (он штудировал тогда «Введение» Порфирия) ему повстречался Теокл, завязалась беседа об определениях пяти «гласов», Теокл стал задавать Ксенедему вопросы и – сократовским диалектическим методом – привел его к убеждению, что все пять определений, которые он блестяще выучил в школе, не выдерживают критики. На этом диалог и заканчивается – Теокл оставляет юношу в полном недоумении и растерянности [Черноглазов, Гончарко 2015].

Действие диалога разворачивается в декорациях классической

античности, но его содержание, бесспорно, отражает проблематику, актуальную для византийской философии XII в., а портреты псевдоантичных персонажей списаны с самого автора и его современников. Так, образ Ксенедема, видимо, отчасти автобиографичен, а прототипом Теокла, вероятно, явился Иоанн Итал, ученик Михаила Пселла, знаменитый философ конца XI в., который активно комментировал Аристотеля и Порфирия и – совсем как Теокл – виртуозно владел диалектическим методом и заводил в логический тупик любого собеседника. Теокла и Иоанна сближает также происхождение из Италии и некоторые другие общие черты. Исследованию прототипов всех основных персонажей диалога посвящена наша совместная с Д.А.Черноглазовым статья [Черноглазов, Гончарко 2016].

«Ксенедем» написан в платоновской традиции. Параллели с диалогами Платона – в первую очередь, с «Теэтетом» и «Федром» – многочисленны и очевидны. У Платона заимствуются сюжетные ходы, мотивы, пословицы, выражения и отдельные слова. Есть целый ряд критериев, позволяющих отнести «Ксенедема» к жанру «платоновского диалога». Так, в нем отчетливо проявляются все стилистические характеристики этого жанра, выделенные А. Ф. Лосевым:

- 1) вопрос-ответная структура;
- 2) отдельные риторически оформленные законченные речи (небольшие монологи собеседников);
- 3) бытовая драматическая сцена;
- 4) отвлеченно-философские рассуждения, пронизанные и страстью к вопрошанию, и «драматизмом мысли», и «афористическими формулами», «возвышенным трагизмом» и весёлым комизмом, глубоким юмором и восхвалениями, вплоть до «убийственной иронии», «уничтожающей пародии», «злой сатиры» и сарказма [Лосев 1990–1994].

Перечисленные у Ф.Х. Кессиди [Кессиди 1988] логические характеристики платоновского жанра также присутствуют в диалоге «Ксенедем»:

1) майевтика как «метод наводящих вопросов»: диалог между Теоклом и Ксенедемом построен таким образом, что основные радикальные суждения Теокла относительно определений Порфирия сформулированы как вопросы и к затруднению относительно них приходит именно Ксенедем;

2) диалектика как «метод исследования понятий»: вопросы Теокла приводят Ксенедема к выводу о противоречивом характере основных определений Порфирия;

3) индукция как «разбор сходных случаев»: Теоклом представлены разные возможности определить понятия «род», «вид», разные возможности разделить понятие признака собственного и проч.;

4) гипотезы как «разбор предварительных определений»;

5) ирония и как «способ ведения диалога», и как «отличительная черта диалектического метода Сократа»: отдельные реплики Теокла по поводу Гермагора, а также способности Ксенедема давать “хорошие” определения и проч.;

6) скептицизм: общее настроение Теокла и метод поиска определений, а также сюжетный итог диалога «Ксенедем».

Вот что об этом пишет Д.А.Черноглазов:

Даже краткое изложение фабулы «Ксенедема» показывает, что Продром писал его в подражание платоновским диалогам. Приверженность платоновской традиции проявляется в целом ряде аспектов. Из диалогов античного философа привлекаются лексические обороты (напр., реплики, выражающие согласие персонажа, восклицания «клянусь Харитами» и т.д.); заимствуются мотивы, сюжетные ходы и элементы композиции; но главное заключается не в этом: особо важно отметить, что «Ксенедем» – пример последовательного применения сократического метода: философ Теокл ведет себя точь-в-точь как Сократ. Вступая в беседу с уверенным в своих знаниях собеседником, он занимает позицию εἶρων – притворяется незнающим, чтобы выведать мысли оппонента и завести его в тупик. Теокл не опровергает и не корректирует определение сам, с позиций учителя – он лишь задает вопросы, а выводы делает уже Ксенедем. Истина не излагается в виде учения, юный Ксенедем – под руководством Теокла – лишь делает первый шаг к ее постижению. Сократический характер диалога не вызывает сомнений [Черноглазов, Гончарко 2015].

Стоит также отметить, что произведение, написанное в форме диалога, с литературной точки зрения не обязательно будет диалогом в платоновском

смысле, если в нем не ставится задача поиска определения того, что является предметом диалога: «В основе всех диалогов Платона лежит процесс определения какого-либо предмета или понятия, причем в каждом диалоге предмет обсуждения конкретно обозначен» [Тоноян 2008]. В этом смысле, диалог «Ксенедем» основывается как раз на рассуждении об определениях основных компонентов процедуры определения, и эта тавтология принципиальна: все затруднения в определениях, взятых у Порфирия и представленных в диалоге, имеют общий источник – автореферентную проблему определимости определения.

Интересной задачей является квалифицировать статус диалоговых приемов Теокла. Н. Г. Харалаμποпулос [Χαραλαμπόπουλος 2005] квалифицирует их как апории, утверждая, что Теокл приводит Ксенедема к логическому противоречию в результате применения всех определений Порфирия. Однако данные «апории» вовсе не являются противоречиями с нашей точки зрения. Скорее, их можно квалифицировать как софизмы – ведь во «Введении» Порфирия даны разъяснения по поводу некоторых затруднений, к которым приходят собеседники в конце каждой части диалога.

Таким образом, можно говорить о двух уровнях «логики Продрома» в представленном диалоге: уровень дидактический, уровень аналитический.

Дидактический уровень имеет следующую формальную структуру, которая воспроизводится в каждом случае:

1) определенным образом поставленный вопрос Теокла, который направляет Ксенедема по изначально ложному пути поиска (несмотря на вполне корректное использование Ксенедемом текста Порфирия, почти выученного наизусть);

2) умалчивание некоторых уточнений Порфирия относительно каждого понятия (Теокл игнорирует все главы о различиях понятий у Порфирия);

3) доведение до абсолютности (которой нет у Порфирия) некоторых «случайно» выбранных для рассмотрения определений, с чем связано и приведение к затруднению в каждой ситуации.

Об аналитическом (собственно логическом) уровне идей Феодора Продрома можно сформулировать следующие интересные наблюдения:

1) в диалоге обращается внимание, что не во всех случаях понятие рода может быть синонимом понятия категории (в строгом смысле только наивысший род или $\gamma\epsilon\nu\kappa\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ синонимичен категории, а род в смысле $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ – более широкое понятие); у Аристотеля же в «Категориях» (например, *Arist., Cat.* 11b, 15) и у Порфирия зачастую именно род ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) используется в качестве синонима категории;

2) присутствуют некоторые смысловые несоответствия приведенных Порфирием во «Введении» примеров признаков собственных;

3) поставлена под сомнение необходимость введения такой характеристики понятия как видовое отличие, – а именно оно является добавлением Порфирия к другим характеристикам, присутствующим уже у Аристотеля: роду, виду, признаку собственному и признаку привходящему;

4) и некоторые другие.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный выше, можно утверждать: «Ксенедем» – сочинение если не уникальное, то бесспорно новаторское, отражающее самые «авангардные» тенденции своей эпохи. Тем более интересно будет обратиться к содержательному анализу этого текста.

1.3 Логическое содержание диалога «Ксенедем, или Гласы»

В данном параграфе попробуем подойти к анализу содержательных моментов диалога «Ксенедем» и разобрать логические идеи, представленные в нем.

Основное содержание «Ксенедема» – это критическое рассмотрение пяти признаков понятия, т.е. предикабилей или гласов, описанных Порфирием в его «Введении к “Категориям” Аристотеля». В предыдущем параграфе нами был проведен стилистический, жанровый и литературный анализ этого произведения, описан кратко его сюжет и названы основные персонажи, а также сделаны выводы об их возможных византийских прототипах. В данном параграфе попробуем предложить историко-философский анализ логического содержания диалога, посвященного проблеме определения предикабилей Порфирия.

Рассмотрим последовательно, каким образом разворачивается обсуждение каждого определения.

О роде

Диалог начинается с обыгрывания Ксенедемом двух смыслов понятия рода: «так пусть мой род сгинет в неизвестности, если я тебе сейчас не объясню, что такое род!» (ἀλλ' ἀνώνυμον μοι τὸ γένος ὀλεῖται, εἰ μὴ σοι τὰ περὶ γένους ἀκριβῶς διασαφισαίμην) [Cramer 1836: 204–215, 207.10–12], а заканчивается подведением читателя к выводу о необходимости еще одного различия в использовании этого термина: «рода» как понятия языка-объекта и «рода» как метаязыкового понятия. Порфирий в самом начале главы «О роде» также разделяет три возможных смысла слова «род»:

1) «под родом разумеется, с одной стороны, совокупность тех или иных вещей, известным образом относящихся к чему-нибудь одному и также – друг к другу. В этом смысле говорится о роде Гераклидов» (Porphyry, *Isagoge* 1a 17–19);

2) «как о начале рождения для каждого существа, считая либо по

родившему, либо по тому месту, где человек родился... Платон – афинянин» (Porphyry, *Isagoge* 1a 22-25);

3) «еще в другом смысле говорится о роде – поскольку ему подчиняется вид, причем здесь о нем сказано может быть по некоторому сходству с первыми двумя определениями: ведь такой род есть и некоторое начало для того, что подчинено ему, и, по-видимому, он охватывает также все подчиненное ему множество» (Porphyry, *Isagoge* 1a 32-35).

И тут же Порфирий дает описание (ὕπογραφή) понятия рода, которое само не является родовидовым определением рода, как того требует аристотелевская процедура определения: «В то время, как о роде можно говорить в трех смыслах, у философов идет о нем речь в третьем из них: в даваемой ими приблизительной формулировке они признают родом то, что сказывается при указании существа вещи о многих и различающихся по виду вещах, – примером здесь может быть живое существо» (Porphyry, *Isagoge* 1a 37-40). Ксенедем со ссылкой на Порфирия дает следующее определение рода: «ибо род – это то, что сказывается о многих и различных по виду вещах в отношении того, что они есть» (γένος γὰρ εἶναι τὸ κατὰ πλείονων καὶ διαφόρων τῷ εἶδει ἐν τῷ τί ἐστὶ κατηγορούμενον) [Cramer 1836: 208.27–28], которое дословно совпадает с определением Порфирия (Porphyry, *Isagoge* 1a 39). Далее Теокл составляет следующий упрёк «определению» рода у Порфирия: «Но посредством этого определения всё ещё остаётся непонятным, чем из сущих предметов является род» (τὸ δὲ τῶν ὄντων ὑπάρχον τὸ γένος, τῷ τοιοῦτῳ ἀποδίδεται λόγῳ) [Cramer 1836: 207.26–28]. Другими словами, Теокл не считает определение рода у Порфирия собственно определением.

Стоит также отдельно отметить, что Порфирий не дает строгих определений своим понятиям (φώναι), он предлагает для них лишь некоторые «характеристики значения» (ἡ ὑπογραφή τῆς ἐννοίας), Теокл же анализирует их с точки зрения правил определения и конечно же находит неточности, которые действительно присутствуют в тексте Порфирия, но в нем же и оговариваются.

На следующий вопрос Теокла о том, к какой из десяти категорий

Аристотеля относится род, Ксенедем дает ответ – к категории соотнесенного: «Чем же являясь, он [род] обрел связь с видом... чем же тогда является род, если он с чем-то соотносится?» (τί γὰρ ὃν ἔπειτα τὴν πρὸς τὸ εἶδος εἴληχε σχέσιν; ...τί γοῦν καὶ τὸ γένος γε ὃν' ἐπεὶ πρὸς τι πῶς ἔχει;) [Cramer 1936: 208.1–5]. Однако, роды и виды называются Аристотелем вторыми сущностями, потому что «только они выявляют первую сущность» (Arist., *Cat.* 1a1–15b32, 2b 30). В этом смысле, они обнаруживают себя в процессе выявления сущности вещи. На этот ответ Ксенедема Теокл утверждает, что «причислить понятие рода к категории соотнесенного означает необходимость отделить его от всех остальных категорий» (καὶ τίνι τῆς δεκάδος μέρει τοῦτο συνάψαιμεν; πᾶσα γὰρ ἀνάγκη τῆς λοιπῆς ἀλλοτριῶσαι αὐτὸ ἐννεάδος) [Cramer 1936: 208.5–6], и пытается подтолкнуть Ксенедема к мысли о том, что «либо род выпадет из сущего, либо станет единым общим понятием для всех десяти категорий, и если первое невозможно, то второе необходимо» [Cramer 1936: 208.9–12]. Поэтому Теокл предлагает Ксенедему сделать «род» (имя рода) предикатом десяти категорий (κατηγορῶμεν τῶν δέκα τοῦ γένους τὸ ὄνομα) [Cramer 1936: 208.22] и приходит к выводу о том, что род – это синоним категории, будучи одновременно родом десяти родов (т.е. десяти категорий). Однако, это решение не устраивает собеседников и они приходят к затруднению, переходя на язык метафор: «многовластие перешло в единовластие, а множество – в единицу» [Cramer 1936: 209.5–6].

Возможную причину затруднения Теокл предлагает видеть в том, что одно и то же понятие «род» является одновременно и синонимом категории и «родом категории». У Аристотеля тоже можно найти примеры использования слова «род» в качестве синонима категории (Arist. *Cat.* 1a1–15b32), 11b15). Аристотель осознает, что род – это синоним категории и использует эти понятия в качестве взаимозаменяемых: роды – это категории, и одновременно категории – это роды. Используя терминологию современной логики, можно было бы прояснить это «затруднение» Ксенедема и Теокла следующим образом: как понятие рода, так и понятие категории, обладая свойством

авторереферентности, могут применяться сами к себе и порождать конструкции типа «роды родов», «категория категории» и проч.: это свойство вполне объясняет, каким образом понятие категории может использоваться как в значении синонима понятию рода, так и в значении того, что является разновидностью рода. Если же обратиться непосредственно к тексту Порфирия, то можно обнаружить даже, что понятие рода – шире, чем понятие категории, ибо категория – это наивысший род (γενικώτατον) в терминологии Порфирия, и помимо категорий существуют еще другие виды родов: например, промежуточные роды (τὰ μέσα), которые являются родами для ниже стоящих видов и видами для выше стоящих родов. В этом смысле и имя рода и сам род будут сказываться о категории.

Завершается разговор о роде указанием Теокла на следующую дилемму: род как и «животное вообще» – либо ничто, либо вторично – тогда Теокл «дает по аналогии существование и роду», определяя его по Порфирию [Cramer 1936: 209.19–21], что также не противоречит и аристотелевскому решению вопроса об «онтологическом» статусе рода: вторая сущность.

Исследователь творчества Федора Продрома Н.Г. Харалабопулос по поводу сюжета о роде пишет: «Теокл подчеркивает, что ежели род определяется как сказуемое, которое характеризует многие и различные по виду предметы с указанием их сущности (208.26–28), тогда все аристотелевские категории необходимо рассматривать как принадлежащие одному роду, поскольку все они покрываются неким более общим определением, что обнаруживается и в их общем названии “десять родов”. В таком случае, все существующие вещи (ὅλα τὰ ὄντα) будут отнесены к одному и тому же роду, что действительно абсурдно» [Χαραλαμπόπουλος 2005: 193]. Н.Г. Харалабопулос в целом верно передает логику рассуждения Теокла, однако, как следует из самого текста, как раз последнего вывода Теокл не делает (по крайней мере не произносит): о том, что все существующие вещи будут отнесены к одному и тому же роду. Теокл сам вовсе не продуцирует вывод, но скорее метафору того, как многовластие перешло в единовластие, а

данный неправильный вывод, конечно, подразумеваемый, предлагается все-таки сделать Ксенедему (однако, и он по этому поводу молчит) или читателю диалога (что и делает Н.Г.Харалабопулос как идеальный читатель). Теокл (а, может быть, Продром?) провоцирует сделать неправильные выводы, чтобы привести читателя к затруднению и побудить перечитать Аристотеля и Порфирия, системы которых свободны от этих недостатков. Порфирий специально оговаривает этот момент во «Введении»: «Только при указании родословных возводят начало по большей части к одному источнику, примерно сказать – к Зевсу, между тем при родах и при видах дело обстоит иначе: ведь сущее не является одним общим родом для всего, и все сущее не является однородным на основе одного наивысшего рода, как говорит Аристотель. Примем, напротив, как у него в «Категориях», десять первых родов в качестве десяти первых начал; тогда если обозначить все их как сущее, такое обозначение будет у них, по его словам, одинаковым по имени (ὁμωνύμως), но не одинаковым по смыслу (συνωνύμως). Дело в том, что если бы сущее было одним общим родом для всего, тогда все называлось бы сущим в одном общем смысле, а так как имеется десять первых родов, то общность дается только по имени, но не в то же время и по смыслу, раскрывающемуся в соответствии с именем» (Porphyry, *Isagoge* 2b 6–12).

Стоит отдельно отметить, что в этой части диалога «Ксенедем», посвященной обсуждению определений понятия «род», Продромом используются такие «софизмы» как подмена темы вопроса: например, согласно Аристотелю, роды и виды – относятся к категории сущности (так и называясь – вторыми сущностями). В связи с этим, Ксенедему необходимо было бы ответить на вопрос Теокла о том, к какой из десяти категорий относится род, отнести его к категории сущности. Ксенедем же, отвечая на этот вопрос иначе, т.е. относя понятие рода к категории соотнесенного, на самом деле просто отвечает на другой вопрос: не на вопрос о том, что такое род, а на вопрос о том, как «работает» это понятие. Однако, если учесть, что диалог «Ксенедем» не является в собственном смысле научным трактатом по логике,

но скорее относится к жанру учебного пособия по логике, который предполагает умышленное приведение к затруднению как способ формулировки учебного задания, то можно предположить, что читатель, которому Феодор Продром адресует текст, должен заметить эту подмену и, обратившись к текстам Порфирия и Аристотеля, объяснить, в чем заключается ошибка Ксенедема. С другой стороны, помимо формулировки «затруднений» в педагогических целях, Продром подходит к выражению автореферентного характера как понятия «род», так и понятия «категория», однако не имея под рукой соответствующей терминологии для выражения этого свойства понятий, изящным образом обыгрывает всевозможные затруднения, к которым неизбежно приходят собеседники, смешивая два уровня значений понятия «род»: уровень языка-объекта и уровень метаязыка.

Что же касается «апории», связанной с тем, что род – это синоним категории, можно было бы сказать следующее: с одной стороны, категории – это, безусловно, роды сущего, но с другой стороны, категории можно сделать объектом исследования, и тогда, как указывает Продром, род можно сделать их предикатом. Тогда они будут интерпретированы уже не как роды сущего, а как наивысшие роды ($\gamma\epsilon\nu\kappa\acute{o}\tau\alpha\tau\alpha$), т.е. понятия с особой синтаксической функцией: быть наиболее общими родами, метапонятиями. И понятие «род» в этом случае будет уже употребляться не в смысле конкретного рода (рода «животное», например), а в смысле «рода» как функции, рода как гласа. В этом смысле, каждая категория может быть конкретным родом, который входит в определение при указании сущности чего бы то ни было, а также может использоваться как функция в значении $\gamma\epsilon\nu\kappa\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\nu$. Суждение же о том, что отношения рода и вида принадлежат категории соотнесенного, тоже верно постольку, поскольку родо-видовые отношения – это разновидность отношений. Однако, если определять род и вид по отдельности – это вторые сущности, и поэтому принадлежат категории сущности.

У Порфирия нет парадокса также и в связи с тем, что одно и то же понятие (например, «живого существа») может быть родом по отношению к

одному (в смысле его деления на виды коня, человека, барса), а видом по отношению к другому («живое существо» как разновидность рода, можно сказать, пример рода). С одной стороны, категории – это наивысшие роды сущего, а с другой стороны – каждая из них вид по отношению к понятию «категория». Вот в каком смысле категория синтаксически может быть видом в одном отношении, и родом – в другом отношении. Парадокса здесь тоже нет, поскольку отношения взяты различные.

О виде

Сюжет о виде также начинается у Феодора Продрома с вопроса о его определении. И хотя Порфирий в главе о виде сразу же дает как минимум три определения вида, Теокл сосредотачивается лишь на одном из них: а именно на определении «самого последнего вида» (εἰδικώτατος): «вид – это то, что сказывается при указании существа вещи о многих, отличных по числу вещах» [Cramer 1836: 210.7–10]. Теокл достаточно игриво (и снова не без учета автореферентного характера понятия «вид») ставит вопрос об определении вида: к какому виду видов относится данное определение? К «самому последнему» или к «виду вообще»? Или к виду коня? Или к виду человека? Но «самые последние виды разнообразны и отличаются друг от друга по виду» [Cramer 1836: 210.32–33], поэтому единственным удовлетворительным определением вида будет определение «вида вообще», включающего и самые последние виды, делящиеся по числу, и не самые последние – которые делятся по видам. Но если такое определение возможно, то оно совпадет с определением рода, и «пятерка понятий обратится в четверку» [Cramer 1836: 211.9].

Данную «критику» определения вида можно в свою очередь покритиковать как с точки зрения «Категорий» Аристотеля, так и с точки зрения «Введения» Порфирия. Во-первых, во «Введении», как уже было сказано выше, дается сразу три определения вида: все вместе они учитывают, как то, что виды подчиняются родам и являются подлежащими для родов, так и то, что виды делятся на несколько видов: «самые последние виды»

(εἰδικώτατα) и «промежуточные виды» (μεταξύ или τὰ μέσα), а «наиболее общие» (γενικώτατα) понятия, над которыми больше нет родов, являются «в наивысшей мере» родами. После определений видов Порфирий описывает как работает сама система родо-видового определения: «между тем, что является в наивысшей мере родом (γενικώτατος), и тем, что является в наивысшей мере видом (εἰδικώτατος), помещаются другие определения, которые, оставаясь одними и теми же, оказываются и родами и видами, если, однако, их ставить в отношении то к одному, то к другому» (Porphyry, *Isagoge* 1b 5–12).

У Порфирия четко сформулирована идея о том, что в различных отношениях одно и то же понятие может быть и родом и видом, кроме самых предельных видов (которые уже не роды и делятся только по числу) и самых предельных родов (над которыми уже нет других родов, т.е. кроме категорий). При этом Порфирий оговаривает еще два смысла слова «вид» (помимо уже указанных выше трех определений): вид как объемлющее (ὡς περιέχον) отдельные вещи и вид как подразделение какого-нибудь рода, т.е. вид как объемлемое (ὡς περιεχόμενον) каким-нибудь родом.

В отдельной главе «О виде» у Порфирия перечислены отличия рода и вида как понятий:

1) «род имеется каждый раз один а видов – несколько» (Porphyry, *Isagoge* 2b 1);

2) «род сказывается о виде, и все, что стоит выше, – о том, что стоит ниже... обращение не имеет места» (Porphyry, *Isagoge* 2b 2–4);

3) «индивидуальная вещь охватывается видом, а вид – родом; ибо род есть нечто целое, а индивидуальная вещь – это часть, а вид – и целое и часть, но при этом часть есть часть другого, а целое не включает в себя другое» (Porphyry, *Isagoge* 2b 27–3a 2).

Также Порфирием написаны специальные две главы, которые так и называются «О том, что есть общего у рода и у вида» и «О различии между родом и видом». Необходимо отметить, что Теокл упоминает только общее (то, что они сказываются о многом; то что они предшествуют тому, о чем

сказываются; то, что они представляют нечто целое) (Porphyry, *Isagoge* 4b 10–13), основываясь прямо на этой главе Порфирия, при этом оставляя совсем без комментария те различия, которые перечислены во второй главе:

1) «различаются они, поскольку род объемлет виды, а виды объемлются родами и сами не объемлют их: ибо род идет в своем охвате дальше, чем вид» (Porphyry, *Isagoge* 4b 15–16);

2) «роды предварительно лежат в основе (προῖλοκεῖσθαι), стоят прежде по природе» (Porphyry, *Isagoge* 4b 17–18);

3) «со своим упразднением они упраздняют другое, но сами не упраздняются вместе с другим: если существует вид, во всяком случае существует и род, но если существует род, не обязательно существует и вид» (Porphyry, *Isagoge* 4b 18–20);

4) «роды сказываются о подчиненных им видах в том же самом значении (συνωνύμως), а виды о вышестоящих над ними родах не сказываются» (Porphyry, *Isagoge* 4b 20–21);

5) «ни вид не может оказаться самым высшим родом, ни род – самым последним видом» (Porphyry, *Isagoge* 4b 23–24).

Указания на те же самые различия можно найти и у Аристотеля в «Категориях»:

1) «вид сказывается о единичном, а род – и о виде, и о единичном» (Arist., *Cat.* 3a 39);

2) «род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит “живое существо”, охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит “человек”» (Arist., *Cat.* 3b 22–24);

3) «роды же всегда первее видов: они не допускают обратного с видами следования бытия» (Arist., *Cat.* 15a 4).

Порфирий, естественно, отдает себе отчет в том, что промежуточные звенья между самым общим родом и самым последним видом одновременно являются и родами и видами, но только в разных отношениях. Теокл умалчивает о разных отношениях и выдает Ксенедему за мысль Порфирия

собственный софизм, форму которого другими словами можно сформулировать так: если нечто одновременно род и вид, то род и вид – это одно и то же.

Н.Г.Харалабопулос так пересказывает сюжет о виде в диалоге «Ксенедем»: «Определение вида признается равным образом неудовлетворительным, поскольку любое определение должно охватывать всю предметную область [определяемого понятия], а не часть ее, поэтому нельзя определить самый последний вид, как это делает Порфирий, но и самый общий вид (210.8). Тогда основание деления данной классификации (τὸ κριτήριον ταξινόμησης) не будет количественным согласно определению вида (ἀριθμῶ, 210.9), а качественным – согласно определению рода (τῷ εἶδει, 211.12). Тогда исчезает единственный различный элемент в формулировке обоих определений, и род поглощает вид (209.29–211.0)» [Χαραλαμπόπουλος 2005: 193].

Скорее всего, структура рассуждений Теокла и Ксенедема о виде несколько отличается от предложенной Н.Г.Харалабопулосом интерпретации: Теокл хочет сказать, что настоящий вид в собственном смысле слова – это последний вид (εἰδικώτατος), который делится только по числу. Индивиды неопределимы (нельзя дать отдельное определение ни Сократу, ни Кориску), но относятся вместе к общему определению – это последний вид. Различаясь случайными признаками, они соответствуют одной и той же сущности. Теокл говорит, что это понятно, но нужно дать определение виду вообще, т.е. виду как второй сущности. В этом смысле вид – это то, что делится по числу, а не по виду, – вид вообще, а не отдельный вид коня или вид человека. В этом смысле, то, что делится по числу, также подразделяется и на отдельные виды (вид коня, вид человека и т.д.), которые в свою очередь и есть то, что делится по числу. Затруднения не будет, если не смешивать эти понятия: вид вообще и виды вида, вид как вторую сущность и вид как конкретный вид. Вид вообще делится на различные виды, отличающиеся друг от друга по виду (коня, медведя, барса). Выражаясь современным языком, нужно различать

метаязыковой вид и вид языка-объекта. «Животное» делится на виды, «растение» делится на виды, «категория» делится на виды. Есть вид как объект метаязыка. Необходимо дать ему определение. Формула «то, что делится по числу» как раз и определяет метаязыковой вид в его отличии от рода. Далее становится возможным деление этого вида (вида как такового) на виды объектного языка (виды животного, виды растения, виды коня). Здесь используется тот же самый прием, что и при обсуждении понятия «род»: не различаются вид как таковой и вид как функция. Теокл играет не только на смешении этих двух аспектов понятия «вид», но и на двусмысленности греческого слова «вид» (εἶδος – не только вид в аристотелевском смысле, но и образ, внешность, внешний облик, форма). В этом смысле словосочетание «вид делится по виду» можно понимать не только в смысле «вид делится на виды» (τὰ μέρη и εἰδικότατα), но и «вид делится по формам» – формам коня, медведя, барса: вид как таковой нужно определить так, чтобы он не совпадал с определениями отдельных видов (лошади, человека и проч.). Необходимо различать вид вообще и виды «животных»: виды «животных» – это виды вида вообще. Таким образом, имея под рукой определение вида вообще, необходимо его отличать от определения отдельного вида (например, вида «человек»), который делится только по числу и не может обладать свойствами рода вообще, а вот вид вообще, т.е. вид-предикабилия (который сам делится по видам), как раз обладает свойствами рода, что и может вызывать затруднения. Однако здесь нет никакого парадокса, поскольку вид как таковой, вид-предикабилия или глас, есть род по отношению к частным видам. Вид как таковой есть род для видов отдельных.

Общий смысл этого отрывка диалога, посвященного разбору определения того, что такое вид, таков: всякое общее имя – оно род по отношению к своим спецификациям (подмножествам), что бы мы ни взяли, в том числе и сам «вид». В данном случае он выполняет функцию рода по отношению к своим видам. В этом смысле, эта часть диалога построена как на смешении языка-объекта и метаязыка, а также на многозначности греческого

слова «вид». Можно было бы утверждать, что Теокл использует прием «учетверение терминов», чтобы сформулировать свой софизм, выдавая его Ксенедему за апорию или ошибку Порфирия.

О видовом отличии

Н.Г.Харалаμποпулос так передает структуру рассуждения о видовом отличии в «Ксенедеме»: «С помощью такого же размышления по поводу слишком общего определения видового отличия делается суждение, что оно не является независимым от остальных четырех гласов, в особенности от рода и вида (212.7-25)» [Χαραλαμπόπουλος 2005: 193]. Однако Ксенедем с Теоплом разбирают только одно определение видового отличия: «видовое отличие – это то, чем каждое отличается как целое» (διαφορὰ γὰρ ἐστὶν, ὅτῳ διαφέρει ἕκαστα ὡς ὅλον) [Cramer 1836: 212.2], при этом Теокл снова формулирует вопрос автореферентным образом: чем видовое отличие отличается от видов, родов и прочих признаков понятия? Ведь им же самим отличаются сами признаки друг от друга, при этом каждый из них предполагает различие в своей основе: и по родам различаются вещи, и по видам, и по собственным признакам, и по привходящим.

Между тем, Порфрий сразу оговаривает, что о видовом отличии (по-гречески это просто отличие – διαφορά) можно говорить трояко: в общем (κοινῶς), в специальном (ιδίως) и в самом специальном (ιδιαιτάτα) смыслах:

1) «в общем смысле говорится, что нечто отличается от другого, поскольку обладает отличительным признаком (ἐτερότης) или по отношению к самому себе, или по отношению к другому; Сократ отличается от Платона посредством отличительного признака и от самого себя в детстве и в юности, а также в состоянии действия или состоянии покоя он всегда отличен от самого себя в отношении того, каким образом [он существует]» (Porphyry, *Isagoge* За 8-12);

2) «в специальном смысле говорится, что одно отличается от другого посредством неотделимого привходящего признака, например, голубыми глазами или горбатым носом, или шрамом» (Porphyry, *Isagoge* За 12–15);

3) «в самом же специальном смысле говорится, что нечто от другого отличается видообразующим признаком (εἰδοποιῶ διαφορᾷ) так, как человек обособлен от лошади образующим вид признаком – качеством разумности» (Porphyry, *Isagoge* 3a 15–17);

однако, «названные признаки, если они таковы в общем и специальном смысле, вносят в вещь изменения, и эти же признаки, если они таковы в самом специальном смысле, делают ее другою» (Porphyry, *Isagoge* 17–21).

И эти признаки называются у Порфирия по-разному: первые и вторые – просто различающими признаками (ἀλλῶς διαφοραί), а третьи – собственно создающими виды (εἰδοποιοί διαφοραί): «на основе различающих признаков, создающих другие вещи, получают разнообразные деления родов на виды и устанавливаются определения, состоящие из рода и подобных признаков» (Porphyry, *Isagoge* 3a 30–31), поэтому именно они и именно на основании того, что участвуют в процедуре определения, и добавляются Порфирием к аристотелевской процедуре определения.

Далее Порфирий дает классификацию различающих признаков, которая хорошо известна и нет необходимости приводить ее здесь. Однако перечислим все определения, данные Порфирием, чтобы показать, что «критика» Теоклом «одного из определений Порфирия» не относится ни к одному из них:

1) «различающий признак есть то, благодаря чему вид богаче содержанием (περισσεύει), чем род» (Porphyry, *Isagoge* 3b 26–27);

2) «различающий признак есть то, что сказывается о многих различных по виду предметах при указании, каков предмет по качеству» (Porphyry, *Isagoge* 3b 33–34);

3) «различающий признак есть то, чему свойственно разделять друг от друга вещи, охватываемые одним и тем же родом» (Porphyry, *Isagoge* 3b 44–45);

4) «различающий признак есть то, чем отдельные вещи между собой отличаются (διαφορά ἐστὶν ὅτι διαφέρει ἕκαστα)» (Porphyry, *Isagoge* 3b 47);

5) «таковым является не все, что случайно попадает среди признаков,

разделяющих вещи в пределах одного и того же рода, но что привносит нечто к бытию вещи и что составляет некоторую часть у ее сути бытия» (Porphyry, *Isagoge* 4a 5–6);

б) «видообразующими признаками можно считать все те, которые образуют другой вид и которые включаются в формулировку сути бытия» (Porphyry, *Isagoge* 3b 11–13).

Именно четвертое определение из только что перечисленных приводит Ксенедем, и можно увидеть, что оно не является ни существенным, ни исчерпывающим. Более интересным и подверженным критике в стиле Теокла является как раз шестое определение в данном списке.

Однако Порфирий оговаривает в отдельных главах, в чем сходства и различия между родом и видовым отличием, а также между видом и видовым отличием.

Приведем коротко сходства, указанные Порфирием, на которых играет Теокл:

1) «общее между родом и различающим признаком – то, что они охватывают виды: и различающий признак охватывает виды, хотя и не все те, которые объемлет род» (Porphyry, *Isagoge* 4b 48);

2) «общим также является для них и то, что с упразднением рода или различающего признака упраздняется все, что стоит под ними» (Porphyry, *Isagoge* 4b 48);

3) «общее у различающего признака и у вида – то, что причастность к тому и к другому осуществляется у того, что им причастно, одинаковым образом: одинаковым образом причастны отдельные люди как виду человека, так и различающему признаку разумности» (Porphyry, *Isagoge* 5b 8–9);

4) «общим у них является и то, что они всегда присущи тому, что им причастно» (Porphyry, *Isagoge* 5b 9–10).

Приведем коротко различия между ними, приведенные у Порфирия, которые Теокл оставляет без какого-то ни было комментария:

1) «род выходит за пределы различающего признака по имеющимся в

нем возможностям» (Porphyry, *Isagoge* 4b 23–24);

2) «роды при своем упразднении упраздняют и различающие признаки, обратное не имеет места» (Porphyry, *Isagoge* 4b 25–26);

3) «род и вид входит в состав того, что есть суть вещи, а различающий признак в состав того, что образует ее качество» (Porphyry, *Isagoge* 5b 12–13);

4) «род для каждого вида один, а различающих признаков – несколько» (Porphyry, *Isagoge* 4b 30–31);

5) «род подобен материи, а различающий признак – форме» (Porphyry, *Isagoge* 4b 32–33);

6) «тот же самый различающий признак часто усматривается у нескольких видов» (Porphyry, *Isagoge* 5b 15);

7) «при упразднении различающего признака упраздняется и вид, но не наоборот» (Porphyry, *Isagoge* 5b 17–20);

8) «различающий признак допускает объединение с другим различающим признаком: разумность и смертность объединились для установления человека; вид не допускает объединения с другим видом, так чтобы вместе породить какой-нибудь другой вид» (Porphyry, *Isagoge* 5b 20–22).

Теокл следующим образом «критикует» предложенное Порфирием определение видового отличия: «Ибо если различие – это то, чем каждое отличается, а человек отличается от коня по виду, то ясно, что видовое отличие и будет видом. А если мы это допустим, то и роды и виды будут поставлены в один ряд с видовым отличием. И ни одно из них не будет сказываться в отношении сущности (*ἐν τῷ τί ἐστίν*), но в отношении качества (*ἐν τῷ ὁλοῖον τί ἐστίν*). Ибо если видовое отличие сказывается в отношении качества, так же будут сказываться род и вид. Кроме того вид будет сказываться в отношении многих предметов, отличных по виду, как и видовое отличие» [Cramer 1836: 212.15–21].

Действительно, определения в отношении сущности и определения в отношении качества «условно разделены» как у Аристотеля, так и у

Порфирия: «вид и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность (τὸ δὲ εἶδος καὶ τὸ γένος περὶ οὐσίαν τὸ ποιὸν ἀφορίζει' ποιὸν γάρ τινα οὐσίαν σημαίνει)» (Arist., *Cat.* 3b 20). В связи с этим И.С.Нарский и Н.И.Стяжкин в «Примечаниях к “Органону” Аристотеля» пишут: «Вторые сущности суть сущностные качества первых сущностей: и как таковые отличаются от их привходящих качеств» [Стяжкин, Нарский 1978: 602].

У Аристотеля в «Категориях» всего три раза упоминается понятие видового отличия:

1) первый раз – когда Аристотель рассуждает о том, что о чем сказывается: «вид сказывается о единичном, а род и о виде, и о единичном, точно так же и видовое отличие сказывается и о видах, и о единичном» (Arist., *Cat.* 3a 39–3b 1);

2) второй раз – когда Аристотель указывает на то, что вторые сущности «не принадлежат к тому, что находится в подлежащем»: «сущность не принадлежит тому, что находится в подлежащем; это, однако, не есть особенность сущности, ведь и видовое отличие принадлежит к тому, что не находится в подлежащем» (Arist., *Cat.* 3a 22–25);

3) далее – когда указывает, что относительно родов и видов о подлежащем сказываются и их имена, и их определения: «равным образом и определение видового отличия сказывается обо всем, к чему применимо само видовое отличие» (Arist., *Cat.* 3a 26).

Схематически ход рассуждений Теокла можно было бы передать следующим образом: видовое отличие – это один из гласов, и отличается от всех четырех, однако роды будут поставлены в один ряд с видовыми отличиями: ведь все различается и по родам тоже; в связи с этим нет необходимости выделять видовое отличие в отдельный от других четырех глас. Теокл на основании того, что видовые отличия есть частный случай отличия вообще, пытается предложить Ксенедему идею совпадения двух гласов: рода и видового отличия. Однако, процедура определения, согласно

Порфирию, предполагает указание данного рода и видового отличия: множество других родов в определении не участвуют. В этом случае, так же как и в предыдущих пассажах необходимо различать: видовое отличие как функцию (или понятие метаязыка) и конкретные видовые отличия, которые участвуют в конкретных определениях. При таком различии будет невозможно перепутать род и видовое отличие, поскольку их функции в процедуре определения различны. Видовое отличие указывает на различие отдельных видов данного рода. Видовое отличие – это вид отличий, причем «видовое» в первом слове имеет другой смысл «вида», чем во втором слове «вид». Вид – это сущность, а видовое отличие – это качество. Один вид от другого не будет отличаться, если не указать видовое отличие для данного вида. А поскольку определение есть определение вида, то все три предикабилии (три гласа) отличаются друг от друга в процессе определения: вид – это определяемое, а род и видовое отличие – это «речь о сущности» (λόγος τῆς οὐσίας) (Arist., *Cat.* 1a 3). Видовое отличие без указания рода не дает вида. В этом смысле у Порфирия говорится, что род является материей (мыслимой), видовое отличие – формой, а вид – результатом.

О признаке собственном

В связи с сюжетом о признаке собственном Н.Г. Харалабопулос отмечает: «Критикуется также четырехчастное деление признака собственного и признаются неправильными как формулировка частных четырех определений признака собственного, так и выбор соответствующих им примеров: также как и способность к познанию, так и выражение эмоций посредством такой физической реакции как смех, оказываются врожденными способностями каждого человека, независимо от того, сколько человек и когда их осуществляют. Следовательно, ни классификация их в отдельные подкатегории не оправдана, ни также не является удачным определение понятия собственного признака (213.30–214.16)» [Χαραλαμπόπουλος 2005: 193–194].

Сложно, однако, согласиться с Н.Г.Харалабопулосом и его

комментарием относительно этой части диалога: с нашей точки зрения, трудно говорить о том, что у Продрома в диалоге признаются неправильными как формулировка четырех определений признака собственного, так и подбор примеров. Во-первых, у Порфирия (и у Аристотеля) любое рассуждение (или любая типология) исходит из примеров, и сложно отличить собственно деление (в данном случае «классификацию» признаков собственных) и приведение примеров (ведь приведение примеров у Порфирия и есть демонстрация различий, т.е. само деление). Теокл перенимает «метод» Порфирия, однако требования к нему предъявляет существенно более строгие, хоть и выраженные художественным образом: необходимо построить по всем правилам корректную процедуру деления, т.е. деление должно быть соразмерным, полным («что-то дополнить из недостающего») [Cramer 1836: 213.7–8], части деления не должны совпадать или пересекаться друг с другом («что-то очистить из истлевшего и замусоренного») [Cramer 1836: 213.8].

В самом начале обсуждения признака собственного (*ιδίον*) Ксенедем почти в точности воспроизводит небольшую главу Порфирия «О признаке собственном» (Porphyry, *Isagoge* 4a 15–24), однако даже эту небольшую главу не полностью и с небольшими умолчаниями, необходимыми для развития сюжета диалога: а именно, Ксенедем, перечисляя признаки собственные по Порфирию, заключает в конце перечисления, что все «эти четыре у Порфирия названы признаками собственными» [Cramer 1836: 213.3–4], хотя на самом деле у Порфирия таковым считается только четвертый признак – «собственный признак в основном смысле» (пример которого – способность к смеху) (Porphyry, *Isagoge* 4a 19–23).

После этого следует, уже можно сказать, «типичный» для диалоговой стилистики Теокла вопрос: «Теперь же, коль скоро тобою были объявлены четыре вида признаков собственных по разделению, и все они отличны друг от друга (ибо их было бы не четыре, если бы они не были различны), то я спрашиваю, в чем отличие четвертого от первого, т.е. того, пример которого – способность смеяться, от того, пример которого – врачевать. Какое отличие

этих двух признаков собственных друг от друга?» [Cramer 1836: 213.9–15].

Что касается Порфирия, то в рамках его системы на этот вопрос можно ответить следующим образом: эти свойства отличаются друг от друга практически тем же, чем признак собственный (способность к смеху) отличается от видового отличия (свойства разумности, например) – на основании того, что в первом случае возможно обращение, а во втором случае – нет: «характерным для различающего признака (ἴδιον δὲ διαφορᾶς) является, что он часто утверждается относительно нескольких видов... между тем, собственный признак – лишь относительно одного вида, у которого это – собственный признак; и различающий признак неуклонно следует за теми видами, у которых это был различающий признак, но обратное следование не имеет в свою очередь места с неизбежностью; между тем собственные признаки в отношении тех видов, у которых это – собственные признаки, допускают взаимное высказывание, потому что здесь обратное следование имеет место» (Porphyry, *Isagoge* 5b 30–34).

Также очевидно, что Порфирий осознавал и то, что «способность врачевать» и «способность заниматься геометрией» присуща одному и тому же виду человека таким же образом как и «способность смеяться» («упрек» Теокла в адрес «Введения» Порфирия). Более того, Порфирий отметил, что даже видовые отличия часто присущи видам аналогичным образом: «различающий признак и признак собственный имеют общим то, что вещи, им причастные, являются таковыми одинаковым образом: на одних и тех же условиях существа разумные обладают разумностью и существа, способные смеяться – способностью смеяться. Общим тому и другому из этих признаков является также и то, что они всегда и во всех отдельных случаях присущи своим носителям: ведь и тогда, если двуногое существо будет искалечено, все же и здесь всегдашняя данность утверждается в отношении природной способности, как и существо, наделенное смехом, имеет в отношении данного свойства всегдашнюю данность, благодаря природной способности, а не потому, чтобы такое существо смеялось всегда» (Porphyry, *Isagoge* 5b 24–28).

В связи с этим важно заметить, что когда Теокл поправляет Ксенедема и добавляет слово «присуще» к формулировке свойства «смеяться» [Cramer 1836: 214.5–6], то он поправляет именно Ксенедема (данную им формулировку), а не Порфирия: в этом месте никакой речи о критике Порфирия не может и быть.

О привходящем признаке

Сюжет о привходящем признаке также не является разоблачением и приведением к абсурду: «Но ответь мне следующее: если ты желаешь определить Сократа как Сократа, а не как человека, то как ты его определишь, если не стечением всех этих свойств? И чем же он будет отличаться от Платона? Или ты опишешь Платона и Сократа таким образом (как совокупность свойств): первого – как темноволосого, прямоволосого, со вздернутым носом, стройного и проч. А Сократа – как отличающегося животом? Ибо и он темноволосый, прямоволосый и со вздернутым носом. Чем отличаются друг от друга эти мужи? Тем только, что один худой, а другой нет? А если эти свойства привходящие, т.е. вещи могут их принимать, а могут и не принимать, то, пожалуй, и Сократ может быть худым, а Платон толстым. И таким образом, Сократ станет Платоном?» [Cramer 1836: 215.8–19]. Одними привходящими признаками не определить Платона и Сократа: с помощью набора привходящих признаков невозможно определить индивидуальную вещь – об этом указано еще у Аристотеля. Да, действительно, Порфирий дает два определения привходящего признака, второе из которых и указывается Ксенедемом (привходящий признак – это то, что может либо находиться, либо не находиться в одном и том же предмете) (Porphyry, *Isagoge* 4a 30–32). Однако, по теме только что приведенного рассуждения Теокла Порфирий замечает следующее как раз в первом определении, которое он дает сразу же и которое оставляется Теоклом и Ксенедемом без обсуждения: «Привходящий признак – это тот, который появляется и пропадает без уничтожения своего обладателя (субстрата). О нем можно говорить в двух различных значениях: в одном он допускает отделение, в другом – неотделим. Сон – это привходящий

признак отделимый, а быть черным, этот признак привходит ворону и эфиопу неотделимо, но и ворона можно представить, что он – белый, и эфиопа – что он утратил свой цвет кожи, без уничтожения в том и другом случае субстрата» (Porphyry, *Isagoge* 4a 25–30). Отвечая Теоклу в свете данного пассажа Порфирия, можно утверждать, что действительно, Сократа можно сделать худым, не сделав при этом Платоном.

Таким образом, можно заключить следующее относительно сюжета о привходящем признаке в диалоге «Ксенедем»: Теокл с данным термином работает так же как и с предыдущими: изначально задает вопрос, направляющий Ксенедема по ложному пути поиска (если ты желаешь определить Сократа как Сократа, а не как человека, то как ты его определишь, если не стечением всех этих свойств?) [Cramer 1836: 215.8–10], а потом, умолчав об одном из определений Порфирия, выдает неполноту их собственного рассуждения за недостаток системы Порфирия. С этой точки зрения, Теокл скорее софист, чем критик Порфирия.

Основываясь на всем выше перечисленном можно сделать следующие выводы относительно содержательных моментов диалога «Ксенедем»:

Основные «затруднения», перед которыми Теокл ставит Ксенедема, связаны с тем, что Порфирий использует предикабилии (гласы) как инструмент исследования содержания понятий, а в диалоге Феодор Продром предлагает в качестве предмета исследования сами гласы. На этом играет Теокл: смешивает род как вторую сущность и род как предикат категорий. Порфирий описывает существо процедуры определения, а Продром хочет применить процедуру определения к определению самой себя. Этого у Порфирия нет. Однако, у него есть много глав, в которых соотносится каждая предикабилия с каждой, в которых разбираются тонкости сходств и отличий гласов друг по отношению к другу, обосновывая тем самым необходимость всей пятерки понятий. «Если имя рода – это предикат предикатов», то это – метапонятие. Понятие рода сказывается о категориях, когда они в свою очередь являются объектом исследования. «Парадокс» или «апория»

получается только в том случае, если не различать между объектным языком и метаязыком. Вот почему очень сложно согласиться с выводом Н.Г. Харалабопулоса относительно статуса «апорий» или даже «противоречий» в определениях Порфирия, к которым приходят собеседники диалога относительно каждого гласа: «Используя шквальный поток вопросов из своего логического арсенала (καταιγιστικὸς χειριστὴς τοῦ ἐννοιολογικοῦ ὄπλοστασίου), Теокл обнаруживает логические противоречия (λογικὲς ἀντιφάσεις) и ставит под сомнение (θέτει ἐν ἀμφιβόλῳ) одно за другим определения Порфирия как недостаточные, неясные и даже просто ошибочные» [Χαραλαμπόπουλος 2005: 193]. Скорее логический статус приемов Теокла – софизмы, основанные на учетверении терминов или на удвоении смысла понятий рода, вида и других гласов.

Если проанализировать структуру вопросов Теокла, то можно выявить следующую форму всех его софистических ходов: он играет на таком свойстве предикабилей как автореферентность. Действительно, эти понятия применимы к самим себе и, с синтаксической точки зрения, вполне возможно строить такие конструкции как «род рода», «роды родов», «виды видов» и проч. Пытаясь через призму рассуждений Теокла сделать некоторые выводы о логической системе Феодора Продрома, можно предположить следующее: в общем и целом, Продром любит играть с автореферентностью терминов. Теокл достаточно изящно ведет разговор о пяти предикабилиях Порфирия: по форме его вопросы можно переформулировать следующим образом – существуют ли роды родов? каковы виды видов? чем видовое отличие отличается от других видов отличия? каков признак собственный у признака собственного? и не является ли привходящий признак лишь случайным (привходящим) компонентом пятерки предикабилей, которого может и не быть? Можно было бы даже показать, что Феодор Продром предложил за девять веков до Бертрана Рассела возможные формулировки «расселовского парадокса»: также в форме вопроса (вопросов), однако не сформулировал таким образом, чтобы получился действительно парадокс. Тем не менее, точно

можно утверждать, что Феодор Продром на доступном ему уровне развития логического понятийного аппарата подводит читателя к необходимости различения между разными уровнями языка: языком-объектом и метаязыком, хоть и не формулирует это явным образом.

Глава 2. Траклат «О великом и малом» в контексте византийских комментариев к «Категориям» Аристотеля

2.1 Жанровые особенности логических работ в Византии

В рамках более общего исследования развития и преподавания логики в Византии, которое невозможно уместить в рамках одной работы, важным и уместным является рассмотрение различных жанров изложения логических идей, распространенных в Византии, как соответствующих преследуемым ими целям.

Жанр парафраза

Вполне возможно, что византийские логики не придавали значения различению жанров комментария и парафраза. Например, Михаил Пселл зачастую именуется пересказ не вполне соответствующими этому значению словами *σύνοψις*, *ὑπόμνημα*, *σύγγραμμα*, *σύνταγμα*. Например, его «Обзор и метафраза учения “Об истолковании”» (*Σύνοψις καὶ μετάφρασις σαφεστάτη τοῦ Ψελλοῦ τῆς διδασκαλίας τῶν Περί ἑρμηνείας*) вовсе не комментарий, а пересказ. Тогда как работа «Парафраза “Об истолковании”» (*Μιχαήλου Ψελλοῦ παράφρασις εἰς τὸ Περί ἑρμηνείας*), по мнению К.Иероδιαкону, вовсе не парафраза, а комментарий, дополненный изложением собственных идей; несмотря на то, что слово *παράφρασις* вынесено в заглавие, сам Пселл нигде не называет ее пересказом, но использует такие слова как *ὑπόμνημα*, *σύγγραμμα*, *σύνταγμα* [Ierodiakonou 2002a]. В то время как работа «О второй книге “Первой Аналитики”» (*Περί τοῦ δευτέρου βιβλίου τῶν Πρωτέρων ἀναλυτικῶν*) не является ни парафразом, ни комментарием, поскольку представляет собой последовательность вырезанных из второй книги Первой Аналитики цитат (переписанных практически без изменения), содержащих проделанное самим Аристотелем краткое предварительное изложение основных тезисов, рассматриваемых и иллюстрируемых в главах второй книги. Единственное, что сделал Пселл, – вырезал аристотелевские примеры, предоставив таким образом краткий реферат этой книги или своеобразную компиляцию ее

содержания.

Жанр эпитом

Важным жанром для средневековой в целом и византийской традиции в частности является жанр эпитом (сокращенное изложение пространных произведений различной тематики), более всего похожий на современные энциклопедии, в рамках которого создавались тексты, содержащие в том числе разделы по логике и смежным с логикой дисциплинам (грамматике, риторике и диалектике). Примером осмысления логики в ряду других наук (физики, философии, богословия) является «Краткая логика» (Ἐπιτομή λογικῆς) Никифора Влеммида, которая с точки зрения С.Эббесена является наиболее ярким примером изложения логики в ее теоретической (аристотелевской) и практической частях.

Жанр диалога

Выше в предыдущей главе мы подробно рассмотрели этот жанр, который практиковался не только Феодором Продромом для изложения логических идей. Здесь только коротко характеризуем этот жанр как уместный для изложения логики и не характерный для западной логической традиции. Логическое содержание, упакованное в платоновскую форму изложения дает интересное ощущение «литературности» предмета и диалектичности логики как интеллектуального проекта: стилистические подражания Платону зачастую оборачиваются логическим пафосом основной идеи: логика не является универсальным знанием, ее природа принципиально диалогична, возможны ее вариации в некоторых частных вопросах, как и плюрализм логик в целом. Такой пафос характерен не только для логического диалога Продрома, но и для диалога Порфирия, о которых было подробно написано выше. Сложно подобрать латинские параллели такому подходу. Жанр средневекового диспута, сформированный на Западе совершенно отличался от платоновских диалогов.

Формат псевдиалога

Стоит сразу отметить, что термин «псевдиалог» используется в данной диссертации в качестве рабочего понятия, обозначающего условно не вполне диалоговые жанры изложения логики, но близкие к ним в силу содержания некоторых элементов диалога. Поэтому псевдиалоговые формы в разных своих частях могли принимать любые работы по логике, относящиеся в том числе и к перечисленным выше жанрам. Примером псевдиалоговой формы изложения логики можно считать «Об истолковании» (Περὶ ἑρμηνείας) Михаила Пселла, где излагая Аристотеля, Пселл пытается на протяжении всего текста быть самим Аристотелем. Предполагается даже анахронизм: Аристотель отвечает своим более поздним комментаторам Аммонию и Филопону, однако допускаются при этом ошибки (иногда Аристотель упоминается и в третьем лице). Поскольку работа Пселла адресуется не ученым, заинтересованным в прояснении трудных мест Аристотеля, а ученикам с небольшими познаниями в логике, Пселл использует слова, относящиеся к учебному процессу, а также императивы и глаголы во втором лице [Ierodiakonou 2002]. Тем не менее эта работа не в полной мере является диалогом по форме, т. к. ученик и адресат обращений Пселла безмолвствует, сам Пселл обращается то к ученику, то к комментаторам Аристотеля, то к самому себе, но от лица Аристотеля (разговор от лица Аристотеля ведется даже тогда, когда «Аристотель» излагает взгляды Пселла), при этом прямо не формулируя собственные ответы Аристотелю в диалоговой вопросно-ответной форме. Вот почему несмотря на явный диалогический пафос работы, она представляет собой все-таки псевдиалог, лишь косвенно напоминающий диалоги Платона. Проиллюстрировать эту форму можно также на примере небольшой заметки Михаила Пселла «О второй книге “Первой Аналитики”» (Περὶ τοῦ δευτέρου βιβλίου τῶν Πρωτέρων ἀναλυτικῶν) [Duffy, O’Meara 1989], о которой уже говорилось выше, что она представляет собой не вполне идентичный аристотелевскому тексту сокращенный реферат последнего. Интересен характер правок, которые вносит Пселл в

аристотелевский текст: это и всевозможные перестановки слов или пропуск/добавление артиклей в целях благозвучия (например, «πρὸς τῷ ἐλάττονι γένηται ἄκρῳ» [Duffy, O'Meara 1989: 35. 11.37–38] вместо аристотелевского «γένηται πρὸς τῷ ἐλάττονι ἄκρῳ» (Arist. *An. Pr.* 59a3) и проч.), выбрасывание уточняющих фраз и оборотов («καὶ ἐπὶ τι ψευδοῦς οὔσης τῆς πρώτης, καὶ τῆς μὲν ἀληθοῦς τῆς δὲ ἐν μέρει ψευδοῦς, καὶ ἀμφοτέρων ψευδῶν» [Duffy, O'Meara 1989: 35. 11.19–20] вместо аристотелевского «καὶ ἐπὶ τι ψευδοῦς οὔσης τῆς πρώτης τῆς δ' ἑτέρας ἀληθοῦς, καὶ τῆς μὲν ἀληθοῦς τῆς δ' ἐν μέρει ψευδοῦς, καὶ ἀμφοτέρων ψευδῶν» (Arist. *An. Pr.* 54b15–20)), замена аристотелевских названий фигур силлогизма синонимичными им, также встречаемыми у Аристотеля, но не в данных переписываемых предложениях («ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ σχήματι πάντως ἐγχωρεῖ...» [Duffy, O'Meara 1989: 35. 11.20–21] вместо аристотелевского «Ἐν δὲ τῷ μέσῳ σχήματι πάντως ἐγχωρεῖ...» (Arist. *An. Pr.* 55b2)) также в целях благозвучия (увеличения или уменьшения числа слогов в предложении или фразе), замена более сложных грамматических конструкций более простыми и наоборот. Сложно представить в современных и в западноевропейских средневековых трактатах по логике благозвучие как повод для перестраивания фразы (обычно таким поводом являлось и до сих пор является только требование точности и однозначности формулировки), которое можно охарактеризовать как поиск «поэтики фразы» или «поэтическую игру», «опыт алхимического воображения» в логике [Романенко 2003: 21, 23] или попытку привнести поэтическое измерение в технический дискурс, но не в его содержание, что подменило бы его предмет, а в форму его изложения. Здесь уместно заметить, что Пселл эту заметку оформляет в виде письма, открывая ее глаголом во втором лице единственного числа и обращением к адресату, спросившему его о целях второй книги Первой Аналитики: «Ἡρώτησας τίς ἐστὶν ὁ σκοπὸς τοῦ δευτέρου βιβλίου τῶν Πρωτέρων ἀναλυτικῶν. σκοπὸς οὖν...» [Duffy, O'Meara 1989: 35. 11.2–3]. Представляется справедливым жанр письма также отнести к псевдиалоговой форме (т.к. косвенным образом свои ответы Пселл

предваряет формулировкой вопроса адресата), но поскольку далее весь текст письма-заметки излагается монологически и задача поиска определения целей логики не ставится и дискуссии на эту тему не предполагаются (осуществляется только перечисление целей второй книги аристотелевского произведения), то платоновской эту форму счесть было бы некорректно. С нашей точки зрения, именно к этому жанру псевдиалога можно отнести и небольшой трактат Феодора Продрома «О великом и малом», написанный в форме письма и адресованный учителю Феодора Продрома Михаилу Италику, жанровому и стилистическому анализу которого будет посвящен следующий параграф диссертации.

Жанр комментария

Помимо всех выше перечисленных жанровых форм, в формате которых излагались те или иные логические идеи в Византии, отдельно необходимо выделить наиболее распространенный для истории логики и характерный для этой науки жанр комментария, который также был распространен в Византии и на данный момент издан в рамках отдельной серии – *Commentaria in Aristotelem Graeca*, которая содержит не только позднеантичные, но и византийские комментарии к «Органону» Аристотеля и «Введению» Порфирия. Рассмотрению истории этого жанра и его специфическим особенностям, а также работе Феодора Продрома, выполненной в этом жанре, посвящена третья глава данной диссертации.

Тяготение к интуитивному типу познания и тенденция выражаться символами и намеками, свойственные византийским авторам,³ также могли стать как причиной «недоразвитости» логики в Византии (упрек Стена Эббесена, о котором мы писали выше), так и объяснением тенденции так риторически «вычурно» оформлять логические работы. Например, заканчивая свое логическое письмо о целях и задачах второй книги «Второй Аналитики»,

---

³ Знаменитое послание рыб Иоанну Цецу, которое он счел чем угодно отрицательным (и обвинением в бессловесности, и в обжорстве, и в бедности), только не подарком, описано в статье Черноглазова Д.А. [Черноглазов 2008: 155].

Пселл зачем-то в общий ряд перечисленных задач этой книги вставляет цитату про физиогномику, к логике имеющую весьма опосредованное отношение: «τὸ δὲ φυσιογνωμονεῖν δυνατόν ἐστίν, εἴ τις δίδωσιν ἅμα μεταβάλλειν τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴ ὅσα φυσικά ἐστὶ παθήματα» [Duffy, O'Meara 1989: 38. 11.83–85], – именно на этом изложение целей аристотелевской книги заканчивается, несмотря на то, что для Аристотеля рассмотрение физиогномики вовсе не цель, он ее упоминает в качестве иллюстрирующего рассуждения к теме «Энтимема».

Однако перечисленные примеры форм преподавания и изучения логики в Византии оставляют богатый материал для дальнейшего исследования и внимательного прочтения византийских логических текстов. Рассуждая о византийском этапе истории логики следует задаваться не только вопросом научного статуса византийских логических штудий, который обычно принято недооценивать, сопоставляя его с западноевропейским, но и вопросом причин, по которым этот статус был именно таким (в частности К.Иеродиакону отмечает, что, например, Пселл, находясь под влиянием не только Аристотеля, но и греческих грамматистов, считал грамматику более эффективной для развития мышления, чем логику, полагая ее также основой всех других наук [Ierodiakonou 2002: 168]). Пытаясь ответить на вопрос, почему в Византии наличествовало такое творчество и разнообразие в сфере форм изложения логики и такой аскетизм в научных исследовательских штудиях, можно предложить следующую гипотезу: довлениe платоновской образовательной парадигмы, также, возможно, видение других целей изучения и преподавания логики, реконструкция и уточнение которых является интересной исследовательской задачей как для византистики, так и для истории логики.

2.2 Стилистические и жанровые особенности трактата «О великом и малом» Феодора Продрома

В данном параграфе предполагается охарактеризовать стилистические и жанровые особенности трактата Феодора Продрома «О великом и малом», написанного в форме письма и проявляющего, с нашей точки зрения, некоторые специфические особенности псевдиалоговой формы текста, которую мы описали в предыдущем параграфе как отдельный жанр изложения логических идей в Византии.

Трактат доступен в критическом издании [Tannery 1887], которое, впрочем, учитывает не все рукописи трактата (помимо 3 рукописей, учтенных издателем (Paris. gr. 1928, Paris. gr. 1932, Paris. gr. 2350), «О великом и малом» содержится еще, по крайней мере, в 4 манускриптах: Vat. gr. 243; Vat. gr. 305; Laur. Magl. XI.53; Bodl. Auct. T. 1. 22; Taur. C. I. 15.). Издание сопровождается небольшим введением, посвященным, в основном, характеристике рукописной традиции [Tannery 1887: 104–110].

Полное название трактата таково: «Мудрейшего и ученейшего господина Феодора Продрома, о великом и малом, и о многом и немногом: что они [принадлежат] не [категории] отношения, а [категории] количества, и противоположны [одно другому]» [Tannery 1887: 111. 1–3].

В трактате «О великом и малом» Феодор Продром размышляет об одном из пассажей в «Категориях» Аристотеля (Arist. *Cat.* 5b. 14.), в котором Аристотель, согласно мнению Продрома, утверждает, что понятия «великое» и «малое» относятся к категории отношения. Продром же полагает, что эти понятия принадлежат категории количества, и просит своего учителя и друга Михаила Италика, которому адресован этот трактат, рассудить, кто из них прав.

Данный текст хоть и был введен в научный оборот более ста лет назад, тем не менее, до сих пор остается практически не исследованным в историко-философском научном сообществе, хотя и представляет собой интерес как с

точки зрения истории логики, так и с точки зрения истории византийской литературы и византийской неоплатонической традиции комментариев к «Категориям» Аристотеля. Трактат упоминается в обобщающих и справочных трудах [Hörandner 1974: 209; Hunger 1978: 35], однако практически ни одного историко-философского исследования о нем не существует (кроме двух наших статей об этом трактате [Гончарко, Слинин, Черноглазов 2018. Черноглазов, Гончарко 2018.]). Между тем, «О великом и малом» – это самобытное произведение, представляющее интерес и как памятник византийской философской мысли, и как литературное произведение: и с точки зрения стилистики, и с точки зрения композиции.

«О великом и малом» обладает двухуровневой сложной композицией, в которой после двух художественных предисловий рассматриваются логико-философские вопросы. В первом из предисловий автор обращается к своему учителю Михаилу Италику, посвящая ему это произведение и требуя его строгой оценки ходу изложенных размышлений, а также принимает позу некоей эпистемической скромности, свойственной истинным мудрецам, намекая на сократовское знание лишь о собственном незнании.

Во втором предисловии Феодор Продром рассказывает, как он пришел к мысли написать свой труд, утверждая, что пассаж из «Категорий» Аристотеля, где утверждается, что великое и малое принадлежат категории отношения, вызывает у него непонимание и даже более того – сомнения в правоте Философа. Далее Продром приступает к разбору собственно логических тонкостей и различий, не забывая и о диалоговой литературной форме, в которую он облачает полемику с Аристотелем: иногда он обращается к Стагириту лично, допуская в его адрес насмешливо-иронические реплики, напоминающие выпады Сократа в платоновских диалогах.

В основной (собственно логической) части трактата, Продром пишет «естественным слогом» и без прикрас, однако, и здесь он проявляет заботу о литературной форме – облакая свою дискуссию с Аристотелем в некоторое подобие диалога, который напоминает платоновские диалоги.

Эти небольшие части в псевдиалоговых формах (обращения к собеседнику, предвосхищения его реплик и вопросов, согласие принять его точку зрения, но для того, чтобы потом привести ее к противоречию) сближают стиль продромовского письма в этом трактате с платоновскими диалогами, свидетельствуя о том, что Феодор Продром был знаком не только с философией Аристотеля, но и с творчеством Платона, которое он иногда использует не только как образец философской формы изложения (как например в диалоге «Ксенедем»), но и содержательной критики аристотелевского учения (например, обсуждая сочинение «Введение» Порфирия в формате иронического диалога со скептической концовкой):

Так, очевидны не только лексические и стилистические параллели с диалогами Платона (обращение ὃ θαυμάσιε ‘о чудесный’ в платоновских диалогах встречается более 30 раз; формула ναὶ μὰ τὸν ‘клянусь богом’ соответствует обороту ναὶ μὰ Δία ‘клянусь Зевсом’, типичному для платоновских диалогов; оборот γελοῖον μὲντᾶν εἶη ‘было бы смешно’, употребляемый в отношении абсурдных допущений, фиксируется в платоновских диалогах более 11 раз; подобные стилистические параллели с диалогами Платона можно было бы продолжить и далее), но и содержательные, более существенные сходства. Например, беседуя подобным образом с Аристотелем в трактате, адресованном своему учителю, Феодор прибегает к сократовской иронии или платоновскому скептицизму: восторгаясь убедительностью аргументов Аристотеля и для поддержания «разговора» соглашаясь с ним, задает ему при этом «каверзные» вопросы, отвечая на которые самостоятельно, он заходит в тупик и оставляет читателя в этом тупике [Черноглазов, Гончарко 2018].

Ирония очень часто используется Феодором Продромом как риторический прием. Дадим его краткую характеристику с точки зрения его влияния на стилистику. Ирония — стилистический (риторический) прием, имеющий различные смыслы и названия, в том числе характеризуется и употребляется разными авторами как:

- 1) троп (антифразис, антономасия);
- 2) философская категория;
- 3) самостоятельный род искусства;
- 4) стилистическое средство;
- 5) «говорение наизнанку»;
- 6) «словесное притворство»;
- 7) истина от обратного;

- 8) ироническая полемика или атрибут комического;
- 9) оттенок смеха;
- 10) прием смеховой критики в искусстве.

Романтики в XIX в. предлагают понимать иронию в качестве философской жизненной позиции, отождествляя ее с рефлексией. Принцип «универсального иронизирования» – не только критика восприятия реальности, но и критика самого процесса восприятия. Отсюда автореферентный характер иронии. Цель иронии в целом – избегать окончательных решений. Механизм работы иронического высказывания описан средствами логики, лингвистики, семиотики и теории коммуникации.

Феодор Продром пользуется этим приемом во многих своих произведениях. Приведем несколько примеров:

1. Функция иронии в пародийной драме «Катомиомахия» («Κατομιομαχία») о войне кошек и мышей заключается в следующем:

- 1) соединять несоединимое (Зевс, похожий на «Сыролиза, старца многомудрого» [Зельченко 2002: 43–49]);
- 2) делать образ перекрестьем двух и более знаковых систем (античной мифологии, христианского дискурса, мышинных взаимоотношений);
- 3) играть со стилями («Сошел в могилу Крохобор, дитя мое!»).

2. В небольшом тексте Продрома «Схеды о мыши» («Τὰ σχέδη τοῦ μύος») о мышинном игумене, лакомке и трусе, который, объевшись объедков господского пира, предоставил читателю пищу для ума, ирония осуществляется посредством «кодирования» и «зашифровывания» смысловых отсылок как к многозначности отдельных слов, так и многозначности различных смысловых контекстов.

3. Ирония в диалоге о логике Порфирия «Ксенедем, или Гласы» («Ξενέδημος ἢ Φωναί») обладает следующими свойствами:

- 1) осуществляется на логико-философском материале;
- 2) в нее вовлечены отношения между автором, адресатом и предметом иронического высказывания;

- 3) логически и структурно связана с остроумием;
- 4) обладает диалогическим устройством;
- 5) играет эвристическую роль;
- 6) используется как логический прием приведения к абсурду через автореферентность.

В диалоге «Ксенедем» так называемый игровой «педагогический диалог», преодолевая философский монологизм, превращается благодаря иронии в «существенный диалог» (термин М. М. Бахтина).

Конечно, мы вовсе не утверждаем, что трактат «О великом и малом» Феодора Продрома можно считать полноценным платоновским диалогом по аналогии, например, с его же диалогом «Ксенедем»: начиная с прямого обращения к Аристотелю и вступая в прямую дискуссию с античным философом, и даже отвечая самому себе цитатами из Аристотеля, Феодор Продром, строго говоря, не придерживается формы диалога, и ближе к концу трактата отзывается уже об Аристотеле в третьем лице, более не обращаясь к нему напрямую. Однако, элементы платоновского диалога в этом небольшом произведении все же очевидны и достойны внимания, в связи с чем его можно отнести к упомянутому нами ранее отдельному жанру псевдиалога.

Любопытно, что Продром – не первый византийский автор, включивший в логическое произведение элементы разговора с Аристотелем. Подобные риторические приемы можно найти и у Михаила Пселла (XI в.), автора, также принадлежащего неоплатонической византийской традиции комментирования аристотелевского корпуса текстов: в отличие от Продрома, Пселл в «Об истолковании» (Περὶ ἑρμηνείας) сам выступает от лица Аристотеля, полемизируя со своими более поздними комментаторами, Филопоном и Аммонием [Гончарко 2013: 227].

В работе [Черноглазов, Гончарко 2018] Д.А. Черноглазов квалифицирует этот трактат как образец изящной словесности:

Первое предисловие составлено по всем правилам риторики. Как и полагается в проэмии, автор обращается к аудитории – в данном случае, состоящей из одного-единственного человека – с традиционным *captatio benevolentiae*: во-

первых, Продром щедро расточает комплименты в адрес Италика, в числе прочих похвал именуя его «статуей красноречия», мудрецом, достигшим вершин и в философии, и в риторике [Tannery 1887: 111. 5–8; Hunger 1978: 20], а во-вторых, дает скромную оценку собственного труда. Однако, автор отнюдь не склонен упражняться в самоуничижении, характерном для многих византийских авторов. Легко заметить, как критика обращается похвалой: если писание автора предстанет перед адресатом «с неприкрашенным лицом», то это, в первую очередь, по той причине, что оно намерено следовать примеру «дочерей Демосфена, Платона и [Элия] Аристида», оставив украшательство тем, кому «внешний декор» помогает скрыть «природное уродство» [Tannery 1887: 111. 20–25]. Кроме того, автор особо подчеркивает, что он вполне способен изукрасить речь риторическими изысками – если бы он обращался к кому-либо другому, он бы показал свое мастерство «как только возможно, и даже сверх меры» [Tannery 1887: 112. 1–2]. Мотив естественной красоты выражен и в форме шутки: сочинение Феодора предстает взору Михаила «обнаженным», совсем как богини пред судом Париса на Иде [Tannery 1887: 111. 10–14]. Следует отметить, что подобный стиль общения, сочетающий взаимные комплименты и дружеский юмор, весьма характерен не только для взаимоотношений Продрома и Италика – это в полной мере отразилось в их переписке [Browning 1977: 287–288; Gautier 1972] – но и вообще для византийской интеллектуальной среды XI–XII вв. [Каждан 2000: 185–197; Черноглазов 2008: 152–164].

Столь же характерно для Продрома и второе предисловие, где находят отражение индивидуальные мотивы. Как и другие византийские *literati* XI – XII вв., Феодор охотно рассказывает о себе – о своей внешности, характере, пристрастиях, даже недостатках, о которых он отзывается с юмором – и «О великом и малом» не составляет исключения в этом аспекте. Неформально-доверительный тон звучит с самого начала второго проэмия: «Вчера, а может, и не вчера, но [точно] недавно, так случилось, что я читал «Категории» Аристотеля» [Tannery 1887: 112. 9–10]. Далее Продром начинает описывать свои сомнения и, в частности, отмечает, что он молод, и его мысли не только переменчивы, но и «порывисты», и потому его не удовлетворяют «мнения» и «предположения» (здесь употреблен логический термин *πρόληψις* – «предвосхищение», «пресуппозиция») и ему трудно «совладать с душевными движениями» и не вступить в спор с самим Аристотелем [Tannery 1887: 112. 22–25]. Еще мы узнаем, что Феодор «с детства» преклоняется перед Гомером [Tannery 1887: 112. 19–20]. Признаваясь в этом, Продром тут же доказывает свое пристрастие – на протяжении короткого пассажа поэмы Гомера цитируются трижды (112. 16 cf *Hom. Od.* 20. 18; 112. 18 cf *Hom. Il.* 2. 200; 112. 23 cf *Hom. Il.* 3. 108).

Как уже говорилось, Феодор обещает писать «естественным слогом» и без прикрас, и в основной, содержательной части «О великом и малом», посвященной категориям Аристотеля, он это обещание сдерживает: аргументы излагаются ясно и по существу, а риторические украшения минимальны – вводится лишь одна поговорка [Tannery 1887: 116. 25– 6] и одно двустишие из «Илиады» [Tannery 1887: 117. 26–27]. Однако, и здесь Феодор проявляет заботу о литературной форме – свою дискуссию с Аристотелем он облачает в форму диалога... [Черноглазов, Гончарко 2018].

Также далее в этой же работе мы совместно с Д.А.Черноглазовым приводим ряд аргументов, почему этот трактат является хоть и

псевдодialogовой, но стилизацией под платоновские тексты:

Прочитав пассаж из «Категорий», византийский автор восклицает: «О, как прекрасны твои эпихейремы и философское изящество в этих вещах! Ибо что же другое, как не столь [прекрасное], тебе, Аристотелю, присуще говорить? Но я все же тебя спрошу – и ответь мне, заклинаю твоими лабиринтами!» [Tannery 1887: 113. 19–22]. Далее, изложив еще один аргумент Аристотеля, автор снова комментирует: «и невозможно иначе предположить об этих вещах, если ты так постановил» [Tannery 1887: 113. 25–26]. Элементы диалога продолжаются и далее: Продром обращается к Аристотелю «о чудесный» [Tannery 1887: 113. 26], указывает ему на его собственный трактат «О небе» [Tannery 1887: 114. 11–12] и т.д.

Все эти реплики отчетливо указывают на то, что Продром пишет в жанре Платоновского диалога. Так, очевидны лексические и стилистические параллели с диалогами Платона... (см., напр.: Pl. Euthphr. 3b.1; Cri 48b.3; Tht 151c.6; Sph 238d.4; Phlb 26c.8; ... Pl. Tht 210b.6; Cra 400d. 6; Phdr 261c.1; ... Pl. Phd 67d.12; Tht 158e.1; R 382d.8.). Ряд подобных параллелей можно было бы продолжить.

Важнее, однако, сходство иного рода. «Беседуя» с Аристотелем, Феодор явно прибегает к сократовской иронии: сначала он якобы восторгается убедительностью аргументов Аристотеля и соглашается с ними, а потом, задавая ему «каверзные» вопросы и сам на них отвечая, заводит в логический тупик (насколько это ему удастся – иной вопрос, который заслуживает отдельного историко-логического исследования). Похвалы, таким образом, обращаются в насмешку. Да и сами формулировки, которые использует Продром, показывают, что его восхищение навряд ли стоит принимать всерьез. Φιλόσοφος κομψεία ‘философское изящество’ [Tannery 1887: 113. 19–20], за которое Продром хвалит Аристотеля – комплимент странный и, по меньшей мере, сомнительный. Во-первых, κομψεία – «изящество», «утонченность», присущая риторике, но никак не философии; а во-вторых, κομψεία – пожалуй, не самое важное, чем можно было бы восхищаться в аристотелевом «Органоне». Можно, к примеру, процитировать Иоанна Филопона, характеризующего стиль «Категорий» следующими словами: «Философ всегда избегает риторических изысков (κομψείας) и придерживается лишь того, чтобы представить природу вещей» (Phlp. in Cat., p. 6. 18.). «Восхваление» Аристотеля за «философское изящество» призвано, видимо, навести на мысль, что его рассуждения поверхностны и сродни риторике и софистике, иными словами – как Продром уже напрямую заявляет в том же трактате – Аристотель зачастую «не доказывает, а упражняется» [Tannery 1887: 112. 27–28], «заклучает из вероятных [посылок]» [Tannery 1887: 112. 29–30] и даже «незаметно вводит слушателя в заблуждение» [Tannery 1887: 116. 26–27] [Черноглазов, Гончарко 2018].

Также хотелось бы отметить, что Феодор Продром – любитель автореферентных конструкций, которые он широко использует в различных своих произведениях, в том числе логических (в диалоге «Ксенедем» он даже построил на автореферентности понятий Порфирия свои логические апории [Goncharko, Romanenko 2016]). В художественной части «О великом и малом» он также использует автореференцию, но в данном случае скорее как

риторический, нежели чем логический, прием: «то, что постигается разумом, чем другим должно быть осмыслено, если не смыслом (λόγῳ τὰ λογιζόμενα λογιστέον)?» [Tannery 1887: 111. 1]; «то, что исправляется, чем надлежит исправить, если не правилом (τὰ κανονιζόμενα... κανόνι κανονιστέον)?» [Tannery 1887: 111. 2]; «я никоим образом не буду украшаться и показывать себя: ибо перед мудрецом мудрствовать не мудро (σοφῶ σοφίζεσθαι ἄσοφον)» [Tannery 1887: 112. 4]; «великое и малое действительно не могу быть определены ни по одному из определенных нами определений (κατ' οὐδεμίαν ἀποδοθεῖν τῶν ἀποδοθεισῶν ἀποδόσεων)» [Tannery 1887: 115. 28–29].

Мы попытались показать, что трактат «О великом и малом» представляет собой не только логический трактат, но и литературный памятник, который в полной мере вписывается в контекст византийской риторики и «беллетристики» XII в. Элементы платоновского диалога, тонкая ирония, дружеский юмор, основанный на игре с античными образами и цитатами, высокая оценка собственного труда – все эти черты весьма характерны для произведений, созданных в интеллектуальной среде Комниновского ренессанса.

Таким образом, в настоящем параграфе я попыталась показать, используя в том числе и аргументы Д.А.Черноглазова, что трактат Продрома «О великом и малом» представляет собой не только философское произведение, но и литературный памятник: перед нами риторическое сочинение, содержащее элементы платоновского диалога. Сократовская ирония, игра с античными образами и аллюзиями, скрытыми и явными цитатами и ссылками на античные литературные памятники, высокая оценка собственного труда и при этом самоирония и добрый юмор – эти черты характеризуют произведения, созданные в эпоху Комниновского ренессанса, эпохи подлинного расцвета византийской изящной словесности и возрождения литературных традиций греческой античности.

Поскольку логико-философскому содержанию трактата «О великом и малом» будет посвящен следующий параграф, то в данном кратком параграфе

ограничимся лишь сжатой историко-философской характеристикой этого текста. В этом сочинении Феодор Продром выдвинул тезис о том, что понятия «великое» и «малое» не совсем правильно относить к категории отношения, и обосновал этот тезис с помощью нескольких различных аргументов (аргумент от несоответствия определению соотнесенных понятий, аргумент от противоположностей, несколько аргументов от устоявшейся практики словоупотребления). Такое решение не совпадает с подходом Аристотеля к пониманию этих понятий в «Категориях», где они отнесены одновременно и к категории отношения, и к категории количества. Также следует отдельно заметить, что аргументы Продрома не совпадают полностью и с аргументацией Порфирия, представленной по этому вопросу во «Введении к “Категориям” Аристотеля» в соответствующих разделах – о соотнесенных и о видах количества, а также о видах противоположания. Таким образом, было бы интересно поставить и решить вопрос о том, каким образом Феодор Продром приходит к выдвижению и обоснованию своего решения проблемы «великого» и «малого», и насколько его решение оригинально или преимущественно по отношению к византийской логической традиции греческих комментариев к «Категориям».

2.3 Логическое содержание трактата «О великом и малом»

Итак, я только что охарактеризовала трактат «О великом и малом» с точки зрения его художественной формы, теперь же перейдем к более подробному его историко-логическому исследованию, а также обзору его логического содержания.

Для начала кратко перечислим структурные части трактата, в которые Продром помещает ряд аргументов в пользу своего решения проблемы отнесения понятий великого и малого к той или иной категории, чтобы показать, как формальная структура текста коррелирует с его содержанием:

1. Сначала, обозначив «позицию Аристотеля» (а точнее, то, что Феодор Продром понимает как мнение Аристотеля) относительно отнесения понятий великого и малого, многого и немногого «скорее к категории отношения, а не к категории количества» [Tannery 1887: 112. 11–13], Продром отказывается согласиться с Аристотелем в этом пункте.
2. После чего Продром приводит классический (и, судя по диалогу «Ксенедем», свой любимый) пример понятий двойного и половинного, которые являются понятиями соотнесенными, в качестве иллюстрации иной парадигмы отношений между понятиями этой категории, показывая, что понятия великого и малого не ведут себя подобно понятиям, традиционно считающимся соотнесенными понятиями и относящимися к категории отношения.
3. Далее Феодор Продром аргументирует с помощью отсылки к практике словоупотребления понятий, относящихся к разным категориям.
4. После чего предлагает аргумент от практики словоупотребления падежей, который можно было бы условно назвать «методом проверки падежами».
5. Решив далее, что то, что «великое» и «малое» – это не категория отношения, доказано, Феодор Продром поясняет, что они противопоставлены друг другу как противоположные (т. е. как один из четырех видов противоположения (*τὰ ἀντικείμενα*), отмеченных еще Аристотелем в «Категориях»).

6. Последним аргументом Продрома в этом тексте является аргумент от противоположностей.

Перейдем теперь к более подробному содержательному разбору основных логических идей, содержащихся в перечисленных Феодором Продромом аргументах:

Аргумент с помощью контрпримера

Первый аргумент Продром выстраивает, приводя контрпример приведенному выше «аристотелевскому рассуждению»: «Ведь зерно мы сможем, пожалуй, назвать большим, сравнив его, как ты хорошо знаешь, с зерном, и гору маленькой – сравнив с горой... Однако, о милый мой, а вот о тех видах, для которых количество единиц не больше одного, как солнце или само небо? Как мы сможем судить о них как о больших? Ведь в отношении этих предметов будет не так, подобно тому, как некое зерно по отношению к какому-то другому зерну и гора к горе воспринимали значение большого и малого – вот так по отношению к солнцу и луне не будет» [Tannery 1887: 113. 23–114.].

Данный контрпример связан с такого рода понятиями, которые единственны в своем роде и виде, и для которых число индивидов равно единице, а значит, по количеству и по объему род совпадает с видом, а вид с индивидом по числу: «небо является большим не по отношению к другому, маленькому небу, но по отношению к какому, если оно единственное? Так же и в отношении других таких же. Например, величина всей земли велика и разлитие эфира считается большим, но ни земля, ни эфир при этом не сравниваются ни с какими другими. Ибо они единственные и единичные индивиды по числу (ἄτομα), каждое в своем роде по каждому виду (καθ' ἑκάστων εἶδος ἄτομα)» [Tannery 1887: 114. 4–9]. И далее заключает: «То, что небо не велико – это весьма святотатственно, а то, что разлитие эфира невелико – это смешно. Или иначе: великое и многое не являются [элементом/частью] отношения. А если не так, то и противоположные им не являются [элементом/частью] отношения, я имею ввиду “малое” и

“немногое”» [Tannery 1887: 114. 15–18]. Однако, при возможности сравнивать по величине в том числе и предметы из разных множеств: т.е. образовывать так называемое предметное множество, в которое войдут и солнце, и небо, и гора, и зерно, и человек – этот пример может не восприниматься контрпримером в аристотелевском решении этого вопроса, однако дает интересный повод сравнить, как формировали понятие предметного множества в классический период античности, а как в Византии XII века.

Аристотель не запрещает сравнивать по величине предметы из разных множеств: Продром более категоричен в этом отношении и пишет, что возможно сравнивать предметы по величине друг с другом только внутри вида (гору – только с горой, а зерно – только с зерном). Вопрос заключается в том, как формируется само множество – и видимо, Продром руководствуется уже другими критериями его формирования: сравнивая зерно с горой, можно получить предметное множество, куда входят и другие виды понятий, обладающих величиной. Внутри такого множества сравнивать предметы по какому-то свойству (например, по величине) допустимо. Также возможно создавать множества на основе свойств (в канторовской теории множеств любое свойство определяет множество элементов, удовлетворяющих этому свойству) – это другой тип создания множеств: если множество ограничить свойством, то элементы этого множества уже не сравнить с элементами множества, ограниченного другим свойством. Продром близок здесь к этому пониманию формирования множества, но возможно, еще не осознает этот процесс и не может описать его мета-теоретически, однако подходит сам, а также подводит читателя к такой необходимости. Поэтому для него пример с солнцем и небом – это контрпример как предметов, количество которых не больше одного в множестве – а это значит для него, что невозможно о них судить как о «больших», т. к. нет элементов, с которыми допустимо сравнение. Однако, о солнце и небе возможно судить как о больших на основании формирования предметного множества, сравнивая их, например, с зерном. Для этого вовсе не необходимо формировать глобальное множество всех

множеств: неба и зерна уже достаточно для сравнения по отдельному признаку – по величине.

Критика критериев отнесения понятий к категориям

Продром также критикует применительно к «великому» и «малому» и следующий критерий отнесения понятий к категории отношения, который Аристотелем применен к понятиям двойного и половинного: «Еще говоря о “двойном” и “половинном”, говорящий не обозначил звуком (τῆ φωνῆ) что-то твердое, а услышавший не успокоился разумом. Причина же в том, что каждое из них говорится в том смысле, в котором оно соотносится с другим. Если бы “великое” и “малое” относились бы к категории отношения, то и в отношении этих [понятий] было бы подобным образом. Мы же теперь видим всё совсем наоборот. Ведь услышавший “великое” не помыслил в том числе и “малое”, и наоборот, но направив свое умозрение к величине того или к малости этого, удовлетворился (пришел в состояние покоя). А если кто-либо и это (великое и малое) причислит к предметам, относящимся к категории отношения, когда услышавший одно сразу же мыслит другое, то посмотри, что для него к категории отношения будут относиться и “разумное” и “неразумное”, и “богатое” и “бедное”. Ведь подобным же образом рассуждения последуют и о них: ведь услышавший неразумное, сразу воспримет какую-нибудь мысль о разумном. А если это будет предположено, то нелепость этого заметна и слепому. ... Следовательно, великое не является категорией отношения, в силу того, что разумное не является категорией отношения.» [Tannery 1887: 114. 19–33].

У этого аргумента две части: во-первых, Феодор Продром с помощью этого аргумента пытается указать различие в отношениях двух пар понятий (двойного и половинного с одной стороны, великого и малого — с другой), показав, что в некотором смысле эти пары отличаются; во-вторых, использует аргумент в форме косвенного доказательства: предлагает предположить, что понятия великого и малого относятся все-таки к категории отношения, а потом из этого делает вывод, что тогда и другие виды аристотелевских

противолежащих понятий (τὰ ἀντικείμενα) необходимо отнести к категории отношения, что с его точки зрения нелепо. Однако, например, Порфирий, несмотря на различия понятийных пар двойного/половинного и великого/малого, тем не менее причисляет их к одной категории отношения, просто отнеся их к разным типам внутри категории.

Вторая часть продромовского аргумента, как нам кажется, и вовсе основана на смешении понятий противоположности (τὰ ἐναντία) и противолежания (τὰ ἀντικείμενα): из того, что некоторые примеры противолежащих понятий относятся к категории отношения (например, понятия великого и малого), вовсе не следует, что все другие типы противолежаний (например, понятия разумного и неразумного), по Аристотелю, должны также относиться этой категории.

У Аристотеля же предельно широкий круг понятий может под определенным углом зрения быть отнесен к категории отношения, даже если в языке нет для какого-либо понятия слова, с помощью которого было бы выражено ему соотнесенное. Для этого Аристотель даже предлагает в качестве выхода словотворчество: «иногда же необходимо, пожалуй, даже придумать имена, если нет установленного имени, в отношении которого соотнесенное могло бы быть указано подходящим образом... ведь “кормилоуправляемое” есть “кормилоуправляемое” кормилом (πηδαλιωτὸν πηδαλίῳ πηδαλιωτόν)» (Arist. *Cat.*, 7 a 5–15).

С другой стороны, согласно Аристотелю, некоторые классические примеры соотнесенных понятий (как, например, понятия господина и раба) не всегда используются в соотнесенном смысле: «даже у таких соотнесенных, которые по общему признанию, обоудны (ἀντιστρέφοντα) и для которых установлены имена, все же нет обоудности, если они указываются по отношению к привходящему (τῶν συμβεβηκότων), а не по отношению к тому, с чем они соотнесены: например, если “раб” указан не как раб господина, а как раб человека или двуногого существа» (Arist. *Cat.*, 7 a 25–30).

Аргумент от практики образования сравнительной степени

Далее Феодор Продром аргументирует с помощью отсылки к практике словоупотребления понятий и словообразования их сравнительных степеней, которые (понятия и их степени) относятся к разным категориям: «И от всех имен, принадлежащих к категории количества, качества или к какой-нибудь другой категории, образуются и говорятся производные слова (παρωνύμως), относящиеся к категории отношения: так как от “двойки” – “двойное”, а от “красивого” – “более красивое”. А от имен, относящихся к категории отношения, не образуется ничего другого в порядке словообразования (παρωνυμίζεται), что само бы относилось к категории отношения. Ведь подобно тому, как от “двойки” можно образовать “двойное”, то от “двойного” не может быть образовано “более двойное” (διπλασιώτερον). Двойное не является меньшим или большим другого двойного. Так же как и от “красивого” можно образовать “более красивое”, а от “более красивого” нельзя образовать еще одну сравнительную степень (καλλιώτερον). Но от “великого” мы производим “большее”, а от “малого” – “меньшее”, а этому бы не следовало быть, если бы эти слова выражали категорию отношения. И [поскольку] это не так, то они не относятся к категории отношения» [Tannery 1887: 115. 5–15].

С помощью такого метода проверки образованием сравнительной степени Продром предлагает определить, можно ли отнести то или иное понятие к категории отношения. Это действительно интересно в сравнении с Аристотелем в том смысле, что Аристотель также использует эти свойства для того, чтобы исследовать отличительные признаки разных категорий: «допускать/не допускать противоположности» (ὑπάρχει δὲ καὶ ἐναντιότης ἐν τοῖς), «допускать/не допускать большую или меньшую степень» (τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἥττον ἐπιδέχεται). Например, Порфирий в «Комментарии к “Категориям” Аристотеля» в главе «О количестве» показывает, что количеству не свойственно допускать большую или меньшую степень в том смысле, что нельзя быть в большей степени количеством, или в меньшей степени

количеством (Porphyry, *in Aristot. Cat.* 110. 23–24).

Согласно Аристотелю, «соотнесенное, видимо, допускает большую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном или несходном в большей или меньшей степени, так же как о равном и неравном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотнесенное: о сходном говорят как о сходном с чем-то и о неравном — как о неравном чему-то. Однако, не все соотнесенное допускает большую или меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде» (Arist. *Cat.*, 6 b 20–25).

Феодор Продром как будто не замечает, что Аристотель допускает разные варианты: что помимо понятий двойного и половинного (классического примера соотнесенных понятий) есть еще понятия, допускающие другие возможности, в том числе такие понятия, которые допускают большую и меньшую степень. Продром же ограничивает категорию соотнесенного только одним типом понятий, которые подобны паре двойное/половинное. Такое ограничение обусловлено скорее теми правилами игры, которые придумал сам Продром (или почерпнул из византийской комментаторской традиции), чем текстом Аристотеля.

Аргумент от практики использования падежей

Далее Феодор Продром предлагает еще более интересный аргумент от практики использования падежей, который можно было бы условно назвать «методом проверки падежами»: «То, что принадлежит к категории отношения, может быть выявлено... с помощью трех падежей. Или ἀλόδοσις и ἀντιστροφή должны быть в родительном падеже (как обстоит с отношением отца и сына). Или ἀλόδοσις – в родительном падеже, а ἀντιστροφή – в дательном (как в отношении науки (τῆς ἐπιστήμης) и познаваемого (τοῦ ἐπιστητοῦ)). Или и ἀλόδοσις и ἀντιστροφή – в дательном (как в отношении подобного и неподобного (τοῦ ὁμοίου καὶ ἀνομοίου)). Или и ἀλόδοσις и ἀντιστροφή – в винительном и дательном соответственно (как действие и страдание (ἐνέργεια καὶ πάθος)). И то, что не попадает ни в один из указанных случаев и объясняется

как-то иначе, таковое, мне представляется, очевидно чуждо категории отношения. А “великое” и “малое” действительно не могут быть определены ни по одному из определенных нами определений (κατ’ οὐδεμίαν ἀποδοθείη τῶν ἀποδοθεισῶν ἀποδόσεων). Следовательно, они не относятся к категории отношения, поскольку они не определяются ни одним из способов, о которых мы сказали. Было бы смешно и поистине по-варварски говорить, что “малое – великого малое”, или “великим малое” и наоборот. Если кто-нибудь изобретет вдобавок к сказанному еще и четвертое определение (ἀπόδοσις), т.е. еще четвертый способ объяснения, и направит рассуждение таким образом: а именно скажет, что “великое является великим по отношению к малому”, а “малое – к великому”, то такой человек пусть знает, что он большую часть сущностей щедро передает категории отношения. Ибо о теле говорится, что оно относится к бестелесному, неодушевленное – к душе, бессмертное – к смертному, и вообще все совсем различительные родов различия (διακριτικαὶ τῶν γενῶν διαφοραὶ) будут принадлежать к категории отношения» [Tannery 1887: 115. 25–32].

В этом пункте Феодор Продром расходится сразу же и с Аристотелем, и с Порфирием. Согласно Аристотелю, допустимо рассматривать нечто с точки зрения категории отношения, а в другом смысле — с точки зрения любой другой категории. Порфирий также допускает такую возможность. Понятия «отец» и «сын» – это тоже сущности с одной точки зрения, но с другой точки зрения – это категория отношения. Порфирий ради этого различает абсолютный (ἀπλῶς, κυρίως, καθ’ αὐτό) и относительный (πρὸς τι, κατὰ συμβεβηκός) смыслы использования понятий. Т.е. если мы рассмотрим их с точки зрения их отношения – то они будут подлежать категории отношения, а если мы определим их как человека и живое существо, — то категории сущности. И эта возможность различных рассмотрений по каким-то причинам не устраивает Продрома.

Порфирий также использует метод учета падежей при разговоре о категории отношения, однако в несколько другом контексте: для Порфирия

важно построить классификацию разных грамматических проявлений изложения мысли о соотнесенном в греческом языке. Он рассматривает различия в грамматической организации проявления соотнесенного как категории в языке.

В диалоге Порфирия «Комментарий к “Категориям” Аристотеля», о котором коротко уже говорилось в первом параграфе первой главы, построенном как беседа Вопроса и Ответа, есть несколько глав, посвященных рассмотрению понятий великого и малого. В одном из таких фрагментов Ответ говорит Вопросу, что есть разные грамматические возможности выразить отношение понятий в языке:

В. И что такое соотнесенные понятия?

О. Как в случае других категорий, невозможно дать им определения с точки зрения наиобщего рода (γενικώτατον), но это возможно — с помощью суждения выразить их суть — и это то, что делает Аристотель. Он говорит: «соотнесенные понятия — это те вещи, о которых говорится, что они, будучи сами собой, являются отнесенными к чему то другому, или как-то иначе соотносятся с чем-либо» (ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον)⁴ (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 111. 16–20).

Потом Ответ уточняет, что под отношение всегда подпадают по меньшей мере два (или более) понятий. После этих уточнений Ответ выстраивает классификацию всех возможных грамматических проявлений логического статуса соотнесения понятий:

В. Но что он прибавляет после? Что он хотел этим добавить и что он имеет в виду под «или как-то иначе соотносятся с чем-либо» (ἢ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον)?

О. Я утверждаю, что говоря, что эти вещи называются соотнесенными, что будучи сами собой они соотносятся с чем-то еще, он утверждает, что соотнесенные понятия не абсолютны, а существуют, соотносясь друг с другом, и что о некоторых вещах говорится что они соотнесены с другими вещами так, что оба слова сказываются с помощью одного и того же падежа (τινὰ μὲν ἑτέρων λέγεται κατὰ πῶσιν τὴν αὐτὴν ἄμφω), тогда как другие — с помощью разных падежей (τινὰ δὲ καθ' ἑτέραν καὶ ἑτέραν), а другие не сказываются с помощью грамматических падежей вообще (τινὰ δὲ οὐ κατὰ πῶσιν) (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 111.30–112.4).

Интересно, что в отличие от Продрома, Порфирий включает случай понятий великого и малого в классификацию соотнесенных понятий, несмотря на то (или даже вопреки тому), что они не подпадают ни под один случай

⁴ Cat. 8 a 29 — 33.

использования падежей, добавляя к классификации соотнесенных понятий еще один случай, который он обозначает с помощью цитаты из текста «Категорий»: «как-то иначе соотносятся с чем-либо». Для Продрома это «иначе» является основанием не относить понятия великого и малого к категории отношения, а для Порфирия, наоборот, это является основанием включить эти понятия в эту категорию на основании добавления соответствующего пункта классификации соотнесенных понятий:

О. Те соотнесенные понятия, которые образуются с помощью одного и того же падежа: это понятия типа «отец» и «сын»: «отец» — это «сына отец», также как и «сын» — «отца сын». Слово, от которого образуется отношение, дается в именительном падеже (κατ' ὀρθὴν εἴρηται πτωσίῳ), а слово, которое соотнесено — в родительном падеже (κατὰ γενικήν). Аналогично с понятиями господина и раба. Эти соотнесенные понятия соответствуют друг другу в порядке словообразования. А «чувство» — это всегда «чувствуемого чувство» (αἴσθησις δὲ αἰσθητοῦ αἴσθησις) — эта пара подпадает под другой грамматический случай, в котором слово, от которого образуется отношение, дается также в именительном падеже, а слово, которое соотнесено — в родительном, но в обратном случае — слово, от которого образуется отношение, дается в именительном, а слово, которое соотнесено — в творительном (κατὰ δοτικήν),⁵ а не в родительном: «чувствуемое» — это всегда «чувством чувствуемое» (αἰσθητὸν αἰσθήσει αἰσθητόν). В связи с этим, в данном случае грамматические падежи будут разными для разных сторон отношения. «Великое» используется как соотнесенное с «малым», но никто не скажет, что оно «великое малым великое» или «великое малого великое», ни то, что «малое — это великого малое» или «малое — великим малое», но если кто-то и будет мыслить их как соотнесенные (ἐπινοία ἐπινοεῖται), то не будет использовать ни один из этих грамматических способов (κατ' ἐκφορὰν δὲ οὐκέτι πτωτικήν). Таким образом, эти понятия «как-то иначе соотносятся с чем-либо» (ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον ἔχει), но грамматически это выражается не так, как в случае других соотнесенных понятий или вообще без использования падежей. Но о всех из них, поскольку они есть то, что они есть, не говорится, что они существуют сами по себе, но в соотнесении с чем-то другим (Porphyry, in Aristot. Cat. 112.8–21).

В этом отношении, отдельным интересным историко-логическим исследованием может стать исследование комментаторской традиции к вопросу о «великом» и «малом» от Симпликия и Аммония Александрийского до Федора Продрома. В частности, было бы интересно выявить момент, в который происходит сдвиг в осознании разных возможностей отнесения понятий к категориям: от аристотелевского и порфириево не строгого отнесения, до продромовского строгого (взаимоисключающего).

⁵ В dativus instrumenti в греческом тексте.

Также интересно отметить, что Порфирий включает «большее» и «меньшее» в классификацию видов соотнесенных понятий, несмотря на метод падежей. Он не противопоставляет, а отождествляет случай «великого» и «малого» со случаем «двойного» и «половинного», а Продром – наоборот: интересная эволюция в комментаторской традиции, и отдельным интересным вопросом было бы выяснение того, чем этот сдвиг мог быть мотивирован:

В. Какие же примеры приводит Аристотель?

О. «Большее» это «большее меньшего» (τὸ μείζον ἐλάττονος μείζον), а «меньшее» это «меньшее большего» (τὸ ἐλάττον μείζονος ἔλαττον), а также «двойное» - «двойное половинного» (τὸ διπλάσιον ἡμίσεως διπλάσιον), а «половинное» - «половинное двойного» (ἡμισυ διπλασίονος ἡμισυ). Он также упоминает обладание (ἕξις ἐκτοῦ ἕξις, τὸ δὲ ἐκτὸν ἕξει ἐκτόν), расположение (διάθεσις), восприятие (αἴσθησις), знание (ἐπιστήμη).⁶ Все упомянутые примеры — будучи вещами самими по себе, соотнесены с чем-то другим, но они не все удовлетворяют одним и тем же грамматическим образцам (κατὰ τὴν αὐτὴν πτῶσιν ἀντιστρέφει ἀλλήλοις). Т.е. знание — познаваемого знание (ἐπιστήμη ἐπιστητοῦ ἐπιστήμη), а чувство — чувствуемого чувство (αἴσθησις αἰσθητοῦ αἴσθησις), но то, что познаваемо, оно не «познаваемое знания» (οὐκέτι δὲ τὸ ἐπιστητὸν ἐπιστήμης ἐπιστητόν), а «познаваемое знанием» (ἐπιστήμη ἐπιστητόν), также как и «чувствуемое» не есть «чувствуемое чувства» (οὐδὲ τὸ αἰσθητὸν αἰσθήσεως αἰσθητόν), но «чувствуемое чувством» (αἰσθήσει αἰσθητόν)⁷ (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 112. 22–32).

В этом отношении порфириева трактовка аристотелевской мысли не соответствует продромовской трактовке:

В. А какие примеры он приводит тех вещей, которые «как-то иначе соотносятся с чем-либо» (τῶν δὲ ὁπωσοῦν ἄλλως πρὸς ἕτερον λεγομένων)?

О. Аристотель самолично прояснил дело, поскольку после добавления фразы «как-то иначе соотносятся с чем-либо», он продолжает примером про гору: «о горе говорится, что она велика».⁸ Потому что о горе говорится, что она велика, в отношении малой горы. Но это выражается не с помощью падежей (οὐχὶ καὶ τῇ πτώσει), т. к. не говорится, что «великая гора» — она «великая гора малой горы» (οὐ γὰρ λέγεται τὸ μέγα μικροῦ μέγα), также не говорится, что и «малая вещь» — она «малая великой вещи» (οὐδὲ τὸ μικρὸν μεγάλου μικρόν), но скорее говорится, что «великая вещь» — она «больше, чем меньшая вещь» (τὸ μείζον μικροτέρου μείζον), а «меньшая — меньше, чем большая» (τὸ μικρότερον μείζονος μικρότερον) (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 112. 33 – 113. 2).

Таким образом, порфириев третий случай соотнесенных понятий, которые «как-то иначе соотносятся с чем-либо», у Продрома превращается в случай, который «не подпадает ни под один из указанных случаев и

⁶ *Arist. Cat.* 6 a 37 – 6 b 3.

⁷ *Arist. Cat.* 6 b 33 – 36.

⁸ *Arist. Cat.* 6 b 7-8.

объясняется как-то иначе» [Tannery 1887: 115. 27–28], что, с точки зрения Феодора Продрома, должно быть «чуждым категории отношения» [Tannery 1887: 115. 29].

Аргумент от эстетики порядка категорий

Этот аргумент можно считать продолжением предыдущего аргумента (поскольку речь также идет о грамматических случаях выражения соотнесенных понятий в языке с помощью падежей или «как-то иначе»), однако есть основание выделить его все-таки в отдельный случай, поскольку в нем ярче выражена причина, по которой Продрому не хотелось бы относить понятия великого и малого к категории отношения. И эта причина – чисто эстетического порядка: «Если кто-нибудь изобретет вдобавок к сказанному еще и четвертое определение (*ἄλδοςις*), т.е. еще четвертый способ объяснения, и направит рассуждение таким образом: а именно скажет, что “великое” является “великим по отношению к малому”, а “малое – к великому”, то такой человек пусть знает, что он большую часть сущностей щедро передает категории отношения. Ибо о теле говорится, что оно относится к бестелесному, неодушевленное – к душе, бессмертное – к смертному, и вообще все совсем различительные родов различия (*διαρετικὰ τῶν γενῶν διαφοραί*) будут принадлежать к категории отношения. А к какой это привело нелепости, сказано выше» [Tannery 1887: 116. 1–8].

Однако, Продром совершенно не объясняет, почему бы и нельзя так «щедро» передать все понятия этой категории в определенном отношении. Нелепость, к которой должно привести допущение, что эти понятия принадлежат категории отношения, заключается в том, что с его точки зрения в таком случае и другие виды аристотелевских противоположащих понятий (*τὰ ἀντικείμενα*) необходимо отнести к категории отношения. Однако, как мы пояснили выше, разбирая первый аргумент, связанный с порядком категорий, такой вывод Продрома основан скорее на софизме или ошибке, чем на действительном косвенном доказательстве.

И если Аристотель вводит в конце трактата «Категории» более общее

понятие видов противоположения (τὰ ἀντικείμενα) и даже рассматривает соотнесенное как один из случаев противоположения, то Порфирий, наоборот, делает именно так, как говорит Продром («изобрел вдобавок к сказанному еще и четвертое определение»), т.к. добавляет четвертый пункт к классификации случаев выражения в языке понятий категории отношения. И действительно «щедро» утверждает, что все они в каком-то смысле могут быть отнесены к категории отношения.

У Порфирия, в большей степени, чем у Аристотеля и Продрома, важную часть рассуждений занимает исследование вопроса о свойствах категорий и основаниях отнесения того или иного понятия к категориям:

В. Исследуй каким-то образом, является ли наличие противоположности или отсутствие противоположности — признаком собственным (ἴδιον) категории отношения (τῶν πρὸς τι)? (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 113. 31 – 33).

...
О. Я утверждаю, что категории соотнесенного свойственна противоположность (ἐν τοῖς πρὸς τί ἐστὶν ἐναντιότης) (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 114. 1).

...
О. Например, добродетель и порок это противоположности (ἐναντίον ἐστίν). (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 114. 3).

...
В. Но почему он далее говорит, что добродетель и порок — это качества (ποιότητα)?

О. Он говорит это позже, когда утверждает, что обладания (ἔξεις) это качества (ποιότητας).⁹ Потому что ничего нам не препятствует одну и ту же вещь относить к разным категориям с разных точек зрения (τὸ αὐτὸ γὰρ πρᾶγμα κατ' ἄλλο καὶ ἄλλο οὐδὲν κωλύεται εἰς πλείους κατηγορίας ἀνάγεσθαι) (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 114. 7 – 9).

Необходимо отметить отдельно, что для Порфирия, как и для Аристотеля, важно, что одна и та же вещь может быть в разных отношениях отнесена к разным категориям, а вот Продром как в диалоге «Ксенедем» отдельно, так и в этом небольшом трактате о «великом» и «малом» полагает, что у такой возможности отнесения есть ошибочная предпосылка, нарушающая такое правило деления понятий, как, например, правило касательно того, что все члены деления должны взаимно исключать друг друга. Однако, что у Аристотеля, что у Порфирия подход к делению на

---

⁹ *Arist. Cat.* 11 a 37 – 38.

категории не совпадает с подходом к делению понятий.

Аргумент от требования однозначности понятий

Еще интересен следующий аргумент Продрома, который можно считать продолжением третьего его аргумента от образования сравнительных степеней. Он связан скорее с требованием однозначности употребления понятий и чем-то похож на «бритву Оккама»: «И еще, если в отношении “малого” и “великого” говорится “величина”, то следует спросить, это сказывается само по себе или привходящим образом? Если само по себе, то и то, и другое являются количеством соименно (συνωνύμως), поскольку “величина” сказывается о них обоих, а величина есть количество. Если же “величина” говорится о них привходящим образом как “человек” – в отношении сына и отца, тогда следует спросить, что значит “больше” и “меньше” и для чего они изобретены. Ибо если “меньшее” и “большее” то же самое, что “малое” и “великое”, то какова нужда в обилии имен (ἢ χρεία τῆς πολυωνυμίας)? А если “меньшее” и “большее” есть нечто другое, то очевидно, что о “большем” говорится, что оно “большее чего-то меньшего” и наоборот. Остается [думать], что “великое” есть что-то другое и не принадлежит категории отношения» [Tannery 1887: 116. 9–19].

Силлогизм таков: если «большее» и «меньшее» принадлежат категории отношения и являются сравнительной степенью от «великого» и «малого», и при этом не равны по значению «великому» и «малому», то «великое» и «малое» не есть категория отношения или должны совпадать по значению с «большим» и «меньшим», что не так.

Аргумент в пользу отнесения к одному из видов противоположения

Решив далее, что то, что «великое» и «малое» – это не категория отношения, доказано, Федор Продром поясняет, что они противопоставлены друг другу как противоположные (т. е. как один из четырех видов противоположения (τὰ ἀντικείμενα), отмеченных еще Аристотелем в «Категориях»). Последним аргументом Продрома в этом тексте является

следующий: «И еще противоположные ($\tau\acute{\alpha}$ ἐναντία) переходят одно в другое, если есть нечто, способное воспринимать эти противоположности, как, например, горячее – в холодное, порок – в добродетель. А то, что относится к категории отношения – с этим такого не происходит по необходимости. Ибо чувство не переходит в чувствуемое, а знание – в знаемое. А малое переходит в великое, если есть нечто воспринимающее [эти свойства]. Следовательно, эти [свойства] противоположны и не связаны с категорией отношения» [Tannery 1887: 118. 2–7]. У Аристотеля «великое» и «малое» тоже относятся к противоположностям как виду противоземания, а не к соотнесенному, как другому виду противоземания, хотя в другом отношении, относятся и к соотнесенному. Путаница, возможно, здесь происходит из-за того, что и то, и другое (и противоположности и соотнесенные понятия) – это виды некоторого более общего понятия отношения, которое у Аристотеля и называется противоземанием ($\tau\acute{\alpha}$ ἀντικείμενα).

Но, с другой стороны, противоположности ($\tau\acute{\alpha}$ ἐναντία) тоже возможно рассмотреть как разновидность отношения (как, например, двуместное отношение в современной логике). Но у Аристотеля не совсем так. У него отношение понимается в более узком смысле (в смысле категории отношения, а не в смысле любого произвольного двуместного отношения). Более близким к современному пониманию двуместного отношения (хоть и не эквивалентным) будет аристотелевское понятие противоземания ($\tau\acute{\alpha}$ ἀντικείμενα). Понятие «противоземание» используется Аристотелем для классификации четырех видов двуместных отношений: этот термин действительно объединяет и противоположные, и соотнесенные понятия: нечто, у чего два элемента — «белое» подразумевает «черное», а «черное» — «белое», но это противоположности, а «знание» подразумевает «познаваемое», но это отношение. Поэтому противоземания ($\tau\acute{\alpha}$ ἀντικείμενα) — это отношение в широком смысле, а не в аристотелевском смысле категории отношения. А Продром, возможно умышленно, а возможно и нет, смешивает эти типы отношений с целью получения нужных ему категоричных выводов:

в самом конце он делает вывод, что эти понятия принадлежат к противоположному виду противоположания ($\tau\grave{\alpha} \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\alpha$), а не к тому виду, к которому принадлежат понятия, сопоставленные как отношение.

Свойство «переходить друг в друга» является для Продрома показателем противоположных понятий ($\tau\grave{\alpha} \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\alpha$): противоположности переходят друг в друга. При этом, соотнесенные понятия друг в друга не переходят, а «малое» переходит в «великое» и обратно. Следовательно, эти понятия, с точки зрения Феодора Продрома, не относятся к категории отношения. А отнесение к противоположностям ($\tau\grave{\alpha} \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\alpha$) не совместимо, с его точки зрения, с отнесением к соотнесенному. Необходимо отметить, что только для Продрома это аргумент. Для Аристотеля и Порфирия — нет. В самом конце трактата Продром оговаривает свой вывод так: «следует считать, что великое и малое противоположны. А тем, кто так не считает, им следует говорить как кому угодно», что можно трактовать двояко: и как допущение плюрализма в организации самой логики, и как наоборот, выражение невозможности мыслить иначе, поскольку «нелепо» ($\acute{\alpha}\tau\omicron\pi\acute{\iota}\alpha$) [Tannery 1887: 116.8].

У Порфирия по-другому выстраивается рассуждение о том, относить ли понятия великого и малого к противоположностям и/или к категории соотнесенного:

О. «Горькое» и как противоположность «сладкое» сказываются и мыслятся сами по себе ($\kappa\alpha\theta' \epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o} \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota \kappa\alpha\iota \nu\omicron\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$). И даже если бы горькое не существовало, то сладкое могло бы мыслиться само по себе, также как и если бы сладкое не существовало, то горькое могло бы мыслиться само по себе. Но невозможно говорить о «великом» и «малом», «многом» и «немногом» как прежде всего существующих в самих себе, но по необходимости, как соотнесенных друг с другом ($\omicron\upsilon\kappa \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota \kappa\alpha\theta' \epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha} \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\nu \epsilon\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu, \acute{\alpha}\lambda\lambda\grave{\alpha} \acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\kappa\eta \sigma\upsilon\nu\epsilon\lambda\iota\nu\omicron\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota$). Потому что это невозможно говорить или мыслить что-то как великое, если не соотносить его с чем-то еще, в отношении чего говорится, что эта вещь велика. Это же справедливо и для остальных трех понятий («малое», «многое» и «немногое»). Поскольку никто не способен сказать, что он мыслит что-то определенное ($\acute{\omicron}\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\nu \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota \nu\omicron\eta\acute{\iota}\sigma\alpha\iota$), когда слышит слова «великое» или «малое», «многое» или «немногое». А если так, то о вещах, которые допускают противоположность ($\tau\grave{\alpha} \mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\alpha \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\omicron\tau\eta\tau\alpha$) <по отношению к себе>, может быть сказано, что они существуют сами по себе ($\kappa\alpha\theta' \epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}$) в основном смысле ($\pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma$), но о выше указанных четырех <понятиях> не может быть сказано, что они существуют сами по себе в основном смысле, поэтому они не относятся к противоположностям ($\tau\grave{\alpha} \delta\grave{\epsilon} \tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha \tau\grave{\alpha} \epsilon\iota\rho\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha \omicron\upsilon\kappa \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu \epsilon\iota\pi\epsilon\acute{\iota}\nu \pi\rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma \kappa\alpha\theta' \epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}, \omicron\upsilon\kappa \grave{\alpha}\nu \epsilon\pi\iota\delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\iota\tau\omicron \epsilon\nu\alpha\nu\tau\acute{\iota}\omicron\tau\eta\tau\alpha$) (Porphyry, *in Aristot. Cat.* 109.30–110.5).

Если у Продрома аргумент к отличию соотнесенных понятий и противоположных понятий — это отсутствие или наличие свойства перехода одного в другое. То у Порфирия — это возможность или невозможность мыслить понятия сами по себе. Т.е. с точки зрения Порфирия, даже то, что может переходить в свою противоположность, но при этом может мыслиться само по себе, тоже не будет принадлежать категории соотнесенного (как понятия горького и сладкого). Или то, что может переходить в свою противоположность, но при этом не может мыслиться само по себе, то будет принадлежать категории соотнесенного (как понятия великого и малого).

В этом фрагменте интересно также то, что здесь для Порфирия неопределенность количества в случае понятий великого и малого — это аргумент к невозможности мыслить понятие само по себе. Следовательно неопределенность количества — повод отнести понятие не только к категории количества, но также и к категории отношения, ведь, получается, что в этом случае без соотнесенного не ясен и сам смысл.

Еще один аргумент, почему «великое» и «малое» не противоположности, выглядит у Порфирия следующим образом:

О. Если «великое» и «малое» будут мыслиться как противоположности (τὰ ἐναντία), то поскольку если сравнить вещь с чем-то большим (τὸ μείζον), чем она, то вещь будет казаться небольшой (μικρόν), но по сравнению с чем-то еще меньшим (τὸ ἔλαττον) — снова большой (μέγα), и это окажется в одно и то же время, то вещь окажется противоположной самой себе (αὐτὸ ἐαυτῷ ἐναντιοῦσθαι). Вот поэтому «великое» и «малое» не противоположности (ἐναντία). Но если нет противоположности даже в этих, а также в пространстве, то тогда не будет никакой противоположности в количестве (Porphyry, *in Aristot. Cat.* 110. 6–13).

Важно заметить, что Порфирий этот пример приводит с совершенно другой, нежели Продром, целью: показать, что категории количества не свойственна противоположность, и что даже понятиям великого и малого как неопределенным количествам, также она не свойственна.

Продром тоже комментирует положение Аристотеля о том, что «если великое и малое противоположны, то противоположны в одном и том же и оно само себе будет противоположным» («εἰ ἐναντία τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν τὰ ἐναντία ἅμα ἐσεῖται ἐν τῷ αὐτῷ καὶ αὐτὸ δὲ αὐτῷ ἐναντίον») [Tannery 1887: 117.

4–6]. Однако, Продром поясняет, что это рассуждение — паралогизм, а суть его в том, что не добавлено уточнение «в одном и том же отношении» (πρὸς τὸ αὐτὸ) [Tannery 1887: 117. 18]. У Порфирия несколько другой контекст: важно помнить, что это все размышление о «великом» и «малом» инициируется Порфирием для того, чтобы доказать, что количеству ничего не противоположно, причем ни определенному количеству, ни неопределенному. Коротко последовательность аргументов Порфирия можно перечислить следующим образом:

1. «Великое» и «малое» не принадлежат категории количества.
2. «Великое» и «малое» — количества не в собственном смысле, но скорее соотнесенные понятия.
3. Они же не являются и противоположностями, т. к. противолежат друг другу не как противоположности, но скорее как соотнесенные понятия. Другими словами, они не противоположности (τὰ ἐναντία), а противолежащие (τὰ ἀντικείμενα).
4. «Великое» и «малое» — не только соотнесенные понятия, но также понятия, выражающие неопределенное количество.
5. «Великое» и «малое» используются в двух смыслах: в абсолютном (как неопределенное количество) и в относительном (как части отношения больше/меньше).
6. «Великое» и «малое» не мыслятся сами по себе (но только в сравнении с чем-то).
7. Противоположностями могут быть только те вещи, которые могут существовать и мыслиться сами по себе. А «великое» и «малое» не могут мыслиться сами по себе, следовательно они не противоположности.

Выводы Порфирия и Продрома, хоть и различны, но весьма примечательны: оба автора вынуждены сделать свои выводы в силу определенным образом проинтерпретированных «аристотелевых» правил игры. Придерживаясь этих правил, каждый приходит хоть и к различным, но в обоих случаях контринтуитивным выводам, или по меньшей мере —

неочевидным, но в любом случае нуждающимся в пояснениях.

Ответ у Порфирия даже утверждает, что после категории количества у Аристотеля идет категория отношения именно в связи с тем, что разговор о «великом» и «малом» как о количестве нужно продолжить разговором о них же, но как о соотношенном, — т. е. вопрос об этих понятиях настолько важен, что на его решении устроена даже сама последовательность изложения категорий у Аристотеля:

В. Какова третья категория по порядку после количества?

О. Категория отношения.

В. А почему не качество?

О. Потому что когда количества — длина, ширина, глубина привходят в бытие, вместе с ними привходят (ἐπιγίνεταί) и «большее» и «меньшее» как отношения. И по этой причине после главы о количестве уместна глава об отношении: поскольку он упоминал уже соотношенные понятия в главе о количестве. Так что это было бы легче показать, что понимается под «великим» и «малым», «многим» и «немногим», если бы он сразу же пояснил, что такое соотношенные понятия (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 111. 6–13).

Продром с Порфирием расходятся в том числе и по поводу того, к какому виду четырех видов противоположения принадлежат понятия великого и малого:

В. А другим количествам присуща противоположность (ἐναντίωσις)?

О. Если определенным количествам (ἐν μὲν τοῖς ὀρισμένοις), то нет, а неопределенным количествам (ἐν δὲ τοῖς ἀόριστοις ποσοῖς), кажется, может быть присуща противоположность.

В. Что же является неопределенным количеством?

О. Те, которые выражаются с помощью слов “многое” и “немногое”, “великое” и “малое”. То, чего много или немного, или что велико или невелико, определено является количеством.

В. Но это количества в основном смысле (κυρίως)?

О. Кажется, что нет.

В. Почему?

О. Т.к. они не означают количества, но скорее отношение (οὐδὲ γὰρ σημαίνει ποσόν, ἀλλὰ μᾶλλον πρὸς τι ἂν εἴη).

В. И что? Они противоположности (τὰ ἐναντία)?

О. Нет, несколько. Они противоположат (ἀντίκειται) друг другу, но противоположат не как противоположности, а как части отношения (οὐχ ὡς τὰ ἐναντία ἀλλ' ὡς τὰ πρὸς τι), так что даже если они принадлежат категории отношения, то они не противоположности (τὰ ἐναντία), а противоположения (τὰ ἀντικείμενα). (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 107.31–108.8).

Также по-разному Продромом и Порфирием используется аргумент от

относительного смысла понятий великого и малого:

О. «Великое» и «малое», также как и «многое» и «немногое» используются в двух смыслах – в абсолютном (λέγεται τὸ μὲν ἀπλῶς), и в относительном (τὸ δὲ τῶν πρὸς τι). (Porphyry, in *Aristot. Cat.* 108.13–17).

Это различие Продром, кажется, совсем игнорирует, что подтверждается в том числе его утверждением из диалога «Ксенедем», где он учреждает следующее правило: «причислить понятие... к категории соотнесенного означает необходимость отделить его от всех остальных категорий» [Cramer 1836: 208. 5–6], а также всей логикой рассуждений в данном трактате о великом и малом. Достаточно интересным вопросом был бы вопрос о том, откуда в текстах Продрома такая тенденция? Это совсем не похоже на аристотелевский подход, и, как мы попытались показать в данной статье, на подход Порфирия. Однако его подход более похож на некоторый прототип теории множеств: если есть взаимоисключающие множества, то не может быть элемента, принадлежащего двум таким множествам. Однако непонятно, в какой момент развития византийской комментаторской традиции категории начинают восприниматься как взаимоисключающие множества: у Аристотеля и Порфирия еще не так.

Согласно версии Порфирия, у Аристотеля понятия великого и малого рассматриваются только в относительном смысле – т.е. с точки зрения их отнесения к категории отношения, а их отнесение в абсолютном смысле к категории количества – просто не рассматривается, хоть и подразумевается. Продром же настаивает, что Аристотель относит эти понятия к категории отношения, но не к категории количества – и эта категоричность прочтения Продромом этих фрагментов Аристотеля его отличает от порфириево прочтения. Впрочем, Продром осознает, что Аристотель не излагает в «Категориях» догматическое учение, а скорее «упражняется», квалифицируя логический статус суждений Аристотеля в «Категориях» как «риторические упражнения Аристотеля» (τῆς Ἀριστοτέλους γυμνασίας ἐχόμενος) [Tannery 1887: 117.4].

Таким образом, Аристотель свойства «иметь/ не иметь

противоположности» или «допускать/не допускать противоположности», «допускать/не допускать большую или меньшую степень», а также другие подобные свойства использует для того, чтобы исследовать отличительные признаки разных категорий. Вот почему так важно разобраться, к какой категории относятся понятия «великого» и «малого», ведь само отнесение этих понятий к той или иной категории может изменить наши выводы о свойствах самой категории. Разговор об этих понятиях важен не только в теоретическом, но и в мета-теоретическом отношении: ведь они являются своеобразным индикатором различия категорий и создают действительную сложность в классификации, если применять правила деления понятий к делению на категории. Однако, что у Аристотеля, что у Порфирия, к категориям эти правила не применимы: у Аристотеля и Порфирия несколько другой контекст, и они могут рассматривать различные понятия с точки зрения разных категорий. Продром же считает эту возможность паралогизмом и зачастую, споря с Аристотелем, полемизирует скорее с аргументами Порфирия, причем выстраивает свой текст так, что он спорит, как ему кажется, с самим Аристотелем, используя аргументы Аристотеля, но на самом деле он спорит скорее с Порфирием, иначе поворачивая его же аргументы.

Глава 3. «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» в истории позднеантичных и византийских комментариев ко «Второй Аналитике»

3.1 Позднеантичная и византийская традиция комментариев ко «Второй Аналитике» Аристотеля

Параграф посвящен рассмотрению традиции комментариев ко второй книге «Второй Аналитики» Аристотеля в позднеантичный, ранневизантийский и средневизантийский периоды вплоть до комментариев Евстратия Никейского и Феодора Продрома в XII веке. Поскольку комментарий Евстратия является основой для компиляции и парафразирования, произведенными Продромом в его комментарии, а различия между ними хоть и существенны, но не так принципиальны, то сосредоточимся прежде всего на более ранней традиции комментирования, чтобы описать историю комментариев ко второй книге «Второй Аналитики», которая привела к комментариям Продрома и Евстратия.

Александр Афродисийский и Фемистий

Согласно интерпретации О.Голдина, основной целью первых десяти глав второй книги «Второй Аналитики» является попытка Аристотеля ответить на вопрос, каким образом можно объяснять явления (states of affairs) посредством силлогизмов, восходящих к определениям, которые лежат в основе доказательства как изначальные принципы, на которых оно построено. По крайней мере именно таким образом цель этой книги понимали позднеантичные комментаторы «Второй Аналитики» Аристотеля. Данная линия интерпретации восходит к Александру Афродисийскому [Goldin 2011: 55–56].

Комментарий Фемистия, написанный в формате парафраза, посвящен различным частям первой книги «Второй Аналитики». По мере комментирования аристотелевского текста, Фемистий предельно, однако саму структуру текста не только в экзегетических, но и в педагогических целях

(что впоследствии делает и Продром – есть даже гипотеза, что все логические тексты Продрома – это в большей степени его педагогические приемы, нежели научный комментарий по существу дела).

В проемии к тексту Фемистий поясняется, почему он иногда считает уместным переставлять части аристотелевского текста, поскольку его основная цель, по мнению Мартина Ашарда, не составить исчерпывающий анализ аристотелевских идей или детально разобрать текст, ведь и так существуют достаточно обширные комментарии, составленные в этих целях, но скорее пытается облегчить чтение аристотелевского текста, удлинив его в достаточной для понимания мере, ибо сам Аристотель, согласно Фемистию, «мыслил слишком кратко (*βραχυλογία*)» (1, 18) [Achard 2008], в связи с чем Фемистий надеется, что читатель благосклонно «извинит его за интерпретирование идей более длинным образом, ибо невозможно пояснить их более ясно тем же числом слов... и сделать коррективы (*metharmozesthai*) и перестановки (*metatithenai*), чтобы можно было четко разграничить каждый из основных разделов (*perigraphhein*)».¹⁰

Для общей оценки фемистиева парафрастического метода можно обратиться к работе Р.Б.Тодда [Todd 2016]. Также и сам Фемистий подробно описывает свою методологию (Or. 23, 89.20–90.5) [Penella 2000].

В случае же комментария ко «Второй Аналитике» Фемистий ориентировался на комментарий Александра Афродисийского, который сохранился только во фрагментах, собранных в [Moraux 1979]. Однако, согласно Р.Б.Тодду «парафраз Фемистия все же стоит отнести к истории жанра философской экзегетики и к истории философской педагогики», нежели к истории авторского комментария к идеям Аристотеля [Todd 2003: 1]. С другой стороны, такой комментарий все равно составляет ценность для историка логики, поскольку позволяет приблизиться к более точному и исторически более близкому к Аристотелю пониманию его текста, особенно интересующих нас в связи с текстом Феодора Продрома его частей второй главы (*Arist. An.*

---

¹⁰ Цит. по [Achard 2008]. Здесь и далее перевод мой.

Post. II.1–10). Некоторым вопросам разбора идей этой части «Второй Аналитики» посвящены исследования О.М.Голдина и М.Ашарда [Goldin 1996; Achard 2004].

Иоанн Филопон и анонимный комментатор

В 1909 году были изданы тексты комментариев ко второй книге «Второй Аналитики» Аристотеля, принадлежащие Иоанну Филопону и некоторому анонимному комментатору *Anonymi in analyticorum posteriorum librum alterum commentarium* и *Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum anonimo in librum ii* [Wallies 1909]. Комментарий ко «Второй Аналитике» Аристотеля, составленный Иоанном Филопоном, является наиболее пространственным из всех и содержит более 400 страниц текста.

Стоит отметить, что еще позднеантичные авторы обращали внимание на то, что «Вторая Аналитика» Аристотеля наиболее непонятный в силу своей лаконичности текст, особенно вторая книга – до такой степени, что часто непонятно, что же все таки имеется в виду у Аристотеля, когда он задается теми или иными вопросами: в первых десяти главах второй книги «Второй Аналитики» Аристотель «рассматривает бытие и сущность, а также различные их описания, предлагаемые науками. Но в чем именно заключается смысл главного вопроса: могут ли доказательство и определение позволить нам узнать одно и то же (*Arist. An. Post.* II 3, 90a35–90b3; II 8, 93b15–20)? В чем основная проблема? Какое решение предлагает Аристотель и каковы его философские последствия?» [Goldin 2011: 155].

О.Голдин полагает, что в позднеантичный и ранневизантийский период развития комментаторской традиции ко второй книге «Второй Аналитики» существовало как минимум два подхода к интерпретации цели и задач Аристотеля, поставленных в первых десяти главах второй книги:

1) интерпретировать ее как размышление о том, каким образом разные фрагменты реальности посредством силлогистики становятся частями науки, – линия, восходящая к Филопону;

2) интерпретировать ее как попытку Аристотеля ответить на вопрос, каким образом можно объяснять явления (states of affairs) посредством силлогизмов, восходящих к определениям, – линия, восходящая к Александру Афродисийскому [Goldin 2011: 55–56].

То же самое справедливо и для анонимного комментария: даже если автор второго комментария прямо не упоминает имя Александра, он предлагает тем не менее такое описание целей и задач первых десяти глав второй книги «Второй Аналитики», которое радикально отличается от интерпретации Александра и многих его последователей. Эта же независимость в обдумывании вопросов и текстов характерна для Филопона [Goldin 2011: 56]. Возможно таким образом проявляется неоплатонизм Филопона, для понимания которого необходимо сопоставлять его логические комментарии с его работами, посвященными разбору философских и богословских вопросов.

Такая критика может выглядеть довольно доктринально, однако возможно именно это побуждает Филопона расширять или дополнять теории Аристотеля, а также методологически критиковать его решения как в «Физике», так и в «Аналитиках». Таким образом, «тот тип критики, которую Филопон применяет к Аристотелю в отношении использования каузальных понятий в доказательствах в его комментариях ко “Второй Аналитике”, можно условно назвать методологической критикой с доктринальным подтекстом» [Leunissen 2011: 184].

Евстратий Никейский

Д.А.Черноглазов в работе [Гончарко, Черноглазов 2021] пишет о комментарии Евстратия Никейского следующим образом:

Евстратий Никейский (ок.1050–ок.1120) – выдающийся византийский богослов и философ (о его жизни и творчестве более подробно можно прочитать в [Τατάκης 1977: 207–208; Hunger 1978: 34; Lloyd 1987: 341–351; Karijev 2005: 214; Лурье, Баранов 2006: 497–516; Бармин, Лобовикова 2008: 331–333]. Ученик Иоанна Итала – ученого и философа, обвиненного в ереси в 1082 г. – Евстратий не был осужден вместе со своим наставником, но, напротив, сделал блестящую духовную карьеру при дворе Алексея I Комнина: известно, что он возглавлял

школу при столичном храме св. Феодора в Сфоракии, а затем был рукоположен митрополитом Никейским. Как «придворный богослов» Евстратий в 1112 г. участвовал в диспуте с Пьетро Гроссолано, архиепископом Миланским, а также играл ведущую роль в полемике с армянской церковью и в опровержении ереси богомилов. Однако, в конце концов, он и сам не избежал гонений: собор 1117 г. осудил ряд его христологических положений, и – несмотря на заступничество самого императора – Евстратий был низложен с Никейской кафедры. Однако, ученая деятельность Евстратия на этом не закончилась: уже после смерти Алексея I (1118 г.) он оказался в числе интеллектуалов и философов, окружавших опальную дочь императора Алексея I Анну Комнину.

До нас дошли следующие сочинения Евстратия Никейского:

1. Космологический трактат, кратко и доходчиво описывающий устройство мироздания – учебник, написанные для императрицы Марии Аланской [Гукова 1986].

2. Богословско-полемические сочинения, посвященные таким вопросам, как исхождение Святого Духа и почитание икон. Одно из этих сочинений написано в форме платоновского диалога [Demetrakopoulos 1866; Бармин 2016].

3. Комментарий ко II книге «Второй Аналитики» Аристотеля (о нем см. ниже)

4. Комментарий к I и VI книгам «Никомаховой этики» Аристотеля (CAG 20, 1–121; 256–406). Труд был написан по заказу Анны Комнины. V, IX и X книги того же трактата прокомментировал другой член того же «философского кружка», Михаил Эфесский (CAG 20, 461–620; 22.3, 1–72).

Комментарий Евстратия ко II книге «Второй Аналитики» (CAG 21.1, 1–270) – первый известный нам комментарий к какой-либо из книг «Органона» за пять столетий. По признанию автора (123. 28), он принялся за этот труд «по просьбе друзей» (*διὰ τὴν τῶν ἐταίρων ἀξίωσιν*), но, в любом случае, проблемы логики и силлогистики были крайне актуальны для Евстратия. В процессе теологической полемики он последовательно применяет методы аристотелевской логики (Tatákis 1977, 208). Рассказывая об участии Евстратия в спорах с богомилами, Анна Комнина пишет, что он «превосходил в искусстве диалектики стоиков и академиков» [Kambylis, Reinsch 2001: 14. 8. 9. 9–10]. Самому Евстратию приписывают суждение, что даже Христос применял аристотелевские силлогизмы. Наконец, одним из основных пунктов обвинения против митрополита послужило то, что он пытался с помощью аристотелевской логики обосновать основные догматы христианской веры [Kapriev 2005: 214].

Итак, Евстратий – как и его учитель Иоанн Итал (Stephanou 1949) – виртуозно владел логическим инструментарием и проявлял немалый интерес к силлогистике, и потому его намерение написать комментарий к одной из книг «Органона» выглядит вполне закономерным. Кроме того, в более широкой перспективе, этот комментарий – свидетельство возрождения интереса византийцев к античной философии, в первую очередь, к Платону и Аристотелю, которое особенно заметно начиная с середины XI в. [Hunger 1978: 11–41].

Было бы ошибочно полагать [Casouros 1992: 493], что комментарий ко «Второй аналитике» был заказан Анной Комниной, как и толкование «Никомаховой этики». В действительности, он был составлен раньше – как уже упоминалось – по настоянию неких «друзей» и, вероятно, явился результатом преподавательской деятельности автора в школе при храме св. Феодора [Trizio 2006, 35–36]. Комментарий Евстратия – один из самых обширных и тщательных среди комментариев к тому же трактату. Автор признается, что он использовал предшествующую традицию – толкования «любомудрых мужей, сделавших

разъяснение писаний Аристотеля своим первейшим делом (ἔργον), а не как мы – делом делом побочным (ἐν παρεργῶν)» (CAG 21.1, 123. 26 – 29.). По-видимому, перед нами общее место византийской литературы XII в.: хронист Иоанн Зонара, современник Евстратия, тоже признавался, что писание истории для него – не ἔργον, а πάρεργον [Dindorf 1868: 1. 1–2], а в результате написал самую обширную всемирную хронику во всей византийской литературе. Действительно, при составлении своего труда, Евстратий активно обращается и к комментарию Александра Афродисийского, и к парафразе Фемистия, и к комментарию Иоанна Филопона. При этом, иногда источник копируется дословно (Напр.: CAG 21.1, 3. 3–7 cfr. CAG 13.3, 335. 32–34 (комментарий Иоанна Филопона)), а иногда пересказывается новыми словами и существенно перерабатывается (Напр.: CAG 21.1, 11. 5–10, 23–31 cfr. CAG 5.1, 42. 15–43. 7). Помимо позднеантичных комментариев ко «Второй аналитике», Евстратий привлекает и другие источники, в первую очередь, труды философов-неоплатоников. Например, рассуждая о родах и видах, он излагает учение Прокла о «целостях», предшествующих «частям», и «изначальных монадах» (CAG 21.1, 195. 28sq. cfr. Procl. in Ti. 2. 195. 25sq. Об этом см. [Zervos 1919: 226–227). Аллюзии на неоплатоников еще заметнее в толковании на «Никомахову этику», где византийский автор ссылается на Порфирия, Плотина, Ямвлиха и Прокла [Zervos 1919: 226; Trizio 2009].

Труды Евстратия были хорошо известны в Западной Европе, а комментарии переведены на латинский язык и были довольно популярны: к ним обращались даже знаменитые схоласты (Альберт Великий и Фома Аквинский).

3.2 Стилистические особенности продромовского комментария

«Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» Феодора Продрома (Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου παράφρασις εἰς τὸ ὑστερον τῶν ὑστέρων Ἀναλυτικῶν τοῦ Ἀριστοτέλους) является одним из самых последних популярных византийских комментариев этой серии. Он оказался одним из наиболее влиятельных византийских трудов по логике, хотя даже не предназначался для учёных, которые бы уже разбирались в аристотелевской логике, но скорее для только приступающих к её изучению.

Вот что в том числе и о его стилистических особенностях пишет Д.А.Черноглазов в уже выше упомянутой работе [Гончарко, Черноглазов 2021]:

Феодор Продром (ок. 1100 – до 1158/1159), младший современник Евстратия, известен не только как философ и богослов, но и как оратор и поэт. Учителями Феодора были, вероятно, Стефан Скилица и Михаил Италик, тоже выдающийся писатель и эрудит. В начале двадцатых годов Феодор дебютирует как придворный поэт. Сначала Продром творит при дворе императрицы Ирины Дукены, вдовы Алексея I Комнина, а затем, после ее смерти в начале тридцатых годов XII в., становится поэтом при дворе императора Иоанна II. Некоторые сочинения Продрома адресованы Анне Комнине и севастократориссе Ирине. Феодор принадлежал к их ученым кружкам, как и другие известные писатели того времени – Иоанн Цец, Константин Манасси и другие. Помимо сочинения торжественных поэм, Феодор занимался преподаванием. Однако, конкретных сведений о том, какие предметы, в какой школе и в какой должности он преподавал, в источниках не содержится. Несмотря на то, что имя Феодора Продрома было хорошо известно уже современникам, в нашем распоряжении мало сведений о его биографии, оставляющей нам немало вопросов и загадок [Hörandner 1974; Kazhdan 1984].

...

В отличие от труда Евстратия Никейского, комментарий Феодора Продрома еще почти вовсе не изучен. Его критическое издание еще не опубликовано – в нашем распоряжении оказалась диссертация М. Какурса, содержащая текст, введение и пространный комментарий.

В предисловии Феодор Продром разъясняет, почему он взялся за столь нелегкий труд. Конечно, он не забыл ни о величии Аристотеля, ни о собственной ничтожности, но он все же решился написать толкование, поскольку люди более расположены к кратким сочинениям, чем к пространным [Cassouros 1992: 168. 3–13] – можно предположить, что речь идет о некоторых комментариях ко «Второй аналитике» (напр., Иоанна Филопона и Евстратия Никейского), превосходящих труд Феодора по объему. Еще же одна причина состоит в том, что автор, «не способный сказать ничего достойного философа», намерен оставить заметки для самого себя (σφίσιν αὐτοῖς μνημονεύματα) и усовершенствовать свой ум, устремляя его к гению философа [Cassouros 1992:

168. 13–18]. Комментарии напрямую именуется *ὑμνασία* [Casouros 1992: 168. 7]. Итак, вопреки традиции, требовавшей, чтобы решение взяться за словесный труд объяснялось чьим-либо внешним побуждением (или даже давлением), Продром «откровенно» признается, что он решился толковать Аристотеля сам и для самого себя.

Толкование Продрома в значительной мере опирается на предшествующую традицию комментирования «Органона». Его основной источник – комментарий Евстратия Никейского, но Феодор был знаком и с позднеантичной традицией, напр., с комментарием Иоанна Филопона ко «Второй аналитике». Кроме того, в тексте Продрома встречается целый ряд параллелей как и с другими комментариями к «Органону» Аристотеля, так и со схолиями, сопровождающими текст Аристотеля в некоторых дошедших до нас рукописях [Casouros 1992: 495 – 508].

Заимствуя материал из источников, Продром, в то же время, привносит многое и от себя. Для пояснения суждений Аристотеля Феодор приводит дополнительные примеры, которые он не мог почерпнуть ни из одного из известных нам более ранних комментариев. Показателен комментарий к гл. 12 II книги «Второй аналитики», где Феодор вводит четыре новых примера [Casouros 1992: 737]. В некоторых случаях положения Аристотеля подкрепляются новыми аргументами. В толковании на гл. 4 комментатор эксплицитно заявляет, что «причину», по которой философ сказал так, «не рассмотрел ни один из древних толкователей», и автор сам, «насколько возможно», расскажет об этом [Casouros 1992: 214. 89–92]. В гл. 11 дополнительным аргументом послужила стихотворная цитата из Эмпедокла, почерпнутая Феодором, вероятно, из аристотелевского трактата «О чувственном восприятии» [Casouros 1992: 282, 165–168, 730–732].¹¹

В комментарии к гл. 14 «вмешательство» Продрома носит несколько иной характер. Аристотель приводит в пример следующее рассуждение: рогатые животные имеют сычуг и только один ряд передних зубов; коза – рогатое животное; стало быть, коза имеет сычуг и только один ряд передних зубов (Arist. *APo.* 98a. 13–19). Феодор Продром делает отступление и обстоятельно объясняет, почему у рогатых животных отсутствуют верхние зубы и почему у них есть сычуг, т.е. второй желудок [Casouros 1992: 333. 57–334. 70]. Это разъяснение совсем не обязательно для понимания текста Аристотеля – оно введено, скорее, *à propos*, для общего развития той неизвестной нам аудитории, которой был адресован комментарий. В общих чертах, разъяснение Продрома соответствует словам Аристотеля в трактате «О частях животных» (Arist. *PA.* 674b).

В отличие от комментария Евстратия Никейского, труд Феодора Продрома не получил распространения в кругах западноевропейских гуманистов, но в палеологовской Византии и у греков в эпоху Османского владычества он служил каноническим комментарием ко «Второй аналитике» – его многократно переписывали, контаминировали с комментарием Филопона и использовали при составлении парафразы аристотелевского трактата. О рукописной традиции комментария Феодора Продрома (см. [Casouros 1994–1995]).

Стоит отдельно отметить, что тексты Первой и Второй Аналитик входили в стандартное византийское содержание курса логики, которое

---

¹¹ См. *Emp. frgm.* 84; *Arist. Sens.* 437b–438a.

охватывало все тексты «Органона». Этот комментарий Феодора Продрома предназначался для того, чтобы сделать вторую книгу «Второй Аналитик» и более понятной для учеников Константинопольских высших школ. При этом Феодор Продром так и не раскрыл источники своего труда, однако в связи с тем, что его комментарий похож на перечисленные выше в предыдущем параграфе, можно сделать вывод о том, что он написан под воздействием неоплатонической традиции.

В связи с тем, что до нас дошло очень мало неоплатонических комментариев на Вторую Аналитику в целом и не все античные комментарии сохранились, а сохранившиеся практически не изучены, выявление возможных источников текста Феодора Продрома, а также оценка их возможного влияния представляется достаточно сложной задачей, которую невозможно решить в одном параграфе. Тем не менее, даже беглый взгляд на текст продромовского комментария позволяет сделать вывод, что он опирается почти на все известные неоплатонические комментарии, но в первую очередь – на тексты Филопона и Фемистия.

С другой стороны, Феодор Продром постоянно добавляет и собственные комментарии и дополнения (что в целом свойственно и для других его логических работ, рассмотренных выше), а также новые аргументы и объяснения, относительно авторства которых можно было бы высказать две гипотезы: либо он создает их сам, либо заимствует из утраченных неоплатонических комментариев, которые принадлежали не дошедшей до нас византийской традиции изучения логики и восходили к комментариям Филопона и Фемистия. Интересно, что Феодор Продром и в этом комментарии (как показывает Д.А.Черноглазов в приведенной выше цитате, а также М.Какурос – в диссертации, посвященной этому комментарию Продрома [Cassinos 1992]) также использует оригинальный язык и термины, которых нет ни в более ранних позднеантичных комментариях, ни в предшествующих ему византийских текстах.

Стоит также отметить, что на комментарии Феодора Продрома ко

«Второй Аналитике» не заканчивается история византийских комментариев к этому тексту, но продолжается разбросанными по разным произведениям комментариями Льва Магентенского (Leo Magentenos) в XIII веке (см. подробнее об этом [Perodiakonou 2011], парафразом Иосифа (Joseph Rhacendytes) для энциклопедии и некоторыми комментариями к первой книге, составленными Иоанном Педиасимом (John Pediasimos) в XIV веке [Wartelle 1963; Benakis 1988]).

3.3 Λογικιστικό περιεχόμενο προδρομικού σχολίου

Ποσκόλκυ в отличие от предыдущих двух малых логических работ Феодора Продрома «Комментарий ко второй книге “Второй Аналитики” Аристотеля» является довольно пространним сочинением и его полный содержательный анализ является задачей довольно масштабной и выходящей за рамки одного небольшого параграфа, то попробую в этой главе представить небольшой сравнительный анализ первых двух глав этого комментария с первыми главами предшествовавших ему комментариев, чтобы иметь возможность сделать хотя бы предварительные выводы относительно того, каким образом Феодор Продром содержательно выстраивает свой комментарий.

Παρουσιάσoυμε тезисно в виде небольшой таблицы основное содержание первых двух глав второй книги «Второй Аналитики» Аристотеля в сравнении с соответствующими им комментариями Фемиствия, Филопона, анонимного комментатора и Феодора Продрома к этим главам.

	Αριστοτέλης	Φεμιστίης	Ιωάννης Φίλοπον	Ανώνυμος σχολιαστής	Φεодор Продром
Α Ρ Ο					
1 Γ Λ ·	<p>Βιδοί τoυ σoυζομένου = Βιδοί γνώσης τὰ ζητούμενα = τὰ ἐπιστάμεθα</p> <p>«что» – описание (τὸ ὅτι) «почему» – объяснение (τὸ διότι) «есть ли» – гипотеза (εἰ ἔστι) «что есть» – определение (τί ἐστιν) (Arist., <i>An. Post.</i> 89b25–34)</p>	<p>Αἰτίαι δὲ τέσσαρες· μία μὲν τὸ τί ἦν εἶναι, ἣν λέγομεν ὕλην, ἕτερα δὲ ὅθεν ἢ ἀρχὴ τῆς κινήσεως ἢ μὲν κατὰ τὸ εἶδος,</p> <p>ἢ δὲ κατὰ τὴν ὕλην</p> <p>ἢ γένεσις (τέλος τῆς γενέσεως) (CAG 5.1 52 2 – 21)</p>	<p>τὸ αἰσθητὸν καὶ τὸ ἐπιστητὸν ταῦτα ... εἰσι τῷ ὑποκειμένῳ τῷ δὲ λόγῳ ἕτερα (In <i>APo.</i> 13,3.340.3 3)</p> <p>καὶ τὸ τί ἐστὶ καὶ τὸ διὰ τί ταῦτά μὲν εἰσι τῷ ὑποκειμένῳ τῷ δὲ λόγῳ καὶ τῷ τρόπῳ τῆς χρήσεως ἕτερα (In <i>A. Po.</i> 13,3.340.28)</p>	<p>Τὰ ζητούμενά ἐστὶν ἴσα τὸν ἀριθμὸν ὅσαπερ ἐπιστάμεθα (Anonymi in <i>analyticorum posteriorum liberum alterum commentarium</i> 13.3.547.4n)</p>	<p>Παράγοντες из «Μεταφυσικῆς» τὰ δ' αἰτία λέγεται τετραχῶς, ὧν μίαν μὲν αἰτίαν φαιμέν εἶναι τὴν οὐσίαν καὶ τὸ τί ἦν εἶναι (ἀνάγεται γὰρ τὸ διὰ τί εἰς τὸν λόγον ἔσχατον, αἰτίον δὲ καὶ ἀρχὴ τὸ διὰ τί πρῶτον), ἕτεραν δὲ τὴν ὕλην καὶ τὸ ὑποκείμενον, τρίτην δὲ ὅθεν ἢ ἀρχὴ τῆς κινήσεως, τετάρτην δὲ τὴν ἀντικειμένην αἰτίαν ταύτη, τὸ οὐ ἕνεκα καὶ τὰ γὰρ (τέλος γὰρ γενέσεως καὶ κινήσεως</p>

					πάσης τοῦτ' ἐστίν) (Arist. <i>Met.</i> 983a line 26) О четырех причинах, более всего о формальной (τοῦ εἰδικοῦ) определении (τοῦ ὀριστικοῦ) и о том, как мы их используем в доказательстве (169.43)
2 Г Л ·	Есть ли для этого среднее? Что именно есть среднее? Среднее есть причина (90 5 а) Вопрос «что есть среднее?» = вопросу «почему есть?» (90 а 15) Знать, « что » именно « есть », и знать, « почему » есть – одно и то же (90 а 31)			τὸ τί ἐστίν εἰδέναι τὰυτό ἐστι τὰυτόν ἐστι τὸ τί ἐστίν εἰδέναι καὶ τὸ διὰ τί ἐστι (Anonymi in <i>analyticorum posteriorum librum alterum commentarium</i> 13.3.551.3-4)	Τὸ μέσον

У Аристотеля первая глава второй книги начинается с перечисления четырех типов искомого или видов знания (τὰ ζητούμενά, τὰ ἐπιστάμεθα):

- 1) «что» – описание вида вещи (τὸ ὅτι);
- 2) «почему» – объяснение причины вещи (τὸ διότι);
- 3) «есть ли» – гипотеза о существовании/несуществовании вещи (εἰ ἔστι);
- 4) «что есть» – определение вещи (τί ἐστίν) (Arist., *An. Post.* 89b25–34).

Во второй главе второй книги «Второй Аналитики» Аристотель вводит понятие среднего (τὸ μέσον) и задается вопросами «что же именно есть среднее?» (τί τὸ μέσον (Arist., *An. Post.* 90a1)) и по отношению к каким типам искомого или видам знания это среднее существует или нет (ἄρ' ἔστι μέσον αὐτοῦ ἢ οὐκ (Arist., *An. Post.* 89b38)). И приходит к выводу, что по отношению ко второму и четвертому типам знания («почему» и «что есть» вещь) среднее будет являться одним и тем же, а значит вопрос «что есть [среднее]?» и вопрос «почему есть?» спрашивают одно и то же (Arist., *An. Post.* 90a15), и поэтому «знать, что именно есть, и знать, почему есть, означает, как сказано, одно и то

же (Arist., *An. Post.* 90a31).

Если посмотреть на соответствующий этим двум главам комментарий Фемистия, то мы не найдем точного соответствия тому, что написано у Аристотеля: в первых двух главах своего комментария ко второй книге «Второй Аналитики» Фемистий комментирует также четырехчастное, но другое аристотелевское деление знания: знание о четырех причинах, которых тоже четыре: «что» вещи (τὸ τί ἦν εἶναι), начало движения вещи (ἀρχὴ τῆς κινήσεως) согласно виду (ἢ μὲν κατὰ τὸ εἶδος) или согласно материи (ἢ δὲ κατὰ τὴν ὕλην), а также целевая причина (τέλος τῆς γενέσεως) (CAG 5.1 52 2 – 21).

Иоанн Филопон в релевантном пассаже отождествляет воспринимаемое чувствами и познаваемое с точки зрения подлежащего, но не с точки зрения определения (смысла) вещи (τὸ αἰσθητὸν καὶ τὸ ἐπιστητὸν ταῦτα ... εἰσι τῷ ὑποκειμένῳ τῷ δὲ λόγῳ ἕτερα) (*In Apo.* 13,3.340.33). Тогда как анонимный комментатор практически дословно воспроизводит текст Аристотеля не внося своих интерпретаций, перефразируя аристотелевский текст: «искомых по чисту столько же, сколько и видов знания» (τὰ ζητούμενά ἐστὶν ἴσα τὸν ἀριθμὸν ὅσα ἐρ ἐπιστάμεθα) (*Anon. in An. Post. librum alterum comm.* 13,3.547.4n).

Продром же сопоставляет вслед за Фемистием четыре типа знания причин из аристотелевой «Метафизики», говоря, что «о четырех причинах, более всего о формальной (τοῦ εἰδικοῦ), определении (τοῦ ὀριστικοῦ) и о том, как мы их используем в доказательстве» пойдет речь в этой книге [Cassouros 1992: 169.43]. В связи с этим можно сделать предварительный вывод о том, что Продром в этом фрагменте своего комментария следует фемистиеву варианту комментирования. Однако, для того, чтобы сделать окончательные выводы о содержательной близости продромовского комментария к предшествующим ему комментариям, необходимо тщательное изучение как самого текста Продрома, так и релевантных ему фрагментов текстов других авторов, что является довольно объемной задачей, достойной отдельного самостоятельного исследования.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку дать содержательный, стилистический и жанровый анализ трем логическим работам Феодора Продрома, а также проанализировали их в контексте литературного творчества самого Феодора Продрома, в контексте византийской истории жанра платоновского диалога, а также в контексте истории логики в Византии.

Однако, стоит отметить, что данное исследование далеко от его окончания в связи с тем, что изучение логических текстов Феодора Продрома ставит перед исследователем такие вопросы, на которые невозможно ответить в рамках одной работы: например, вопросы о статусе его логических работ (являются ли они его оригинальными изобретениями и созданы ради развития идей в рамках того или иного исторического логического спора о категориях, доказательствах или предикабиях, или же они писались в иных целях – в педагогических, риторических или с целью литературного упражнения), а также вопросы об оригинальности или преемственности его идей. Эти вопросы не могут быть решены на данном этапе развития византийских исследований в связи с тем, что история логики в Византии является до сих пор достаточно малоизученной сферой научного знания: многие тексты по логике до сих пор не изданы, а те, которые изданы, не переведены на современные языки или нуждаются в новом, учитывающем развитие современной логической терминологии, переводе. В связи с этим, любые выводы и обобщения, которые можно сделать на данном этапе развития науки, следует считать лишь предварительными, а не окончательными.

Однако, в ходе проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Подготовлено и опубликовано критическое издание диалога «Ксенедем, или Гласы», для которого я готовила комментарий и перевод текста на английский язык [Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017].
2. Подготовлен Д.А. Черноглазовым первый перевод диалога «Ксенедем»

на русский язык, к изданию которого я готовила вступительную статью и комментарии, связанные с историей логики в Византии [Черноглазов, Гончарко 2020].

3. Подготовлен Д.А. Черноглазовым первый перевод трактата «О великом и малом» на русский язык, к изданию которого я также готовила вступительную статью и комментарии, связанные с историей логики в Византии [Черноглазов, Гончарко 2021].
4. Сделан стилистический и жанровый анализ логических текстов Продрома.
5. Проведено историко-логическое исследование логических трудов Продрома.

В свете данных результатов хотелось бы перечислить следующие тезисы, выносимые на защиту:

1. С точки зрения оригинальности изложенных Феодором Продромом идей, необходимо прежде всего выделить диалог «Ксенедем» и трактат «О великом и малом», в которых он полемизирует на самом деле с Порфирием, несмотря на то, что свою критику он адресует Аристотелю. На целом ряде примеров я постаралась показать, почему Феодор Продром не удовлетворен некоторыми решениями Порфирия относительно деления понятий, классификации категорий, отнесения тех или иных понятий к той или иной категории, а также всеми определениями всех пяти гласов (предикабилей), данными во «Введении» Порфирия.
2. Феодор Продром в логических работах преимущественно использует такие риторические и логические приемы как ирония, сведение к абсурду или противоречию, критика определений, поиск определений через индукцию, постановку каверзных риторических вопросов, не требующих ответа. Излюбленной им стратегией ведения спора является метод апорий, парадоксов и сведения к абсурду.
3. Среди оригинальных логических приемов Феодора Продрома, с помощью которых он приходит к своим собственным логическим идеям и выводам (по

крайней мере мне не удалось найти более ранние их прототипы) можно выделить прежде всего игру на автореференции отдельных понятий при попытке дать определение определению (что само по себе является автореферентной задачей). Мною показано, что некоторые пассажи о роде и виде и признаке собственном в диалоге «Ксенедем» являются даже своеобразным предвосхищением формулировки знаменитого расселовского парадокса в терминах свойств.

4. Феодор Продром, выстраивая косвенные доказательства или используя метод сведения к абсурду/противоречию, зачастую вплетает подобные логические стратегии в литературную форму диалога, пользуясь иронией как стилистическим приемом.

5. Мною 1) была сформулирована и выдвинута гипотеза о том, что логические тексты Феодора Продрома могут быть интерпретированы не только как работы по логике в рамках той или иной логической традиции, но прежде всего как полемические, педагогические и даже художественные опыты, в рамках которых тем не менее зачастую формулируются и оригинальные логические идеи; 2) была построена классификация жанров логической литературы в Византии (в том числе предложен термин псевдиалог в качестве дополнительной жанровой характеристики некоторых византийских текстов по логике, в том числе и продромовского трактата «О великом и малом»); 3) было произведено деление уровней «логики Продрома» на основе диалога «Ксенедем» и трактата «О великом и малом», которое предполагает две отдельные перспективы рассмотрения его работ: уровень дидактический и уровень аналитический; 4) был определен логический статус приемов, которые используются Продромом в диалоге «Ксенедем», – это прежде всего софизмы, основанные на учетверении терминов или на удвоении смысла понятий (при разборе таких гласов как видовое отличие, признак собственный и признак привходящий), и парадоксы (при разборе рода, вида и видового отличия).

6. Сформулирована гипотеза, что к XII в. происходит сдвиг в осознании

разных возможностей отнесения понятий к категориям: от аристотелевского и порфириево нестрогого отнесения – до продромовского строгого (взаимоисключающего), что уже в большей степени напоминает современную трактовку правил логического деления понятий в формальной логике и расходится с решениями Аристотеля, Порфирия и позднеантичных комментаторов.

7. Феодор Продром делает аристотелевскую логику предметом платоновского рассмотрения, отвечая Аристотелю с позиций философии Платона: «разыгрывая» свой комментарий к «Введению» Порфирия и «Категориям» Аристотеля в жанре платоновского диалога, он приходит к выводу о том, что все определения всех пяти предикабилей оставляют желать лучшего в связи с апориями, которые они порождают. Другими словами, даже самые исходные понятия логики имеют противоречивую природу, что делает невозможным отличить логику от диалектики и утверждать, что логическое знание в его отличии от диалектического прежде всего непротиворечиво и последовательно. Логическое содержание, упакованное в платоновскую форму изложения дает интересное ощущение «литературности» предмета и диалектичности логики как интеллектуального проекта: стилистические подражания Платону зачастую оборачиваются логическим пафосом основной идеи: логика не является универсальным знанием, ее природа принципиально диалогична, возможны ее вариации в некоторых частных вопросах, как и плюрализм логик в целом. Такой пафос характерен не только для логического диалога Продрома, но и для диалога Порфирия. В диалоге «Ксенедем» так называемый игровой «педагогический диалог», преодолевая философский монологизм, превращается благодаря иронии в «существенный диалог».

8. Продром на основе контрпримеров, которые он разбирает в «Ксенедеме» и в трактате «О великом и малом» подводит читателя к необходимости отличия двух уровней анализа: уровня языка-объекта и уровня метаязыка (смешивает род как вторую сущность и род как предикат категорий; на основании того, что видовые отличия есть частный случай отличия вообще, пытается

предложить идею совпадения двух гласов: рода и видового отличия; тогда как Порфирий описывает существо процедуры определения, то Продром применяет процедуру определения к определению самой себя). В связи с этим можно утверждать, что Феодор Продром на доступном ему уровне развития логического понятийного аппарата подводит читателя к необходимости различения между разными уровнями языка: языком-объектом и метаязыком, хоть и не формулирует это явным образом.

9. Несмотря на то, что Продром в качестве основы для своего комментария ко «Второй Аналитике» берет текст Евстратия, он тем не менее использует оригинальный язык и термины, которых нет ни в более ранних позднеантичных комментариях, ни в предшествующих ему византийских текстах, при этом добавляет и собственные комментарии и дополнения, а также новые аргументы и объяснения, относительно авторства которых можно было бы высказать две гипотезы: либо он создает их сам, либо заимствует из утраченных неоплатонических комментариев, которые принадлежали не дошедшей до нас византийской традиции комментирования второй книги «Второй Аналитики».

В ходе проведения магистерского исследования в 2013 – 2021 гг.¹² были заявлены и поддержаны следующие научные проекты, прямо или косвенно связанные с тематикой настоящей диссертации, в рамках которых были разработаны основные результаты, представленные в тексте диссертации:

1. РГНФ, проект № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».
2. РФФИ, проект № 18-011-00207 «Логическое образование в Византии: Феодор Продром и логические опыты XII века».
3. РНФ, проект № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

---

¹² Исследование продолжалось в течение 9 лет, в том числе не только в периоды непосредственного обучения в магистратуре в 2012 – 2013 гг. (I курс) и в 2020 – 2021 гг. (II курс), но и в периоды трех академических отпусков 2013 – 2016 гг., 2016 – 2019 гг., 2019 – 2020 гг., которые были мне предоставлены Санкт-Петербургским государственным университетом в связи с соответствующими заявлениями в 2013, 2016 и 2019 гг.

Почти все результаты представленного в диссертации исследования на данный момент либо опубликованы в виде научных статей, тезисов выступлений или материалов докладов на научных конференциях, либо к настоящему времени приняты в печать в научные журналы (см. Приложение 1).

Библиография

ИСТОЧНИКИ

Busse 1887 – Porphyrii isagoge et in Aristotelis categorias commentarium / Busse A. (ed.) // Commentaria in Aristotelem Graeca 4.1. Berlin: Reimer. 1887. Pp. 1–22.

Cacouros 1992 – Le Commentaire de Théodore Prodrome au second livre des analytiques postérieurs d'Aristote : le texte (editio princeps et tradition manuscrite) suivi de l'étude logique du commentaire de Prodrome / Cacouros M. Thèse de doctorat. Paris. 1992.

Cramer 1836 – Theodorus Prodromus. Xenodemos, sive Voces // Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium. Cramer. J. A. (ed). Vol. 3. Oxonii. 1836. Pp. 204–215.

Dindorf 1868 – Ioannis Zonarae epitome historiarum / Dindorf. L. (ed.). Vol. 1. Leipzig: Teubner. 1868.

Duffy, O'Meara 1989 – Philosophica minora I. Opuscula psychologica, Theologica, Daemonologica / Duffy J.M., O'Meara D. J. (eds.). Leipzig. 1989.

Gautier 1972 – Michel Italikos. Lettres et Discours / Gautier P. (ed). // Archives de l'Orient Chrétien 14. Paris: Institut Français d'Études Byzantines. 1972.

Hayduck 1907 – Eustratii in Analyticorum Posteriorum Librum Secundum Commentarium / Hayduck M. (ed.). 1907.

Hörandner 1974 – Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. / Hörandner W. Wien. 1974.

Joannou 1956 – Ioannes Italus. Quaestiones quodlibetales (Ἀπορίαι καὶ λύσεις) / Joannou P. (ed.). Ettal: Buch-Kunstverlag. 1956.

Kambylis, Reinsch 2001 – Annae Comnenae Alexias [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis XL/1] / Kambylis A., Reinsch D. R. Berlin, New York: De Gruyter. 2001.

Migne 1864 – Patrologiae cursus completus. Series graeca / Migne J.-P. (ed.). T. 133. Paris. 1864.

Minio-Paluello 1949 – Aristotelis categoriae et liber de interpretatione / Minio-Paluello L. (ed.). Oxford: Clarendon Press. 1949 (repr. 1966). Pp. 3–45 (1a1–15b32).

Moraux 1979 – Moraux P. Le commentaire d'Alexandre d'Aphrodise aux Seconds

Analytiques d'Aristote / Moraux P. Berlin. Walter de Gruyter. 1979.

Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017 – The Dialogue Xenedemos, or Voices, by Theodore Prodromos. A Critical Edition, with English Translation // Spyridonova L., Kurbanov A., Goncharko O. (eds.). *Scrinium* 13. 2017. Pp. 227–275.

Tafel 1832 – Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula / Tafel T.L.F. (ed.). Frankfurt, 1832. Ss. 141–145.

Tannery 1887 – Théodore Prodrome. Sur le grand et le petit (À Italicos) / Tannery P. (ed.) // *Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France*. 21 (1887). Pp. 104–119.

Wallies 1900 – Themistii Analyticorum Posteriorum paraphrases / Wallies M. (ed.). B., 1900.

Wallies 1909; McKirahan 2008; Goldin 2008 – Ioannis Philoponi in Aristotelis Analytica Posteriora commentaria cum Anonymo in librum II / Wallies M. (ed.). 1909; English transl.: McKirahan R.. *Posterior Analytics* 1, 1–8. 2008; Goldin O. *Posterior Analytics* 2. 2008.

Wallies 1909 – Anonymi in analyticorum posteriorum librum alterum commentarium // Wallies M. (ed.). *Commentaria in Aristotelem Graeca* 13.3. Berlin: Reimer. 1909.

Wallies 1909 – Ioannis Philoponi in Aristotelis analytica posteriora commentaria cum anonymo in librum ii // Wallies M. (ed.). *Commentaria in Aristotelem Graeca* 13.3. Berlin: Reimer. 1909.

литература

Бармин 2016 – Бармин А. В. Евстратий Никейский. Опровержительные слова. М. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 2016.

Бармин, Лобовикова 2008 – Бармин А. В., Лобовикова К. И. Евстратий // *Православная энциклопедия*. Т. 17. 2008. С. 331–333.

Гончарко, Слинин, Черноглазов 2016 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Логические идеи Феодора Продрома: «Ксенедем, или гласы» // *Логические исследования*. Т. 22. № 2. 2016 г. С. 91–122.

Гончарко 2013 – Гончарко О.Ю. Диалог и псевдиалог как форма изложения аристотелевской логики в Византии // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Том № 14. Вып. № 3. 2013. С. 224–230.

Гончарко, Слинин, Черноглазов 2018 – Гончарко, О.Ю., Слинин, Я.А.,

Черноглазов Д.А. Логические идеи Феодора Продрома: «О великом и малом» // Логические исследования 24.2. 2018. С. 11–35.

Гончарко, Черноглазов 2021 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Евстратий Никейский и Феодор Продром: два комментария ко «Второй Аналитике» Аристотеля XII в. // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Том 22. № 3. 2021. (Принята в печать).

Гукова 1986 – Гукова С. Н. Космографический трактат Евстратия Никейского // Византийский временник. Т. 47. 1986. С. 145–156.

Зельченко 2002 – Феодор Продром. Зевс, похожий на «Сыролиза, старца многомудрого» / в пер. В. В.Зельченко // Абарис. №3. 2002. С.43–49.

Каждан 200 – Каждан, А. П. Смеялись ли византийцы? (HomoByzantinusludens) // Другие средние века. К 75-летию А. Я. Гуревича. М.; СПб. С. 185–197.

Кессиди 1988 – Кессиди Ф. Х. Сократ. М. Мысль. 1988.

Курбанов, Спиридонова 2020 – Курбанов А.В., Спиридонова Л.В. Неоплатоническая традиция в комментарии Феодора Продрома ко Второй Аналитике // XXVIII Международная конференция «Универсум Платоновской мысли: Платон и риторика». 25–26 июня 2020. Санкт-Петербург. Россия.

Курбанов, Спиридонова 2018 – Курбанов А.В., Спиридонова Л.В. «Платонолюб, или Кожевник» Феодора Продрома // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Том 19. № 3. С. 31–44.

Лисанюк 2014 – Лисанюк Е.Н. Софистика – это не аргументация // Scholē. Том 8. № 2. 2014 г. С.136–151.

Лисанюк 2016 – Лисанюк Е.Н. Практическая аргументация и античная медицина // Scholē. Том 10. № 1. 2016. С.227–260.

Лисанюк 2004 – Лисанюк Е.Н. Утешение логикой? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. Вып.3. С.35–42.

Лосев 1990–1994 – Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона // Собрание сочинений в 4 т. М. Мысль. 1990–1994.

Лурье, Баранов 2006 – Лурье В. М., Баранов В. А. История византийской философии: Формативный период. СПб. 2006.

Любарский 2008 – Любарский Я. Н. Шутки Пселла // Византия в контексте мировой культуры. Научное издание. Труды Государственного Эрмитажа XLII.

Издательство Государственного Эрмитажа. 2008. С. 562–566.

Маковецкий 2010 – Маковецкий Е.А. Два диалога: Платон и св. Григорий Нисский. // Журнал Санкт-Петербургского философского общества «Мысль». Т.9. № 1. 2010. С.109–123.

Пападимитриу 1905 – Пападимитриу С. Д. Феодор Продром. Историко-литературное исследование. Одесса. 1905.

Романенко 2002 – Романенко И.Б. Платоновская образовательная парадигма и Академия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 2. Гуманитарные и общественные науки. СПб. 2002. С.45–58.

Романенко 2003 – Романенко Ю.М. Онтологический подход к воображению или воображаемый подход к онтологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2003. Вып.4. С. 19–24.

Романенко, Романенко 2014 – Романенко И.Б., Романенко Ю.М. Аристотелевская философия образования // Аксиология массовой культуры. РГПУ им. А.И. Герцена. Российская академия образования. 2014. С.253–263.

Романенко 2002а – Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. СПб. Изд-во РХГИ. 2002. 304 с.

Романенко 2003а – Романенко Ю.М. Бытие и естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб. Алетейя. 2003. 784 с.

Стяжкин, Наский 1978 – Стяжкин Н.И., Нарский И.С. Примечания к “Органону” Аристотеля // Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль. 1978.

Тоноян 2015 – Тоноян Л.Г. Дискуссии о логическом учении Боэция в современной зарубежной литературе // Логические исследования. Т. 21. № 2. 2015. С. 170–186.

Тоноян 2016 – Тоноян Л.Г. . Филопон и Боэций о гипотетических силлогизмах: греческая и латинская традиции комментирования. // Вестник РХГА. Том 17. № 3. 2016.

Тоноян 2014 – Тоноян Л.Г. Никифор Влеммид и его «Логика» // Вестник РХГА. Т.15. № 4. 2014 г. С.58–66.

Тоноян 2013 – Тоноян Л.Г. Логика и теология Боэция. СПб. Изд-во РХГА. 2013. 384 с.

Тоноян, Николаева 2016 – Тоноян Л.Г., Николаева Ж.В. Анализ учения Боэция о гипотетических силлогизмах в работах современных итальянских исследователей // *Schole*. Том 10. № 1. 2016. С.335–347.

Тоноян 2008 – Тоноян Л.Г. Теория определения: античность и современность // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Вып.1. 2008 г. С. 137–144.

Тоноян 2013а – Тоноян Л.Г. Византийское восприятие трактата Боэция «О гипотетических силлогизмах» // *Журнал «Вестник ЛГУ»*. №4. Том 2. 2013. С.50–60.

Тоноян 2013b – Тоноян Л.Г. Трактовка отношения логического следования в школах поздней античности // *Вестн. С.-Петерб. ун-та*. Сер. 6. Вып. 3. 2013. С. 22–30.

Тоноян 2011 – Тоноян Л.Г. История логического квадрата: связь онтологических оснований и логического следования // *Вестник ЛГУ им.А.С.Пушкина*. Том 2. №4. 2011. С.157–168.

Черноглазов, Гончарко 2020 – Черноглазов Д.А., Гончарко О.Ю. Диалог Феодора Продрома “Ксенедем, или Гласы”: русский перевод с логико-философским введением // *Платоновские исследования* 12:1. 2020. Р. 259–280.

Черноглазов, Гончарко 2018 – Черноглазов, Д. А. Гончарко, О. Ю. «О великом и малом» Феодора Продрома: из истории византийской логической мысли XII века // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Том. 19. № 2. 2018. С.204–213.

Черноглазов, Гончарко 2015 – Черноглазов Д.А. Гончарко О.Ю. «Ксенедем» Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Том 16. № 4. 2015 г. С.30–38.

Черноглазов, Гончарко 2016 – Гончарко О. Ю., Черноглазов Д. А.. Платоновский диалог «Ксенедем» Феодора Продрома: псевдоантичные герои и их византийские прототипы // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10. Вып. 2. 2016. С. 571–582.

Черноглазов 2008 – Черноглазов Д.А. Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала XII века // *Византийский временник* 67. 2008. С. 152–164.

Achard 2004 – Achard M. *Épistémologie et pratique de la science chez Aristote. Les Seconds Analytiques et la définition de l'âme dans le De Anima*. Paris. Klincksieck. 2004.

Achard 2008 – Achard M. Themistius' Paraphrase of Posterior Analytics 71a17-b8: An Example of Rearrangement of an Aristotelian Text // *Laval théologique et philosophique* 64(1). 2008. Pp. 19–34.

Benakis 1988 – Benakis L. Commentaries and commentators on the logical works of Aristotle in Byzantium // *Gedankenzeichen. Festschrift für Klaus Oehler* / eds. R. Claussen & R. Daube-Schackat. Tübingen. 1988.

Browning 1977 – Browning R. Unpublished Correspondence between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos // *Studies on Byzantine History, Literature and Education* 59. 1977. P. 287–288.

Cacouros 1998 – Cacouros M. Les préfaces des commentaires grecs antiques et byzantins aux Seconds Analytiques, livre II // J.D. Dubois, B. Roussel [dir.]. *Entrer en matière. Les prologues*. Paris. Les éditions du Cerf. 1998.

Cacouros 1996 – Cacouros M. Théodore Prodrome, Robert Grosseteste, Jacques de Venise et l'histoire d'une erreur interprétative dans l'exégèse des Seconds Analytiques II, 1-2 // *Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge grec et latin*. Vol. 66. 1996. P.135–155.

Cacouros 1992 – Cacouros M. Le Commentaire de Théodore Prodrome au second livre des analytiques postérieurs d'Aristote: le texte (editio princeps et tradition manuscrite) suivi de l'étude logique du commentaire de Prodrome / Thèse de doctorat. Paris. 1992.

Cacouros 1994–1995 – Cacouros M. La tradition du commentaire de Théodore Prodrome au deuxième livre des Seconds Analytiques d'Aristote / *Δίπτυχα*. T. 6. 1994–1995.

Cacouros 1996a – Cacouros M. Un manuel de logique organisé par Jean Chortasmenos et destiné à l'enseignement (catalogue du manuscrit) // *Revue des études byzantines*. T. 54. 1996.

Cacouros 1997 – Cacouros M. Jean Chortasménos katholikos didaskalos. Contribution à l'histoire de l'enseignement à Byzance // *Synodia. Studia humanitatis Antonio Garzya septuagenario ab amicis atque discipulis dicata* [= *Collectanea*, 15] / eds. U. Criscuolo, R. Maisano. Napoli: M. D'Auria Editore. 1997. P. 83–107.

Cacouros 1998a – Cacouros M. Jean Chortasménos katholikos didaskalos, annotateur du *Corpus logicum* dû à Néophytos Prodroménos // *Studi in onore di Mgr P. Canart per il LXX compleanno, II, Bollettino della Badia greca di Grottaferrata* n. s. 52. 1998. P. 185–225.

Cacouros 2000a – Cacouros M. Scholarios et le Paris. gr. 1932: Jean Chortasménos, l'enseignement de la logique, le thomisme à Byzance. Contribution à l'histoire de l'enseignement à Byzance // *Actes du Congrès International sur l'écriture grecque aux*

XVe-XVIe siècles «Η ελληνική γραφή κατά τους 15ο και 16ο αιώνες», Athènes, 18–20 octobre 1996 / éd. S. Patoura. Athènes: National Hellenic Research Foundation, Institute for Byzantine Research. 2000. P. 397–442.

Cacouros 2000b – Cacouros M. Un manuel byzantin d’enseignement destiné à être copié “à la pecia” // Gazette du livre médiéval. No. 36. 2000. P. 17–24.

Cacouros 2003 – Cacouros M. Le lexique des définitions relevant de la philosophie, du Trivium et du Quadrivium compilé par Néophytos Prodromenos, son activité lexicographique et les corpus de textes philosophiques et scientifiques organisés par lui au monastère de Pétra à Constantinople // L’erudizione scolastico-grammaticale a Bisanzio. Atti della VII Giornata di Studi Bizantini, Salerno, 11–12 aprile 2002 / ed. P. Volpe Cacciatore. Napoli: M. D’Auria Editore. 2003.

Cacouros 2006 – Cacouros M. La philosophie et les sciences du Trivium et du Quadrivium à Byzance de 1204 à 1453 entre tradition et innovation: les textes et l’enseignement, le cas de l’école du Prodrome (Pétra) // Philosophie et sciences à Byzance de 1204 à 1453. Les textes, les doctrines et leur transmission. Actes de la Table Ronde organisée au XXe Congrès International d’Études Byzantines, Paris, 2001 / éd. M. Cacouros, M.-H. Congourdeau [= Orientalia Lovaniensia Analecta, 146]. Leuven–Paris–Dudley: Éditions Peeters. 2006. P. 1–51.

Demetrakopoulos 1866 – Demetrakopoulos A. Ἐκκλησιαστικὴ Βιβλιοθήκη. Vol. 1. Leipzig. 1866. P. 47–198.

Ebbesen 1996 – Ebbesen S. Greek and Latin Medieval Logic // Cahiers de l’Institut du Moyen-Age Grec et Latin. 1996. Vol. 66. P. 67–95.

Erismann 2017 – Erismann Ch. Logic in Byzantium // The Cambridge Intellectual history of Byzantium. Cambridge. 2017. Pp.362–380.

Goldin 1996 – Goldin O.M. Explaining an Eclipse: Aristotle’s Posterior Analytics 2 1–10. Ann Arbor. University of Michigan Press. 1996.

Goldin 2011 – Goldin O.M. Two Traditions In The Ancient Posterior Analytics Commentaries // Interpreting Aristotle’s Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond in Philosophia Antiqua. Vol. 124. 2011. Pp.155–182.

Goncharko, Romanenko 2016 – Goncharko, O.Y., Romanenko, Y.M. A Brief History of Self-Reference Notion Implementation in Byzantium: Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate the Russell’s Paradox? // Scrinium 12.1. 2016. P. 244–260.

Hoffmann 1966 – Hoffmann M. Der Dialog bei den christlichen Schriftstellern der ersten vier Jahrhunderte. Berlin. 1966.

- Hunger 1978 – Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 1978.
- Ierodiakonou 2002 – Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. (ed.) K. Ierodiakonou. Oxford. New York. 2002.
- Ierodiakonou 2002a – Ierodiakonou K. Psellos' Paraphrasis on Aristotle's De interpretation // Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. (ed.) K. Ierodiakonou. Oxford. New York. 2002.
- Ierodiakonou 2011 – Ierodiakonou K. Eustratius' Comments On Posterior Analytics II 19 // Interpreting Aristotle's Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond // *Philosophia Antiqua*. Vol. 124. 2011. Pp. 55–71.
- Ierodiakonou 2013 – Ierodiakonou K. A Logical Joust in Nikephoros Blemmydes' Autobiography // *Logic and Language in the Middle Ages* / ed. by J. Fink, H. Hansen and A. Mora-Marquez. Leiden: Brill. 2013.
- Kaldellis 2007 – Kaldellis A. Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge. 2007.
- Kapriev 2005 – Kapriev G. T. Philosophie in Byzanz. Würzburg, Königshausen und Neumann. 2005.
- Každan 1984 – Každan, A. P. Studies on Byzantine literature of the eleventh and twelfth centuries. Cambridge. Cambridge Univ. Press. 1984.
- Leunissen 2011 – Leunissen O. M. Aristotle and Philoponus on Final Causes in Demonstrations in Posterior Analytics II 11 // Interpreting Aristotle's Posterior Analytics in Late Antiquity and Beyond // *Philosophia Antiqua*. Vol. 124. 2011. Pp. 183–201.
- Lloyd 1987 – Lloyd A. C. The Aristotelianism of Eustratius of Nicaea // *Aristoteles: Werk und Wirkung* / Hrsg. J. Wiesner. Bd. 2. S. 341–351.
- Lloyd 1981 – Lloyd A.C. Form and Universal in Aristotle // *Classical and Medieval. Texts, Papers and Monographs*. Liverpool: Francis, Cairns. 1981.
- Minio-Paluello 1966 – Minio-Paluello L. *Aristotelis categoriae et liber de interpretation*. Oxford. Clarendon Press. 1966.
- Pauilly 1894 – Pauilly A.F. *Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft*. / August Friedrich Pauilly. Stuttgart: J.B.Metzlerscher verlag, 1894.
- Penella 2000 – Penella R.J. *The Private Orations of Themistius*. Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press. 2000.

Stephanou 1949 – Stephanou P. É. Jean Italos, philosophe et humaniste // *Orientalia christiana analecta*. № 134. Roma. 1949.

Strange 1987 – Strange S.K. Plotinus, Porphyry, and the neoplatonic interpretation of the Categories // in W.Haase and H.Temporini (eds). *Aufstieg und Niedergang der Roemischen Welt* 2.36.2. Berlin, New-York. 1987. Pp.955–974.

Todd 2003 – Todd R. B. Themistius: On Aristotle, Physics 4. Duckworth, London. 2003.

Todd 2016 – Todd R.B. Themistius. Thémistios: paraphrases exégétiques // R. Goulet (ed.). *Dictionnaire des philosophes antiques* V. Paris. Éditions du CNRS. 2016.

Trizio 2006 – Trizio M. Eustratius of Nicaea on Absolute and Conditional Necessity. A Survey of the Commentary on Book VI of the Nicomachean Ethics // *Archiv für mittelalterliche Philosophie und Kultur*. T. 12. P. 35–63.

Trizio 2009 – Trizio M., 2009. Neoplatonic Source-Material In Eustratios Of Nicaea's Commentary On Book VI Of The Nicomachean Ethics // *Medieval Greek Commentaries on the Nicomachean Ethics*. Edd. Ch. Barber. D. Jenkins. Brill. P. 71–109.

Voss 1970 – Voss B. R. Der Dialog in der frühchristlichen Literatur // *Studia et testimonia antiqua* IX. München. Wilhelm Fink Verlag. 1970.

Wartelle 1963 – Wartelle A. Inventaire des manuscrits grecs d'Aristote et de ses commentateurs. Paris. 1963.

Zervos 1919 – Zervos Ch.. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle: Michel Psellos. Sa vie. Son œuvre. Ses luttes philosophiques. Son influence. Paris. Leroux. 1919.

Τατάκης 1977 – Τατάκης Β.Ν. Η Βυζαντινή φιλοσοφία. Αθήνα. Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού και Γενικής Παιδείας. 1977.

Χαραλαμπόπουλος 2005 – Χαραλαμπόπουλος Ν. Γ. Ένας 'πλατωνικός' διάλογος του 12ου αιώνας: Θεοδώρου Προδρόμου Ξενέδημος ἢ Φωναί // *Ἀριάδνη*. 2005. Τ. 11. Σ. 189–214.

Приложение 1. Список опубликованных работ

Книги:

Логика и онтология в византийской догматической полемике. Очерки: коллективная монография / Серия «Византийская философия». т.19. Под ред. Д.С.Бирюкова. Авторы: Д.С.Бирюков, В.М.Лурье, А.Каменских, Т.А.Щукин, Д.И.Макаров, О.Ю.Гончарко, Д.Н.Гончарко, О.Н.Ноговицын. СПб. Издательство РХГА. 2020.

Статьи:

Гончарко 2013 – Гончарко О.Ю. Диалог и псевдиалог как форма изложения аристотелевской логики в Византии // Вестник РХГА. Т.14. №3. 2013 г. С.224–230.

Гончарко 2015 – Гончарко О.Ю. Логическое образование в Византии на рубеже темных веков и монашеского возрождения // Сборник научных трудов «Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии». Санкт-Петербург. 2015. С. 297–307.

Гончарко 2015а – Гончарко О.Ю. Логика в византийской системе образования VIII-IX вв. // Тинэйджеры в пространстве гуманитарных технологий: Сборник научных трудов. СПб. Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена. 2015. С. 164– 67.

Гончарко 2016 – Гончарко О.Ю. Интересный «византийский» способ излагать логические головоломки // Логико-философские штудии. Т. 13. № 2. 2016. С. 52–53.

Гончарко 2016а – Гончарко О.Ю. Греческие средневековые комментарии к учению Порфирия о предикабилиях // Логико-философские штудии. Т. 13. № 2. 2016. С. 50–51.

Гончарко 2016b – Гончарко О.Ю. Обзор работы секции «Византийская логическая традиция» XII Международной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» // Логико-философские штудии. 2016. Т. 13. № 4. С. 166-171.

Гончарко 2016с – Гончарко О.Ю. Семантический анализ временного аспекта византийских и позднеантичных греческих шуток // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. № 1 (239). 2016. С. 160–165.

Гончарко, Гончарко 2016 – Гончарко О.Ю., Гончарко Д.Н. Диалоговые стратегии в логическом образовании: история и современность // В сборнике: Символическая Вселенная ребенка: между информацией и знанием. Сборник научных трудов.

Главный редактор К. В. Султанов; члены редколлегии: В. А. Рабош, Л. Н. Летягин, А. А. Грякалов, И. Б. Романенко, В. И. Стрельченко. Санкт-Петербург. 2016. С. 342–346.

Гончарко 2018 – Гончарко О.Ю. Обзор работы логико-риторической части заседания секции «Балканистика. Неоэллинистика и византистика» XLVII Международной филологической научной конференции // Логико-философские штудии. Том 16. № 3. С. 283–287.

Гончарко 2018a – Гончарко О.Ю. Логика юмора в «Филогелосе»: модально-временной анализ шуток о времени // Логико-философские штудии. Том 16. № 1–2. 2018. С 15–16.

Гончарко 2018b – Гончарко О. Становление логических идей в Византии в период Второго иконоборчества: Феодор Студит и проблема тождества // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. № 4. С. 350–367.

Гончарко, Гончарко 2017 – Гончарко О.Ю., Гончарко Д.Н. Византийский фактор в формировании русской логической образовательной традиции // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции: 2-х томах. 2017. С. 398–402.

Гончарко, Гончарко 2018 – Гончарко О.Ю., Гончарко Д.Н. Логическое образование в Византии: случай патриарха Никифора Константинопольского // Логико-философские штудии. Т. 16. № 1–2. 2018. С. 17–18.

Гончарко 2019 – Гончарко О.Ю. Античные, византийские и новоевропейские истоки логико-риторических работ И.С.Рижского // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. Сборник научных трудов VII Международной научно-методической конференции. 2019. С. 207–209.

Гончарко 2019a – Гончарко О. Теоретико-игровое введение в византийское богословие // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 2. С. 79–87.

Гончарко 2019b – Гончарко О.Ю. Логические приемы в христологических спорах в период Второго иконоборчества // Acta Eruditorum. № 30. 2019. С. 11–13.

Гончарко, Гончарко 2019 – Гончарко О.Ю., Гончарко Д.Н. Платоновский диалог как философский жанр в России в XVIII–XIX вв. : между Византией и модерном // Русский логос – 2: Модерн – границы контроля. Материалы международной философской конференции. 2019. С. 514–517.

Гончарко, Гончарко 2020 – Гончарко Д.Н., Гончарко О.Ю. Семантический аспект апофатической теологии Дионисия Ареопагита и рецепция его логических идей на Руси // Гуманитаристика как школа мысли. Сборник научных трудов. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2020. С. 229–236.

Гончарко, Гончарко 2020а – Гончарко Д.Н., Гончарко О.Ю. Античные, византийские и новоевропейские архетипы в сказке А.М.Волкова «Волшебник изумрудного города» // Вестник Томского государственного университета. № 454. 2020. С. 55–66.

Гончарко, Беззубова, Микешин 2020 – Гончарко О.Ю., Беззубова О.В., Микешин М.И. Византийская история платоновского диалога и его рецепция в России XVIII-XIX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 456. 85–92.

Гончарко, Черноглазов 2021 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Евстратий Никейский и Феодор Продром: два комментария ко «Второй Аналитике» Аристотеля XII в. // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Том 22. № 3. 2021. (Принята в печать).

Черноглазов, Гончарко 2015 – Черноглазов Д.А., Гончарко О.Ю. «Ксенедем» Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века // Вестник РХГА. Том 16. № 4. 2015 г. С.30-38.

Черноглазов, Гончарко 2016 – Гончарко О. Ю., Черноглазов Д. А.. Платоновский диалог «Ксенедем» Феодора Продрома: псевдоантичные герои и их византийские прототипы // СХОАН. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 10. Вып. 2. 2016. С. 571–582.

Черноглазов, Гончарко 2020 – Черноглазов Д.А., Гончарко О.Ю. Диалог Феодора Продрома “Ксенедем, или Гласы”: русский перевод с логико-философским введением // Платоновские исследования 12:1. 2020. Р. 259–280.

Черноглазов, Гончарко 2021 – Черноглазов Д.А., Гончарко О.Ю. «О великом и малом» Феодора Продрома как образец неоплатонического комментария к «Категориям» Аристотеля // Платоновские исследования 13:1. 2021. (Принято в печать).

Черноскутов, Гончарко, Тискин 2018 – Черноскутов Ю.Ю., Гончарко О.Ю., Тискин Д.Б. Современная логика. Обзор конференции // Вопросы философии 5. 2018. С. 209–214.

Goncharko 2021 – Goncharko O. Essay Review: Thomas Bénatouïl and Katerina Ierodiakonou (eds.). *Dialectic after Plato and Aristotle*. Foreword by T. Bénatouïl. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 385 pp. // Journal: History and Philosophy of Logic THPL. Article ID: DOI 191939210.1080/01445340.2021.1919392. Once the article has published online, it will be available at the following permanent link: <https://doi.org/10.1080/01445340.2021.1919392>.

Goncharko, Goncharko 2019 – Goncharko O. Yu., Goncharko D.N. The Dialogue on Aristotle Categories by Porphyry as a Platonic Dialogue // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 13. № 1. 2019. С. 83–93.

Goncharko, Goncharko 2019a – Goncharko O. Yu., Goncharko D.N. A Byzantine Logician’s “Image” within the Second Iconoclastic Controversy. Theodore the Studite // *Scrinium* 15 (1). 2019. С. 163–177.

Goncharko, Goncharko 2017 – Goncharko O. Yu., Goncharko D.N. A Byzantine Logician’s “Image” within the Second Iconoclastic Controversy. Nikephoros of Constantinople // *Scrinium* 13. 2017. P. 291–308.

Goncharko, Romanenko 2016 – Goncharko O.Yu., Romanenko Yu.M. A Brief History of Self-Reference Implementation Notion in Byzantium: Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate Russell’s Paradox? // *Scrinium* 12. 2016. P. 244–260.

Spyridonova, Kurbanov, Goncharko 2017 – Spyridonova L.V., Kurbanov A.V. Goncharko O.Yu., The “Dialogue Xenedemos, or Voices” by Theodore Prodromos. A Critical Edition, with English Translation // *Scrinium* 13. 2017. P. 227–275.

Chernoglazov, Benevich, Choufrine, Goncharko, Schukin 2018 – Chernoglazov D., Benevich G., Choufrine A., Goncharko O., Schukin T. The Cambridge Intellectual History of Byzantium, edited by Anthony Kaldellis and Niketas Siniosoglou, 2017 // *Scrinium* 14. 2018. P. 475–507.

Доклады:

Гончарко 2014 – Гончарко О.Ю. Из истории преподавания логики: византийские штудии // Проблеми викладання логіки та перспективи її розвитку. VI Міжнародна науково-практична конференція (15–16 травня 2014 року). Матеріали доповідей та виступів. С.24–26.

Гончарко 2014a – Гончарко О.Ю. О формах изложения логики в Византии // XLIII Международная филологическая научная конференция, 11–16 марта 2014 г. <https://conference-spbu.ru/conference/13/reports/1433/>

Гончарко 2015b – Гончарко О.Ю. Платоновский диалог как форма изложения логики в Византии // XVIII Международная конференция студентов-филологов, 6–11 апреля 2015 г. <https://conference-spbu.ru/conference/31/reports/2994/>

Гончарко 2016d – Гончарко О.Ю. Логические приемы Феодора Продрома в диалоге “Ксенедем или гласы”: софизмы, паралогизмы или апории? // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М.; Белгород. ООО «Эпицентр». 2016. С. 64–66.

Гончарко 2016e – Гончарко О.Ю. Стилистические и жанровые характеристики диалога «Ксенедем, или Гласы» Феодора Продрома // XLV Международная

филологическая научная конференция, 14–21 марта 2016 г. <https://conference-spbu.ru/conference/32/reports/3500/>

Гончарко 2016f – Гончарко О.Ю. Неплатоновский диалог Порфирия? // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. материалы XXIV научной конференции. 2016. С. 150–155.

Гончарко, Черноглазов 2016 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Комментарии к «Органону» Аристотеля и «Введению» Порфирия в Византии XII века: Феодор Продром и его логический метод // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: Московская международная конференция по Аристотелю 2016. 17–19 октября 2016 г. Институт философии РАН. Материалы к докладам / Отв.ред. В.В.Петров. М. Аквилон. 2016. С. 51–52.

Гончарко 2017 – Гончарко О.Ю. Ирония как риторический прием в произведениях Федора Продрома // XX Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ, 17-21 апреля 2017 г. <https://conference-spbu.ru/conference/37/reports/6652/>

Гончарко 2018с – Гончарко О.Ю. К вопросу о периодизации логического комментария в Византии // XLVII Международная филологическая научная конференция, 19–28 марта 2018 г. <https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/7685/>

Гончарко 2018d – Гончарко О.Ю. (Goncharko O.Yu.) «Платоновский» ответ Аристотелю: два диалога о логике в Византии 6-я Московская международная платоновская конференция: материалы Международной научной конференции, Москва, 31 октября 2018 г. М.: ПФО; РГГУ; РХГА, 2018. 59 с.

Гончарко 2019с – Гончарко О.Ю. От Порфирия до Феодора Продрома: логический комментарий к проблеме соотношения «великого» и «малого» // XLVIII Международная филологическая научная конференция, 18–27 марта 2019 г. <https://conference-spbu.ru/conference/40/reports/10538/>

Гончарко 2020 – Гончарко О.Ю. Три логических работы Феодора Продрома: «Ксенедем», «О великом и малом» и «Комментарий ко второй книге „Второй Аналитики“ Аристотеля» // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Санкт-Петербург, 16–24 ноября 2020. <https://conference-spbu.ru/conference/42/reports/12809/>

Гончарко 2020a – Гончарко О.Ю. Апории и противоречия от Парменида до Феодора Продрома // XXVIII научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и риторика». Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 25–26 июня 2020 г. СПб.: МОО «Платоновское философское общество». 2020. С. 83–86.

Гончарко 2020b – Гончарко О.Ю. Трактат «О великом и малом» Феодора Продрома: Платон или Аристотель? // XXVII научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Пайдейя, государство, человек: антропология в платоновской традиции». Тезисы докладов. 2019. «Платоновское философское общество». С. 73–74.

Гончарко 2020c – Гончарко О.Ю. Период Второго иконоборчества в Византии: логические и социальные дебаты // Modernity: человек и культура. Сборник материалов XXII межвузовской научной конференции. 2020. С. 200–207.

Гончарко 2020d – Гончарко О.Ю. Апории и противоречия от Парменида до Феодора Продрома // Универсум Платоновской мысли: Платон и риторика. Тезисы докладов XXVIII научной конференции. Санкт-Петербург. 2020. С. 83–86.

Гончарко 2020e – Гончарко О.Ю. ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В ПОИСКЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОКОВ «ЛОГИКИ» СОФРОНИЯ ЛИХУДА? // Наука как общественное благо. Сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. В 7 томах. Москва, 2020. С. 81–84.

Гончарко, Гончарко 2020b – Гончарко О.Ю., Гончарко Д.Н. От Феано Кротонской до Феодоры Византийской: женщины в истории античной и византийской логико-философской традиции // Наука как общественное благо. Сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. В 7 томах. Москва, 2020. С. 134–140.

Гончарко, Черноглазов 2020 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Комментарий ко «Второй книге "Второй Аналитики Аристотеля"» Феодора Продрома в контексте позднеантичной и византийской традиции комментирования "Второй Аналитики" // Наука как общественное благо: сборник тезисов/Научн. ред. и сост. Л.В.Шиповалова, И.Т. Касавин. В 7 томах. Т. 7. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки». 2020. С. 14–15.

Гончарко, Черноглазов 2017 – Гончарко О.Ю., Черноглазов Д.А. Платоновский диалог в Византии (IV – XII вв.) // XXV научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платон и античная наука». Санкт-Петербург. 2017. С. 154–156.

Goncharko 2013 – Goncharko O. Medieval Genre of Logical Treatises in Byzantium // Восьмые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 19–21 июня 2013 г. [редкол.: И.А. Герасимова, Д.В. Зайцев, А.С. Карпенко, О.М. Григорьев, Н.Е. Томова; отв.ред. В.И. Маркин] М. Современные тетради. 2013. С. 99–100.

Goncharko 2015 – Goncharko O. Byzantine period of the Diodorus Cronus Master Argument // Девятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 17–19 июня 2015 г. [редкол.: И.А. Герасимова, Д.В. Зайцев, А.С. Карпенко, О.М. Григорьев, Н.Е. Томова; отв.ред. В.И. Маркин] М. Современные тетради. 2015. С. 112–113.

Goncharko 2017 – Goncharko O. The History of Definition Theory in Byzantium // Десятые Смирновские чтения по логике: материалы Междунар. науч. конф. Москва. 2017. С. 135–136.

Goncharko 2018 – Goncharko O. 12th Century Platonic dialogue in Byzantium // XXVI научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Платоновское наследие в исторической ретроспективе: интеллектуальные трансформации и новые исследовательские стратегии». Тезисы докладов. Санкт-Петербург. 28–30 августа 2018 г. СПб.: МОО «Платоновское философское общество». 2018. С. 60–62.